

84(2-4-11.2)

1318

Ал. Демченко

124803

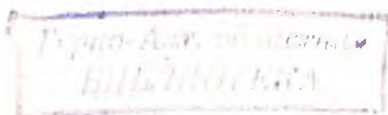

p2

Δ 30

АЛЕКСАНДР ДЕМЧЕНКО

ЛЮДИ
моей
МЕЧТЫ

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

4p - 144803 - 0
508461 - 0

ПРОНЯ ЛУКАШЕВ

Проня Лукашев был удивительно цепким парнем. Всего два месяца, как пришел он из училища в РТС, а уже хозяйничал в цехе. Работу на станке он, кажется, постиг в совершенстве. И, если верить механику, стал незаменимым человеком в мастерской. У станка мог работать, как впаянный. Ни на секунду не переставал гудеть его станок за всю смену. А главное — безотказным был человеком. Шел на сверхурочные. Мог отработать две смены подряд.

— Сил хватит — уверенно говорил Проня, — платили б деньги...

Жил он тихо, мирно, у родной тетки где-то на Луговой, у самой Омutowки. Никто не видел Проню ни в чайной, ни в какой-нибудь шумной компании.

— Спиртного на дух не принимает, — хвасталась племянником тетка. — Не курит. Клад — не парень. Боюсь: достанется, не дай бог, дуре какой-нибудь.

Не без умысла подхваливала Проню и в глаза, и за глаза. К получке высматривала она что-нибудь то на базаре, то в магазине, и Проня беспрекословно исполнял её желание.

После смены он степенно шел домой, осматривал похозяйски изгородь, калитку, запоры и, если обнаруживал какую-нибудь неисправность, тут же, отложив «авоську» с недоеденной сайкой, брался за топор или молоток. Любил Проня поражать тетку своими процентами выработки в мастерской. Знал заранее, что тетка, сделав умильное лицо, всплеснет руками и воскликнет:

— Да родной ты мой! Вот отца-то нет в живых — удивился бы! Он первый работяга был. А уж домовитый, такой старательный! В него ты, Проша, пошел, с его задатками. С его...

Проня усмехнется про себя: «Отец! Что он умел? А тут техника в моих руках!» — усмехнется и пойдет под душ, который сам же сделал в огороде.

Иной раз, едва перешагнув порог дома, небрежно и весело бросит:

— Пятьдесят два рубля шестьдесят семь копеек за смену! Вот как наши работают!

— Батюшки! — ахнет обрадованно тетка и зашлепает мягкими домашними туфлями по кухне.

— Еще и больше могу... Это ерунда!

— Да как же это, Проня, ерунда? — поразится тетка. — Это жизнь! — И скороговоркой, заслоня ладошкой рот, будто секрет, говорит: — В первый магазин диваны какие шикарные подбросили. Не диваны — загляденье. Картинка. Голубенькие стоят, ну поднебесье!

— Диван-то ведь есть, — буркнет Проня.

— Ах ты, господи! А в кухне? Разве некуда поставить? Слава богу, места хватит. Вещь, Проня, в доме — это те же деньги.

После сытного обеда Проня ходил по огороду и выдергивал сорную траву. Как-то так получилось, что не сумел прибиться Проня к ребятам. И товарища не завел постоянного. На отлете остался. Среди рабочих держался в тени. Что-то подсказывало ему: не лезь, отойди в сторону, скорее приметным будешь. Не пристрастился он ни к чтению, ни к кино. Зато машины любил. Понимал он их удивительно легко. Каким-то врожденным чувством умел находить в них главное. Раскусив, тут же терял к ним интерес. Только подумывал: «Вот если бы пришлось мне на этой машине работать, сколько бы получал?»

Заработать... Как можно больше заработать — стало главной жизненной целью Прони.

Так вот и жил и работал Проня в одиночку. Был он по своей натуре невозмутим, осторожен и молчалив.

Но вот пошатнулись у парня привычные житейские устои. Пошатнулись с того самого дня, когда в цехе появилось несколько учеников. Механик предложил Проне взять себе одного из них и подучить работе на станке.

Проня весь засветился от внутренней гордости: как же, будто старому мастеру, поручают ему такое дело... Но когда на другой день застал у своего рабочего места худенькую, стройную девушку, с глазами хитрющей кошки, оробел, растерялся и не знал, с чего и как начинать.

— Это вы — Прокопий Лукашев? — спросила она деловито, подвывая на спине ляжку брезентового фартука.

— Ну, я... — опустил глаза Проня и начал копать в станке.

— Принимайте: будущий знатный токарь Катя Смирнова!

Говорит, а на лице и улыбки нет, будто взаправду режет. Проня взглянул на нее и от смущения стал сильно сморкаться в угол.

Вот с этого дня и началось все. И пошла Пронина личная жизнь по какой-то совсем другой дороге.

Катя оказалась дотошной девчонкой. И то ей покажи как следует, и о другом не утай, выкладывай, что знаешь. Но это бы еще ничего, пусть работает. Так ведь и после смены не отцепишься от нее. Выскочит за ворота мастерской, идет рядом и донимает разными вопросами: «Как ты живешь, Проня? Почему тебя не видно ни в самодеятельности РТС, ни в библиотеке? А как ты думаешь: любил Лев Толстой свою Каренину или нет? Я думаю, все-таки любил? Ведь такая она... такая...»

А какая эта Каренина и за что ее должен был любить Лев Толстой — не говорила. А Проня разве обязан помнить всех, о ком там пишут писатели? Вообще-то, конечно, неудобно перед этой девчонкой. Проня мычал в ответ что-нибудь неопределенное, отворачивался от ее глаз. «Ну и заноза, прямо-таки в пот вгоняет». И дома-то не стало от нее покоя. Так и метлесит в глазах ситцевое платье. Платьице лёгонькое такое — с зеленым горошком по белому полю. Идет, а оно раздувается перед глазами, словно огромный одуванчик. Катя шагает легко, будто летит по воздуху и все лезет, лезет в Пронину душу. И словами, и голосом, и даже смехом своим. А глаза... Проня их никак не мог разглядеть. Вроде бы серые, что ли, а иной раз, будто иссиня такие светлые. Да как и разглядывать-то, когда больше отворачиваешься от нее, насмешливой.

Катя хоть и надоедливая страшно была, но сметли-

вая в работе и цепкая. Это удивило Проню. Ведь не совсем это девичья работа, а она ее осваивает быстро, весело как-то и, главное, крепко. И день ото дня становится ему с ней все приятнее. А когда подошло время и Катя встала самостоятельно за станок, Проня испытывал радость: обучил человека! Но была и затаенная тревога: Катя уходит от него.

Однажды, было это уже после смены, Проня собирался покинуть мастерскую. Как всегда, подошел сначала к доске показателей, нашел на ней свою фамилию, взглянул на опромненную цифру, взятую мелом в кружок учетчиком-нормировщиком — «250 процентов» (высший показатель в цехе за день!), — и направился было к выходу, как его окликнул механик:

— Собрание бригады сегодня. Оставайся.

...Проня сидел позади друпи: похвалить могут за то, что обучил человека, а похвала эта ни к чему. И в самом деле, директор РТС, рассказав о том, как работает станция, назвал в числе первых и фамилию Прони.

— У таких надо учиться, — сказал он.

Проня поймал на себе Катин взгляд. Она была почему-то серьезная, задумчивая. «Что с ней? Недовольна?» — мелькнула у Прони мысль. Потом директор, а за ним секретарь партийной организации стали рассказывать о том, что на предприятиях страны создаются бригады коммунистического труда.

— Ваша бригада могла бы. Правда, не легкое это дело, — сказал директор. — Необычные обязательства должны быть у такой бригады...

«Интересно, что это за соревнование такое», — подумал Проня. А когда секретарь партбюро стал рассказывать, за что должны бороться люди этой бригады, Проня отметил про себя: «Что же, все как у меня: и показатели, и поведение. Разве что не учусь, так я на зубок любую машину в РТС знаю».

— Как вы смотрите на это дело? — спросил директор.

Рабочие высказались в том смысле, что они не возражают.

Стали обсуждать каждого члена бригады. Со всех сторон подходили и, если выискивали какое пятнышко, спрашивали:

— Исправишься?

Проня всполошился. Конечно, у него спросят: «Бу-

дешь учиться?» Пока он раздумывал, директор назвал и его фамилию и тут же добавил:

— Я думаю, товарищи, что он подходящий. Выработка годовая — два плана. Серьезен. Отличного поведения.

— Если не Лукашев, тогда кто же еще? — воскликнул механик. — Кто, я спрашиваю?

Проня сидел потупившись: оно и хорошо, когда хвалят, и неудобно.

Поднялась Катя... Проня поморщился: «Сейчас начнет расхваливать, как учителя своего. Сидела бы... Без тебя решат.»

— Конечно, товарищ Лукашев настоящий мастер своего дела, — начала Катя.

«Ну вот, так и знал, — усмехнулся про себя Проня. — Понеслась...»

— Мастер,.. — продолжала Катя. — И, пожалуй, его можно будет принять в такую бригаду.

— Почему «пожалуй»? — рассердился механик. И все выжидающе посмотрели на девушку.

— А потому: придется с ним повозиться всем, вот. И повозиться крепко! — серьезно сказала Катя.

Проня не смел поднять глаз. Кровь бросилась ему в голову и вздула вены на висках.

— Я поддерживаю Катю, — неожиданно громко сказал секретарь комсомольской организации.

— Единоличник он, — сказала Катя тихо и вздохнула, будто ей самой стыдно и обидно, а не ему, Проне, лучшему в РТС токарю. — Единоличник он, товарищи. — И стала расписывать Проню, да так, что все, что считали в нем хорошее, против него же обернулось.

— Хозяйчик в нем силен, — осуждающе сказала Катя. — Разве думал он когда-нибудь о коллективе? Заработать — вот его струнка. Отбилсь от всех. На все ему наплевать. Провалы, которые иногда прясут нашу мастерскую, его не волнуют. Не так разве, товарищ Лукашев?

Проня вскочил. Лицо его пылало от обиды и стыда.

— Врешь ты все! — хрипло крикнул он. — Завидуешь!

— Глупо, — оборвала его Катя. — Ты докажи, что это не так.

— И докажу!

Проня не нашелся что сказать. Он судорожно мял в руках кепку и повторял бездумно:

— Завидуете... Все вы завидуете! Докажу, докажу!

Пошло все кувырком в жизни Прони. Что-то потерял, будто, парень, а что именно — не мог понять. Работал по-прежнему хорошо, но уверенности той не было. На Катю сначала обиделся, чтобы не видеть ее, попросился в ночную смену. Токарей не хватало, и ночью работало в цехе всего два станка. «Без лишних глаз», — подумал Проня. Нарушились мирные отношения и стеткой. Ее умильное восхищение им стало претить Проне. А как-то между ними произошел настоящий разрыв, перепугавший ее. Во время обеда она вдруг спросила Проню, что он скажет, если так, в свободное время, добудет он лес и сделает пристройку к дому.

— Тебе не откажут, ты передовик, — сказала тетка. — И вывезти помогут. А пристроить — плевое дело. Кум Васяка поможет. Помочь соберем, в крайности...

Проня с удивлением посмотрел на тетку.

— Это для чего пристройка к такому дому?

— А ты смекни. Районный центр растет. Люди прибывают, а жить им негде. С руками рвут квартиры-то. Вот и сообрази, куда этот прируб потянет. К большим прибылям потянет. Эх, ты, зелень моя, зелень!

Проня почувствовал, как закипело вдруг у него на сердце. Голову обнесло жаром. Он резко отодвинул от себя тарелку с супом, отчего на клеенку плеснулся жир, и, поднявшись из-за стола, метнул такой свирепый взгляд на тетку, что та невольно перекрестилась.

— Нашла дурака. Как же, сейчас вот начну строить! Хватит. К чертям собачьим! К чертям!

Проня выскочил из дому, огородами пробежал к реке, упал на траву и долго лежал вниз лицом. Приподнялся, когда в шею впились комары. Взглянул и замер: около него, свесив ноги к воде, сидела Катя.

— Зря лежишь здесь, — сказала как ни в чем не бывало девушка. — Земля влажная, простуду схватишь дважды-два. Что стряслось? Небось, с теткой не ладил? Ведь ты угодник по части домашнего уюта.

Проня ошалело смотрел на девушку. «Откуда знает?» Оробел было на мгновение, потом опомнился, вскочил и, отряхнув с брюк приставшие былинки, зло сказал:

— Ну, знаешь... Не лезь, где тебя не спрашивают.

— Вот как! — сказала Катя, смешно вытянув губы. — А я-то думала член бригады, все-таки... И какой еще! Человеком становится.

— Не тебе учить.

— Не ври! — строго вдруг прикрикнула Катя и хлопнула ладошкой по коленке. Потом мирно: — Ты не кипятишься. Присядь. Дело большое есть.

Проня потоптался нерешительно. Давно чувствовал, что имеет она над ним власть. Хотя и не раз закипало у него против нее в груди, а та, прежняя Катя, Катя первых встреч, все-таки тянула к себе, властвовала где-то в глубине его сердца.

— Слушай. Не справляемся с ремонтом. Сколько у нас неполадок! Возьми эти подшипники. Пока добудешь из втулки — треть смены уходит. Может, придумать что-нибудь, а? Давай займемся. У меня уже кое-что есть. — Катя торопливо развернула бумагу. Перед глазами Проня зареял чертеж. Он внимательно посмотрел на него и, ничего не поняв, отвернулся, сплюнул в речку, насмешливо произнес:

— Изобретать начинаем? Давай, давай. А мы посмотрим.

Девушка вскочила. Хрустнула ватманская бумага в ее руке.

— Я думала ты человек, а ты... — Она махнула отчаянно рукой и пустилась от него бегом.

Проня стоял на берегу и смотрел на тихую заводь. То тут, то там видел он мелких рыбок, медленно пошевеливавших плавниками.

Такой мирный и ласковый вид. А на сердце у Проня... На сердце черт знает что! Понимает, чем задеть за живое девчонка. Но разве можно простить ей все так, за здорово живешь? Облила грязью, теперь подлизывается.

— Посмотрим, как вы с чертежами справитесь, — прошептал Проня. — А мы без них придумаем. Палочкой на земле, по-своему.

...Задолго до смены Проня готовил инструменты, необходимый материал. Поэтому всю смену работал, не отрываясь по мелочам. От этого правила он никогда не отступал. Он из этого не делал секрета, и бригада переняла его опыт. Однако, в выработке у него и после не было соперников. Проня как бы сживался во время работы со своим станком: ни одного лишнего движения,

ни одного неверного поворота детали под резцом. Проня мог забыться, думать о другом, а руки, будто автомат, делали нужное дело.

Прошло уже дня два с того вечера, когда он встретился последний раз на берегу Омутовки с Катей. Неладно творилось с Проней, недомогал, температурило слепка. И на душе пакостно. Он чувствовал, что поступил неправильно. Катю, конечно, обидело ехидное, злое замечание по поводу ее рационализаторского предложения. Мысль о новом приспособлении для извлечения подшипников не давала ему покоя все это время. Он уже видел в общих чертах этот механизм, но чего-то не хватало. Какой-то одной детали. Мысленно он представлял уже его работу, но... Это «но» лишило его сна и покоя... Иногда ему казалось: обратиться еще раз к нему Катя — и мысль его сработает в нужном направлении. А сейчас к его думам примешивались нервозность, сознание вины своей перед ней и еще что-то, а что — не мог понять.

Сам того не сознавая, стал замечать за собой странные вещи. Идет он на смену, и вдруг кто-то будто толкнет в сердце: «Погоди. Оглянись. Идет. Она идет...» Он оглядывался, но ее не было. Или, вдруг во время работы, ему послышится ее голос, смех. Оглядит исподлобья цех, на дверь посмотрит, на окно — стыдно станет. Уткнется в станок, работает час-полтора бездумно. И снова то это ее изобретение начнет мнить, то она сама... «И зачем обидел девчонку? — думал он. — Теперь вот мучайся... Может, ты и впрямь твердолобый одиночник? Пристройку тетке помоги... Вещичек новых подбрось в дом. А бригада... что ж, бригада ищет эти самые резервы... Но ведь и они тоже хороши. Обозвать-то обозвали — и такой, и сякой, а больше — ноль внимания». Проня стискивал зубы: становилось невмоготу от этой душевной неразберихи и боли.

Секретарь комсомола Кранин все за ней ходит. Собираются, обсуждают что-то. Может, этот самый проект? А может, еще что? Уж очень он внимателен к ней. Сердце Прони замирало, словно кто сжимал его. «Вот придумаю эту конструкцию и образец сделаю, никого просить не стану. Принесу директору на стол... Посмотрю на тебя, секретарь, куда ты будешь стрелять глазами.»

Днем Проню сильно знобило, а ночью продрог. В цехе гуляли сквозняки. В разбитое окно хлестал косой

дождь. Проня поднялся на засаленную табуретку и прибил доску.

До конца смены оставалось еще часа полтора. На востоке, сквозь одвинутые тучи, прорезалась робкая заря. Посветлело. Проне хотелось солнца. Жаркого, обжигающего. Но на дворе хлестал холодный дождь, а в цехе по-прежнему ходил сквознячок. Проня уже не мог сдерживать дрожи. Потом внезапно обнесло жаром голову. Перед глазами поплыли красные круги. Проня выключил станок и опустился на табурет. В углу, около рабочего шкафчика, стоял ручной пресс. Проня несколько раз видел его, но почему-то именно сейчас он пристально стал вглядываться в него. Зачем пресс, чем он его привлек, Проня и сам не сказал бы в этот момент. Но он неотрывно смотрел в его сторону, смотрел, мучительно соображая, зачем он ему понадобился именно сейчас! Да, он нужен был ему. Нужен. Только вот никак не мог вспомнить Проня, почему заинтересовал его так этот обычный пресс с опрочным винтом.

— Винт! — вскрикнул Проня. Вскочил — и застыл на месте. Все померкло перед ним. Судорожно хватаясь за станок, задыхаясь, Проня хотел что-то крикнуть, позвать на помощь, но голос отказал ему, он прохрипел невнятно и беспомощно. Чернокрылая тень сомкнулась над ним.

* * *

Очнулся Проня от вездливого металлического скрипа. «Станок? Нет... Тот гудит ровно. А этот хлябает, будто на проржавленной оси флюгер: жвык, жвык... Покачиваются жестяные крылышки. Жвык. Звук неприятный, пронзительный, режет слух. Жвык. Жвык. Дзинь...»

Проня открыл глаза. Комната незнакомая. Пахло чем-то, белые занавески на окнах, марля. Над головой лениво ворочался вентилятор. Это он и поскрипывал. Над Проней наклонилось улыбающееся лицо девушки. Он поморщился. Ох, как качается все! Будто висит все на какой-то паутинке! Голова кружится. Кто же это? А вот еще... Этот с усами, в белом колпачке. Он легонько отстранил девушку и тоже нагнулся над ним.

— Ну что, братец, живем? — спросил он весело и положил широкую ладонь свою на его лоб. Проня по-

шарил языком во рту. Язык был шершавый, сухой и плохо подчинялся ему. Поэтому он улыбнулся только глазами, а сказать ничего не смог.

— Воспаление лёгких и вирусный гриппок, — сказал усач весело, будто радость сообщил. — Теперь на поправку пойдёшь. Хорошее, брат, у тебя сердце. Быстро поправишься, — говорили те же усы, и Проня понял, что лежит в больнице. — Здоровый парень. Про какой-то винт кричал...

— Винт, — прошептал Проня.

— Тсс... — поднял руку доктор. — Помалкивай.

...Ему ежедневно приносили то яблоки, то шоколад. А однажды тихо открылась дверь, и в палату вошла...

— Катя... — прошептал Проня. — Спасибо, Катя.

Она присела на стул, спросила:

— Ну как?

— Ничего теперь... Винт, Катя, помнишь?

— Винт? — удивилась она.

— Ну да. Кулачки на этих пластинках. Они прижимаются к стенкам. А сверху гайка нарезная...

— В неё винт. Он закручивается и тянет вместе с кулачками подшипник. Так? — перебив его, воскликнула Катя.

Проня, тяжело дыша, глубже опустил на подушку, кивнул ей, улыбнулся. Поняла. Молодец!

— А мы этот стержень придумали, и никак не получалось, всё срывались и срывались подшипники... Ладно, об этом потом. Тебе от всей бригады привет.

— Спасибо.

— Я... Мы... каждый день приходили. Нас не пускали к тебе. Ух и народ здесь вреднющий!

Проня тихо, светло улыбнулся...

— Ладно тебе... Ещё услышат, — он показал глазами на дверь. — Обидятся и не пустят больше... А ты ведь ещё придешь, а?

— Понравилось?

— Понравилось, — сказал Проня и вздохнул, — так бы лежал и лежал... А ты бы стояла тут и стояла...

Катя громко расхохоталась. Потом испуганно закрыла рот ладошкой, огляделась и, пятась к двери, прошептала:

— Поднимайся... скорее... Ладно? — кивнула головой и исчезла.

Проня поднялся на Сокте и прильнул к окну, ожидая, когда она пройдёт мимо. Долго ждал он так, затаясь, но Кати так и не увидел.

Потом разглядел уж, когда выписался и они вместе с Катей шли под окнами палаты: на окнах, до полрамы толстым слоем лежала известь. Проня посмотрел на окна и про себя улыбнулся.

— Ты что? — перехватила его взгляд Катя. — Жалеешь?

— А думаешь — нет? — он посмотрел на неё выжидательно, пристально. Катя увидела в глазах его какой-то странный огонёк, но не поняла. А Проня подумал: «Чудеса! Ведь помереть мог бы тут, а вот палата стоит перед глазами чистая, светлая и ты... Конечно, это ты все перевернула по-своему!..»

Проня случайно задел её руку своей рукой. Катя взяла её и не выпускала до самой Прониной квартиры.

— Ладно уж, — сказал Проня у калитки, не зная, что сказать ей. Он был счастлив.

РУКА ДРУГА

Володьку Ручёва исключили из комсомола. Вина его была давней. Ведь прошло больше двух месяцев, как это случилось с ним..., но разве дело в сроке, если речь идёт о человеке, запятнавшем не только свою честь, но и честь всей комсомольской организации!

Дело не в давности... Так и вели разговор комсомольцы на собрании. Тяжелым был этот разговор не только для Володьки. По лицам ребят, по их выступлениям можно было догадаться, как нелегко осознать, что тот самый Володька Ручёв, который столько лет был с ними вместе, можно сказать, пил из одной кружки, ел из одной чашки, оказался вдруг нечистым парнем, смелодушничал, скрыл от ребят то, чего никак нельзя было скрывать.

Нет. Они не будут либеральничать. И Володька понимал, что иначе и не могло быть. Он сам был предложил жесткое решение, случись такое с кем-нибудь другим. А сейчас он больше не мог, не хотел скрывать от ребят. Ведь надо, наконец, сказать все. Даже Лелька..

Красней она, ерзай на стуле, бросай умоляющие взгляды на него, он всё равно скажет.

Лелька отвернулась к окну, щеки у неё горели.

В президиуме собрания сидела Феня Ермакова, ткачиха. Она гневно смотрела в сторону Лельки. Но когда Володька перехватил ее взгляд, Феня опустила голову.

Ему вспомнились чьи-то слова: «А Фенька вздыхает по тебе, Володька, учти...» Кто говорил? Да важно ли это сейчас? Он запутался в своей любви к Лельке и ничего не хотел видеть вокруг.

Чем только пленила его хрупкая секретарь-машинистка? А может быть, он вовсе не любит ее? Может быть, ничего нет у них общего? От этого неожиданного сомнения Володьке стало страшно. Как же так? Неужели ошибся? Но в одном был уверен; Лелька, конечно, и думать о нем перестанет после его откровения. Ну и пусть. Он сам не подошел бы к ней теперь. Значит, они не будут больше вместе. Не будут...

Но еще страшнее другое. Ведь он не стал хуже. Он прежний, а ребята отошлют от себя. Прежний ли? — подумают они. Если столько времени скрывал свою вину, то черт его знает, что у него там на душе.

Володьку исключили. Виновато улыбаясь и лохматя шевелюру, секретарь комсомольской организации Коля Дьяченко тяжело вздохнул и сказал:

— Плохо, Володька, дело. Бюро горкома за такое дело тоже не помилует. Сам знаешь: хулиганская выходка. Может быть, там и посильнее скажут. Во всяком случае, неустойчивость.

Любил Коля немного ткнуть указующим перстом. Но неожиданно вспыхнула Феня и сердито оборвала Колю:

— Не жаркай, пожалуйста. Небось, у них там свои головы есть. Разберутся как-нибудь.

Коля развел руками.

— Смотри ты! А чего ты на меня-то взъелась? Ведь голосовала же?..

— Ну и голосовала, не отпираюсь, а только... — Феня замолчала, потупилась и махнула рукой. — Ну, вас! Через некоторое время послышался дробный перестук ее каблучков на лестнице.

Володька вышел в коридор, спустился вниз. Стоял

душный июльский вечер. Духовой оркестр зазывал в городской парк. Сегодня танцы. Интересно, пойдет Лелька в такой всечр на танцы? Ведь ее тоже исключили. О ней мало и говорили.

— Пойдет, — сказал вслух Володька. — Не из таких она, чтобы переживать.

Горечь и обида грызли Володьку. Неужели ребята отвернутся? Сам он, конечно, на дружбу никому навязываться не станет, тем более сейчас.

Ему вспомнился тот злополучный день. Бригада собралась на утесе, чтобы еще раз взглянуть на водопад. Лелька, неугомонная и задорная, ущипнула Володьку за локоть и шепнула:

— Давай исчезнем с дороги, как тени. Идет?

— Зачем?

— Глупый. Ты видел когда-нибудь водопад после захода солнца? Нет? Ну, вот. Умереть можно от красоты.

...По лесной тропке к городу ребята растянулись цепочкой на целый километр. Сначала юркнула с тропы Лелька, никто не заметил этого. Володька прошел то место, где она скрылась, поотстал от ребят и тоже шмыгнул в кусты.

И вот они на берегу шумной горной реки. Лелька со вздохом сказала:

— Смотри, мчится как будто бешеная. А того не знает, что к гибели своей летит. Через сто метров разобьется о камни в пух и прах.

Володька посмотрел в сторону ревущего водопада. Лелька правильно сказала: вдребезги разлетятся воды, хорошо, а потом?.. Потом будут снова вместе и где-то соединятся с другими реками. Разве плохо? Вот и рождается сила. Он сказал о том Лельке. Она пренебрежительно бросила:

— Ты, Володька, ни чуточку не можешь пофантазировать. У тебя нет чувства красоты.

А черт его знает, может, и в самом деле нет. Он не стал спорить с ней. Быстро темнело. Краски заката поблекли. Только на самых вершинах гор еще пламенели розовые облачка, а внизу уже заблестели бусинки росы. Лелька пожимала плечами. Она была в легком шелковом платице, но продолжала восхищаться водопадом.

«Хорошо, что в этих местах комаров нет, — подумал

Володька, — забыла бы поэзию свою». Он стал звать ее домой.

— Погоди, Володя, ну, погоди. Вот скоро луна взойдет, ты увидишь... Ты такое увидишь, ахнешь! Пошли на скалу. — Она схватила его за руку и побежала вперед. Пока они поднимались на скалу, из-за горы вывалился распаренный, точно сейчас со сковородки, огромный красноватый блин.

— Смотри! Смотри! — воскликнула Лелька, указывая в сторону водопада. И Володька замер: водопад горел! Во все стороны от него летели раскаленные искры. И ему даже послышалось, будто они шипели, падая на воду.

— Ну? — прижалась к нему Лелька. — Ну?

— Вообще-то здорово! — согласился Володька.

— Не здорово, а восхитительно! — воскликнула она. — Толстокорый ты, Володька честное слово!

Может, и так, конечно. Только он же понимает, что не искры это и не расплавленная лава, а водопад, обыкновенная вода, падающая со скалы...

— Володька, я тебя хочу спросить про одну вещь. Только ты говори всю правду. Только правду. Хорошо? — ласкаясь, прошептала Лелька. Глаза ее горели каким-то сумасшедшим огоньком.

— Говори.

— Ты, Володя... Вот... Ты... правда любишь меня?

— Ну... правда, — чувствуя, как обожгло вдруг ему лицо, пролепетал Володька.

— А-а... Можешь ты, например, во имя любви, что-нибудь сделать такое?.. Ну, необыкновенное что ли, а?

Лелька тяжело дышала.

— И-не знаю. Вот ведь еще придумала, как в романе каком.

— Не знаешь! — упавшим голосом произнесла Лелька.

— Ну, хорошо. Могу! — сказал Володька.

— Тогда слушай, — обрадовалась Лелька. — Перешел бы ты, например, эту реку у самого водопада ради меня?

У Володьки дрогнуло сердце. Но он сказал:

— Смогу. Сейчас? — и, отступив от нее на шаг, взялся за лацканы пиджака, готовый снять его в любую минуту.

Лелька улыбнулась.

— О, теперь я вижу — любишь! Но неужели ты думаешь, что я и в самом деле могу потребовать от тебя такое? — Она подошла к нему и положила свои руки ему на плечи. «Дурачиться», — отлегло от сердца парня.

Было уже прохладно. Луна, взобравшись до вершины горы, сняла серебряным блеском. По воде плетеным поясом стлалась трепетная лунная дорожка. Водопад вдруг стал белым-белым. И только пучина его, ярясь и разбрасывая по сторонам седые космы, затягивалась мрачной синевой.

— Страшно там, — кивнула на омут Лелька. — Страшно. Бр-р! — Она подернула плечами. — Ты присмотришься; словно камни подводные раскалены добела. Ишь, как вокруг них вскипает вода. Видишь?

Володька не отвечал. Он молча накинул на плечи девушки свой пиджак.

Красиво может думать Лелька. Отчего это? Он видит, обычно, как и все: вода, камни. От падения вода разбивается вдребезги — вот тебе и кипень. А она говорит о раскаленных камнях.

— Ты знаешь, что я придумала? Это будет поразительно!

— Что же ты надумала? — насторожился Володька.

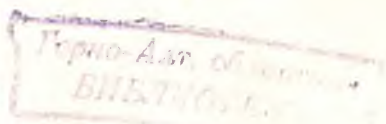
— Лодку! — и она указала вверх по реке, где в темноте, покачиваясь на волнах, стояла лодка.

— Зачем тебе лодку? — удивился Володька. «Что еще взбрело ей в голову?» — подумал он.

— О, это будет настоящее зрелище. Смотри, Володька: ты сказал, что любишь меня!.. — она погрозила ему пальцем. — Тс-с... Понял? Возьми пиджак... Дай спички.

И не успел Володька сообразить, в чем дело, как Лелька бросилась вперед и вскоре исчезла в кустах, потрясая в руке коробком спичек.

Внимательно вглядываясь вперед, Володька потихоньку спустился на луг. Лелька взяла охапку сена из-за копны. «Зачем?» — тревожно подумал Володька и прибавил шагу. Но было уже поздно: Лелька подожгла на лодке сено, с силой оттолкнула ее, побежала по берегу, дико вскрикивая от восторга. На гребне водопада лодку приподняло и швырнуло вниз. Сноп искр, будто рой, взвился кверху. Из пучины с треском вырвалось наружу дымное облако.

Когда Володька подбежал к водопаду, пучина уже выплескивала один за другим деревянные обломки.

Окаменевшая от восхищения, стояла Лелька на берегу. Володьке хотелось поругать ее, но она сделала такое виноватое лицо, что он только вздохнул.

Дорогой Лелька упростила его молчать. Никогда она не была так ласкова с ним.

На другой же день старик, хозяин лодки, пришел на завод. Он видел днем у водопада заводских ребят.

— Не ожидал от них такой пакости, — говорил он парторгу. — А лодке цены нет.

Володька в тот же вечер побежал к старику и признался ему во всем. Карпыч долго сидел, покашливая, у порога избышки. Он не ругал Володьку. Даже слова обидного не сказал. Закурил трубку и стал чистить картошку для ухи. Володька с беспокойством следил за ним. Наконец, не вытерпел. Надвинув на глаза кепку, сказал:

— Ну, вот... Как хочешь, Карпыч, — проговорил он с трудом. — Хочешь, могу уплатить. Всю зарплату отдам.

Старик сурово посмотрел на него.

— На-ка вот, за водой сбегай. — Он подал Володьке закопченный котелок.

...Володька ел уху, обжигаясь, поглядывая настороженно на старика. После ужина дед Карпыч снова набил трубку, подсел к огню, раскурил ее.

— Говоришь, зарплату отдашь?

— Отдам, — с живостью согласился Володька.

— Понятно, — кивнул старик и, сощурив глаза, неожиданно спросил: — А в бригаде хватит силы сказать обо всем?

Володька опустил глаза.

— А я думал, ты настоящий парень. В такой бригаде работаешь... Видно, не очень разборчивы у вас, что берут кого попало.

Володька покраснел. Не знал, куда и глаза девать. Ведь с совестью хотел договориться! Деньгами купить молчание старика. А он оказался выше тебя, Володька, чище.

— Я помогу вам, Егор Карпыч, новую лодку долбить, хотите, буду каждый вечер ходить? — горячо проговорил Володька.

Старик легонько подтолкнул его.

— Не казись, парень. Вон видишь тропу? — он указал на елань. — Виляет... Всякие люди по ней ходили. С разными характерами. Оттого и петляет, будто хвора. Не начинай свою дорогу так. Иди прямее, парень.

«Иди прямее! — вспомнил он. — Вот и дошел... Куда там прямее! Сказал ребятам всю правду и вот... за бортом оказался. А мог бы и промолчать. И к старику не ходить, и от организации скрыть. Кто узнал бы? Лелька молчала как рыба. А теперь ни ее, ни организации, одним словом, человек за бортом...»

— Ты домой? — неожиданно окликнула Володьку Феня и остановилась.

— Домой.

— Вот и хорошо! Нам по пути с тобой, — тихо произнесла она, догнав его.

— А ты что же не на танцах? — усмехнулся Володька.

Феня промолчала. Когда они вышли к реке, Володька попытался завести разговор о том, что случилось с ним.

— Не надо, Володя, — остановила его Феня. — Ты посмотри, какой хороший вечер!

— Ну, конечно, — с обидой бросил Володька. — И ты влюблена в эту поэзию. Все вы в нее влюблены и ходите вздыхаете. — Он прибавил шаг.

— Володя! — позвала Феня. Но он с досадой отмахнулся от нее и скрылся в переулке.

Утром постучали в окно. Володька вскочил и увидел в палисаднике Феню. Она улыбалась ему. Знаками показывала на солнце и укоризненно качала головой.

— Я сейчас, — заторопился Володька. И вдруг вспомнил все. «Не ходить? Решить сразу?» — резанула мысль. Но Феня уже опять звала, поторапливала его, и он ничего не решив, вышел к ней.

Феня и в этот раз ничем не напомнила ему о случившемся с ним несчастье. А ему было неудобно за свой вчерашний грубый поступок.

— Я нагрубил тебе вчера, — начал он.

— Не беспокойся, все понимаю, — сказала Феня. — Я не из щепетильных. Не будем об этом говорить, Володя. Ты знаешь, в бригаде большая радость: пришли сразу три новых станка. Один решают тебе отдать.

— Врешь? — вырвалось у Володьки, но он тут же

Спохватился. — Ты не обижайся Феня. Это я... это от неожиданности, что ли. Он схватил ее руку. — Извини...

Для Володьки наступили горячие дни. Надо за короткое время освоить новый станок, и он с головой ушел в работу. И на каждый новый шаг вперед, на каждую маленькую победу, при освоении сложного механизма, его поощряла ободряющая улыбка Фени. Он видел ее неподдельную радость и гордость за него.

Володька приобрел уже прежнюю уверенность, спокойствие, как вдруг...

Произошло это так. Однажды после смены они вместе с Феней направились к заводским воротам. Возле проходной Феню окликнул Коля Дьяченко. Феня приотстояла, а Володька, нахмурясь, прибавил шагу. Но не успел он отойти и десяти шагов от завода, как его догнала Феня. Володька, насупясь, продолжал шагать к дому, будто не замечал ее.

— Да погоди ты. Не беги, — тяжело переводя дух, попросила Феня. — Знаешь, ты быстренько перехвати что-нибудь и в горком. Понял?

Володька похолодел. Только забылось все, и вот теперь снова обрушилось, свалилось на него, как горный обвал.

— Ну, ты что? — подтолкнула его Феня. — На бюро. Понял? Да быстрее. — Она посмотрела ему в лицо и твердо добавила: — Не трусь. Понял?

* * *

Едва Володька перешагнул порог секретарского кабинета, как навстречу ему со стула поднялся... Егор Карпыч. «Ну, вот, успел наговорить», — неприятно стукнуло сердце парня. А Карпыч повертел в руках свою войлочную шляпу и спокойно сказал секретарю горкома:

— Ну я, значит, пошел. Прощайте, ребята!

Володька присел на краешек ближнего стула.

— Ты поближе, Владимир.

— Поближе! — услышал он голос секретаря. — Ну, как станок?

— Станок? — вскинул брови Володька, не понимая, причем тут станок.

— Можно работать? — допытывался секретарь.

— Конечно... — смял в руках кепку Володька.

— Вот и отлично, — продолжал секретарь. Он перелистнул какие-то бумажки под рукой. — Решили мы, Ручьев, поддержать ходатайство старого большевика-партизана Егора Карпыча Полева.

«Большевика партизана? — кровь обожгла лицо Володьки. — Вот тебе и старик!»

— Он просит за тебя, — продолжал секретарь. — Поверил. Бригада верит тоже. Одним словом, бюро отменяет решение первичной организации. Но учти, выговор запишем и так просто не снимем. Делом доверие оправдаешь.

Володька вскочил, не дав секретарю закончить:

— Да я на все готов! Увидите, оправдаю!

...Вечером на берегу реки, прижимая к себе локоть Фени, Володька восхищенно говорил:

— Ты смотри, какое небо в воде! Будто ромашковое поле. Правда?

Услышав в ответ тихий смех, Володька обиделся:

— Смешно, да?

Феня, все еще улыбаясь, посмотрела ему в глаза:

— А думаешь, нет? Давно ли ты сердился: «Поэзия... Все вы этой поэзией заражены!»

Володька фыркнул. Это правда. Но ему так радостно, он так счастлив сегодня.

— Ты должна понять это, Феня. А поэзия, может, тут совсем и ни причем.

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

ГЛАВА I.

Ночью на вершинах гор выпал снег. Туман и легкая изморозь легли в долины. Густые заросли черемухи, облепившей извилистые берега капризной речушки, к утру переоделись в бордовые и красные сарафаны. В одну ночь преобразились и березки. Взбегая по склонам гор, они вдруг зазвенели разноцветными серьгами, раздувая на легком ветру желто-зеленые платица. Лишь сирень в палисадниках домов да в поредевшем парке не только сохранила свой летний наряд, но, казалось, ещё больше налилась густозелёными соками.

«До буранов будет стоять, — подумал Андрей, невольно залюбовавшись гордым и сильным растением. — Вот и человек, — прошептал он. — Да... Так же должен... Если нужно, и против бури... Против ветра...».

Андрей Русанов возвращался из городского Дома культуры. На город ложились сумерки. Слегка подмораживало. Мутные лужицы затягивались лучистыми перламутровыми кристалликами льда. На автобусной остановке, как всегда в это время, было многолюдно, и Андрей решил идти пешком.

Хотелось собраться с мыслями. Он еще шептал слова, сказанные в адрес сирени, но мысли его были уже о другом.

Вчера он выступал по радио, сегодня — в Доме культуры, но что он сказал нового? То, что его бригада вот уже на протяжении восьми месяцев перекрывает дневные нормы? Разве это новое для завода? А что ты ска-

жешь. если тебя спросят Андрей: почему не выполняет свой производственный план твой сосед Степан Лазарев? Разве ты не в ответе за его бригаду? Растревоженный, разгоряченный, Андрей не заметил, как подошел к небольшому домику с белыми ставнями. В комнате еще горел свет.

«Читает, небось, ждет», — подумал о жене, и ему почему-то стало не по себе. Уютный домик, обстановка, сад, мягкая характером, любящая жена — все это показалось на миг отчужденным. «Странно, — подумал он, — чем же вдруг стал недоволен ты?»

Андрей снял кепку, вытер вспотевший лоб. Ну, а на заводе твоём такой же порядочек и уют? Как же все-таки с бригадой Лазарева? Он присел на скамью у каютки. Перед ним встала фигура Степана. Небольшой, очень подвижный, с белым клоком кудрей над левым ухом, озорными глазами и этим за каждым словом следовавшим к месту и не к месту: «Да? Да?», «Мы приняли обязательства, да?», «Мы решили на бригаде, да?» Откуда у него это? Будто лягает этим словом.

Не раз думал про себя Андрей пойти в бригаду Степана. Думал, а себе даже боялся сознаться, что мог бы... Мог поднять бригаду на большие дела. Топчутся ведь люди. Пойти? Но кто тебя просит об этом? А разве нужно, чтобы просили? И все-таки.

... Вот он придет к Лазареву и заявит: «Плохо вы, братцы, работаете. Позор на весь завод. Подумал я и решил вас из прорыва тащить, ребята». «Да? — тряхнет своей куделей Лазарев и озорно подмигнет парням. — А мы его просили, ребята, да?» Андрей стиснул зубы.

— Да, да, да, — проговорил он запальчиво, вскочив. — Пойду и заявлю прямо в парткоме: да, товарищ Лазарев, никого не может удовлетворить твое неумение поднять людей. Твое такое легкое отношение к делу, к производству.

Андрей постучал в окно.

— Ты, Андрюша? — раздался спокойный голос Ольги.

— Мгм, — нетерпеливо мыкнул Андрей. В комнатах стояла тишина. Только со стены медленно и важно отбивал массивный маятник свое: тик-так, тик-так.

В плетеной койке, разбросав пухлые ручонки, посапывала маленькая Наташа. Щеки ее покраснелись.

— Не заболела? — забеспокоился Андрей, подходя к ребенку.

— Ну, скажешь тоже... Наворожи, — обиделась жена. — Тебя все ждала.

— Засиделись, — сказал он.

— Знаешь что, Андрюша, — встрепелась вдруг Ольга. — Ты в этом месяце получишь премиальные?

— А... тебе зачем? — Что-то неприятное шевельнулось в его душе.

— Да вот я все о том: хорошо бы купить на всю комнату ковер. Ползает ведь Наташка, а пол холодный.

Андрей посмотрел на пол, который был покрыт теплыми шерстяными половиками. Она перехватила его взгляд, поморщилась.

— Половики... Стыдно даже. Да и тонки они.

Ничего не сказав, Андрей сел к обеденному столу. Ольга подала ужин.

— Ты бы подогрела поджарку-то, — буркнул Андрей.

— Сколько можно подогревать? — обиделась Ольга. — Обещал к одиннадцати, а уже скоро двенадцать.

— Ну, ладно. Ну, хорошо, — Андрей ел без всякого аппетита. Ольга села напротив, посматривая на мужа. Он явно чем-то встревожен. Еще не было так, чтобы за столом совсем не замечал жены.

— Ты что? — спросила она.

— А ничего.

— Но я же вижу!

— Что ты видишь? — в глазах его блеснула смешинка.

— А то, что... то, что не такой ты, как всегда. И разговаривать даже не хочешь...

— О чем говорить? — Он пожал плечами. — О коврах да о дорожках?

— Ну, конечно! Я уже совсем выжила из ума. — Ольга резко поднялась со стула и ушла в комнату. Андрей прислушался. Вот скрипнула кровать. Мягко упала на пол подушка. Раздалось приглушенное всхлипывание.

— Вот так! — горько усмехнулся Андрей и, отодвинув от себя сковородку с засушенной поджаркой, мрачно посмотрел в окно. Вот и пойдешь в эту отстающую бригаду. А кто будет премиальные зарабатывать? Да и зарплата с прогрессивкой. Ведь наполовину отойдет. Может, наплевать на все это? Какое тебе дело? Пусть парторг вместе с завкомом и директором головы ломают. Поче-

му я должен поступиться всем: и авторитетом своим — ведь неизвестно, сколько времени тянуть придется бригаду, — и деньгами?

Андрей посмотрел на печь, где прогревала свои кости престарелая мать, на койку, где, укрывшись одним одеялом и прижавшись друг к другу, спали его и Олин братишки.

Шесть человек — семья. Нет, с чего это вдруг ты стал таким сознательным? Никто тебе этого не предлагает, никто тебя не неволит. Какое ты имеешь право садить семью на паяк?

Андрей долго ворочался в постели. С женой хотя и помирился, но беспокойства одолеть не мог. Он представил себе, как расскажет ей о своей думке, как она начнет корить его. Да, именно она будет корить.

Где-то глубоко в сознании гнезвился протест против всего этого наносного, временного. Разве он когда-нибудь всерьез думал о деньгах? Разве главное это во всей его жизни? Даже когда он был учеником слесаря, разве разряд тревожил его так, как жажда познаний и желание работать во всю силу?

* * *

Андрей откладывал со дня на день осуществление принятого им решения, боясь перешагнуть условные, подсказанные ложным самолюбием преграды. Не хотелось, чтобы это выглядело торжественно и всеуслышание. А как это сделать иначе? Поговорить один на один с Лазаревым? Высмеет, сраму не оберешься на всю жизнь. Ну, хорошо. А если ты еще раз подскажешь ему его недостатки? Может, поймет, возьмется за дело по-другому, тогда и тебе не надо будет думать обо всем этом и Ольгу не растревожишь.

Ольга... Как все-таки получилось так, что ты проглядел ее, ты, думающий о других, о большом общественном деле? Как могло случиться, что твоя жена стала другой, и то, что раньше ей казалось хорошим, нужным, теперь видит совсем по-иному? Андрей не говорил еще с ней о своей думке, но чем ближе был к ней, тем больше убеждался, что не поймет она его, не поддержит. Ты посмотри, как стала приглядываться к тебе, к каждому твоему движению. Присмотрись к ее глазам, осторожным словам и намекам. Она тебя в чем-то подозревает,

но ведь и действительно давно ты не был с ней откровенным. Все молчишь больше. Даже отвечаешь невпопад. Нет, надо предпринимать что-то, Андрей. Нельзя играть в молчанку.

Вечером Андрей принес премиальные. Ольга тотчас же засобиралась в магазин. Идти с ней отказался, сославшись на усталость. Как было приятно в первые годы их совместной жизни приобрести вместе какую-нибудь хорошую вещь. Теперь ты видишь в этом что-то плохое. Куда все делось?

* * *

Сегодня в смене Андрея почти весь день проторчала у станков молодой инженер Нина Павлова. Проводила хронометраж. Маленькая, со взбитым пучком волос на затылке, она показалась Андрею нахохлившимся после дождя воробышком. Только глаза серьезные, серые и настойчиво требовательный взгляд, выдавали ее, видно, недюжинную натуру. Строгость и простота как-то легко и естественно сочетались в ней, и никто не обижался на нее, если она, заметив промах у токаря, говорила, не повышая голоса, уверенно и твердо:

— Не спеши. Куда гонишь стружку? А ну-ка, возьми кронциркуль!

Чем больше приглядывался к девушке Андрей, тем больше она ему нравилась.

«Может, поговорить с ней откровенно? — подумал Русанов. — Она сейчас преподает что-то в вечерке. Кажется, математику и черчение.

Андрей вышел на улицу и неожиданно столкнулся с Павловой.

— Товарищ Русанов? — не то обрадованно, не то удивленно подняла черные ободки бровей Нина. — А я вас, между прочим, хотела видеть.

— И я вас, только не между прочим, а по-настоящему, — улыбнулся Андрей.

— И вы? Ну, вот и чудесно. — Она огляделась, будто нища чего-то.

— Вот сюда, — указал Андрей на беседку у автобусной остановки. Она молча кивнула ему и пошла вперед.

— Знаете, а ведь в бригаде этого, как его... — она прищурила глаза, вспоминая.

— Лазарева?

— Да. Представьте себе, хронометраж показал... Ничуть ведь не хуже ваших работают!

— Я знаю.

— Так в чем же дело? — воскликнула девушка. — Почему срываются часто? Сам Лазарев виноват?

Андрей пожал плечами.

— Когда надо, черта свернут, а больше так... Лишь бы до плана дотянуть. А бывает, что и того не дают. — Он подумал и добавил: — Бригадир, по-моему, много значит.

Подошел автобус, и на тротуар торопливо сошла Ольга. Оглядевшись, она увидела Андрея с девушкой. На короткий миг остановилась, будто обо что-то споткнувшись. «Так вот в чем дело! Вот почему он стал таким!» — выплеснули ее глаза. Потом Ольга резко вздернула плечами и молча пошла к дому. Заметив ее, Андрей вскочил.

— Извините... жена, — торопливо проговорил он. — Я ведь встречать ее вышел. Если можно, мы поговорим еще с вами, хорошо?

— Конечно. Это наше общее дело.

Андрей догнал Ольгу и пошел с ней рядом.

— Зачем ты так, Оля?

— Ах, вот оно что! Может, и перед ней надо было расшаркаться! — Голос ее дрожал. Она нервно кусала губы.

Андрей, поняв состояние жены, тихо и строго сказал:

— Поговорим всерьез, Оля. Я тебе все, все скажу. Так нельзя дальше..

— Значит... Значит, это уже всерьез? — чуть не плача, сказала Ольга.

— Что всерьез? — удивился он.

— Ну как что? Ваши отношения с ней! Разве я не вижу.

— Не понимаю тебя...

Он не знал, как убедить Ольгу. Да и не хотелось. Мешало что-то. Раздражало.

Выручил председатель завкома Мурашов. Вот уж никак не думал Андрей, что так получится.

Стоял погожий воскресный день. Снежок слепил глаза, Андрей собирался посидеть в читальном зале городской библиотеки.

— На деловой разговор собираешься? — не скрывая

ехидцы, спросила Ольга. Андрей посмотрел в окно, на запорошенный снегом сад, на серебряные блески инея, опушившего ветви деревьев, улыбнулся.

— Не предвидится. Наговорились в цехе. И вообще, Оля, напрасно ты... Хорошая, деловая она девушка, не станет с нашим братом, женатиками, канитель водить.

— Знаю я их. Всякие есть. Так и норовят в семью чужую ворваться.

— Только не эта... Брось ты. Кто-то, кажется, к нам. — Андрей кивнул в сторону двери. Оттуда донесся скрип половиц и затем осторожный стук.

— Да, да! — крикнул Андрей.

Вошли двое: невысокий пожилой мужчина и молоденькая девушка. Ольга растерянно посмотрела на гостей. В девушке она узнала инженера завода.

— Встречайте неожиданных, негаданных, — весело сказал Мурашов, снимая шапку и быстро оглядывая кухню.

— Пожалуйста. Раздевайтесь! Давайте сюда пальто. На вешалку, — предложил Андрей. — Оля, зови гостей в комнату.

— Мы и здесь можем. А раздеться... что ж, Нина Алексеевна, пожалуй, разденемся, а? Хозяева гостеприимные попались! — добродушным баском проговорил председатель завкома. — Только, чур, никаких чаев! Идет? Мы ненадолго.

— Вот именно. Не беспокойтесь, — сказала девушка.

— Ну, что это за гости, которые от чая отказываются? — Обиделся Андрей. — Оля, а ну развернись! — захлопотал он. — Мы вас таким вареньем угостим!.. Ее вот производство, — он кивнул на жену. — По своим рецептам варит.

— Хвали, хвали, — улыбнулась Ольга. «Как он загорелся! — шевельнулась мысль. — А может, все это ерунда? Девушка, видно, серьезная. Неужели наберется нахальства на дом идти ради встречи?» Тревожно, ох тревожно на сердце Ольги.

Мурашов перебрал домашнюю библиотеку Андрея, похвалил за связь с бибколлектором, заглянул в комнату.

— Хорошо живешь, Андрей Петрович. Культурно и безбедно, — сказал он.

— Пора бы. Кажется, две инженерских зарплаты получаем.

— Скромничаешь, батенька. Инженер на окладе. У тебя, чай, прогрессивка на две инженерских ставки, а? — он посмотрел в сторону молодого инженера.

— За дело государство не скупится, — сказала девушка.

— Если бы так трудилась другая бригада, — вздохнул Мурашов и выразительно посмотрел на хозяина.

— Кого имеете в виду? — спросил Андрей.

— Кого? Будто и не знаешь, Андрей Петрович.

— Мы говорили с вами об этом, — напомнила инженер, скрывая в глазах хитринку.

— Догадываюсь.

— Ведь, понимаешь, какое дело? — встрепенулся Мурашов. — Если бы в бригаде Лазарева удалось поднять производительность труда хотя бы на два-три процента, — завод получил бы десятки тысяч рублей прибыли. Вот оно дело-то какое, Андрей Петрович.

— Понимаю, — подтвердил Андрей и вдруг решительно проговорил: — Хозяина там нет. А ребята... Ребят поднять нетрудно. — В глазах Андрея прорезалась стальная искра.

— Верно, Андрей Петрович, верно, — хлопнул по коленке хозяина Мурашов. — А он есть, настоящий хозяин-то. — Мурашов подмигнул девушке.

«О чем это они? — подумала Ольга. — Уж не думают ли они?..»

Андрей взволновано посмотрел на гостей.

— Не знаю. Но мне всегда казалось, что не так воспитывает людей Лазарев.

— Именно! — воскликнул Мурашов.

— Я же вам говорила! — бросила в его сторону девушка, — Андрей Петрович видит правильно.

— Что ж... Я бы... Я, — Андрей поднял глаза и вдруг встретился с глазами жены. Ольга выжидательно смотрела на него. «Говори, говори, Андрей!» — приказывали ее глаза.

— Я бы, кажется, смог. Я давно думал, но...

— Что но? — насторожился Мурашов.

— Но все побаивался, как это вдруг самому назваться?

— Вот чудак! Взаимоотношения Лазарева строятся на ложном представлении о дружбе и товариществе. А почему тебя мучает ложная скромность? — Мурашов

погрозил Андрею пальцем и вдруг, посуровев: — Я видел тебя... Следил за твоим состоянием. Все мы видели. Ты должен решиться, Андрей Петрович. Это твой долг.

Ольга, обтирая руки о фартучек, шагнула от печки к столу. Лицо смущенно горело.

— И я... Я тоже видела. Только не понимала его. Молчит, переживает. А что мучается? В себе переваривает... Я уж, бог знает, что стала думать. — Ольга, счастливо улыбаясь, посмотрела на Павлову. — Правда! Вот честное слово!

Андрей удивленно вскинул брови. «Ольга! Неужели?» Он был готов броситься к ней, обнять, стиснуть в своих крепких руках и целовать, целовать... Но сдержался, тихо сказал:

— Спасибо, Ольга.

— То-то, брат, — Мурашов снова стукнул его по коленке.

ГЛАВА II.

(Из дневника Ольги Русановой)

«Андрей, Андрей!.. Ну зачем ты так... Почему ты все это как-то там по-своему усложняешь и видишь все в другом свете... Все устроилось как надо... Хотя ты и не велел мне идти к Мурашову, а я взяла вот и пошла, все-таки... Подумаешь! Ведь не христарадничать же я пошла! Он все понимает... Работу дали не плохую. Буду помогать библиотекарше Кате и не думай — учиться стану. Катя поможет заочно в библиотечный техникум определиться. Пусть забыла кое-что за эти два года. Не волнуйся — нагоню! А за Наташку не беспокойся. Сейчас от нее. За милую душу чувствует себя в яслях. Пусть и она привыкает к обществу. Ведь так же надо?»

«5 октября. Вот уже третий день Андрей в бригаде Лазарева. Усталый приходит и чуточку злой. Разругал, что Наташку оставила «без настоящего надзора». Вот тебе и передовик производства! Думает, что только мать может устроить и тепло, и ласку для ребенка. Сегодня зашли нарочно с ним вместе в ясли. Заскочил он первым. Вижу, расстроен.

— Где же она? — спрашивает меня, а у самого глаза тревогой горят.

— Да вот, — говорю, — смотри на большой ковер! А на ковре их человек шесть. Одни ползают и возятся с погремушками, другие — в качалках блаженствуют. Тепло. Уютно. Светло. Наташа лежит на подушке и крутит перед глазами куклу.

— Дочка! — тихо позвал Андрей и протянул руки.

— Куда же вы? — кинулась навстречу ему няня. — И без халата еще...

— Да я же ее отец, — возмутился Андрей. А я посмеиваюсь стою сзади.

— Все равно. Немедленно халат. И не лаптите, пожалуйста, сапожищами.

Строгая серьезная няня. Как в своем доме командует. Это Андрею, видно, понравилось. Он кашлянул в кулак и спросил уже спокойней:

— Ну, как она? — показывает на дочь.

— Да что ж она? Не видишь, что ли? Живет и в ус не дует твоя доченька... В следующий раз она тебя и не признает вовсе такого...

Андрей усмехнулся. Вижу — доволен. Всю дорогу помалкивал, а у самого дома вздохнул и, все-таки произнес с сожалением:

— А, что там не говори, жалко Наташку. Придешь домой, а ее нет, будто отказались от девчонки...

— Можно и домой на ночь носить, — говорю, — если хочешь. Только это, пожалуй, хуже. Она должна сдружиться со своими первыми подружками.

Он промолчал. — Разве мне-то легче думаешь? Хожу без нее, как потерянная, все ищу чего-то...

Сегодня Андрей, уже ложась спать, сказал:

— А Лазарев-то, дурит...

Я так все дни переживала за их взаимоотношения, что как-то предложила:

— Позвал бы ты его.. В гости, что ли. Жену пусть захватит. Посидим. Радиолу послушаем.

Он нахмурился и едко бросил:

— Подлизываться к нему? Никогда не гостили друг у друга и вот буду звать...

Прав он, конечно, прав. Ну, а мне почему-то думается, нет тут никакого подлизыванья, а просто по-дружески.

— Если б он так понял...

Да, пожалуй, он, все-таки, прав. Что же? Как у них

сложатся взаимоотношения? Дурашлив Лазарев. Свое нравный. И вот, пожалуйста:

— Лазарев дурит!

Спросила осторожно:

— Что ж он, Андрюша, делает?

— Да пока ничего. Дурит.

Больше ничего и не сказал. Надо бы как-то узнать. Спрошу, пожалуй, у Нины. Она-то должна знать».

«6 октября. Сегодня бригада Андрея получила ответственный заказ. Я знала о нем. Андрей как-то сказал:

— Вот и начинается испытание для всей бригады... Хватит ли духу?

Сам он с утра до вечера на фабрике. Заказ действительно очень важен. Нужны станки дооборудовать новыми приспособлениями. Бригада коммунистического труда ткачих к 7 ноября, к празднику, переходит на многостаночное обслуживание. Как-то справится Андрей с бригадой! Сегодня в библиотеку зашел Мурашов, с ним парторг Павел Иванович. Они о чем-то спорили еще на улице, зашли к нам и продолжают сердито перепираться. Слышу речь идет об Андрее, его новой бригаде, а что к чему — не могу понять.

— Столько, сколько и ты. И верю в него не меньше, чем ты, а вот такое дело — повременил бы на испытание ставить, — сказал Павел Иванович.

— Только на таких заданиях и можно проверить людей, — возразил Мурашов. — Сам пойду в цех и буду там сидеть...

— Красиво, нечего сказать! — фыркнул Павел Иванович. — Да ты, что городской? Или, может, газеты им будешь вслух читать?

— Ну, не буквально же сидеть... А прийти побеседовать. Потом снова зайти.

Поспорили так и ушли, прихватив какие-то брошюры. «Это о нем... о его бригаде», — решила я. Так оно и было. Андрей за ужином сказал:

— Поцапались на парткоме. Не верят и все тут!

— Кому не верят-то? — спросила, а у самой сердце так и рванулось. «Знаю, ведь. Знаю...»

— Говорят, присмотрись еще получше к бригаде... А что присматриваться-то? Вижу, сделаем...

— А Лазарев?

— Молчит. Но чувствую, может подложить свинью.

— Лучше бы не брался пока. Ведь заказ такой ответственный!

— Вот и дело! На пустяках не поднимаешь человека.

Это он хорошо сказал. Но ведь не вдруг же!..»

«8 октября. Нет, не зря опасались и Павел Иванович и другие! У меня так болело сердце!.. Сегодня Андрей не приходил обедать. Сбегала на фабрику и сразу увидела его. Никогда он таким не был. Злющий как черт! Подхожу, а он с кладовщиком ругается. Шум до неба!

— Открывай свою каптерку! — кричит. — Бригада без дела!

А тот спокойненько:

— Не могу. Только через мой труп ты можешь попасть в кладовую. Дефицитный материал по распоряжению директора выдаю. Дошло до тебя?

— Так, давай директора!

— Андрюша, не барахлись... это не табакерка. Полез в карман и получай на добрый чих... Ходил ведь сам? Ну что? Замочек? Да? Стало быть, директор в горкоме на бюро заседает...

— Беги за ним! Слышь? — кричит Андрей. Ребята из бригады окружили.

— Я не посыльный. Я завскладами. Да, — обиделся кладовщик. — Вот низведет директор специальным на то приказом под номером и параграфом в посыльного — тогда побегу. А сейчас я, Андрюшенька, при ответственном деле состою. Да.

— Тьфу! Бюрократы! — рассвирепел Андрей. — Да ты знаешь, нафталин ты несчастный, что бригаду зарежешь?

— Сочувствую, ребятки, — вздохнул кладовщик. — Но, как говорится, помочь ничем не могу.

«Сбегаю к парторгу!» — решила я — и в контору метнулась. Павел Иванович принял. Выслушал, сказал:

— Сейчас директор подъедет. Он был на совещании в горкоме.

— Ну вот, — заулыбался кладовщик. — А вы шумок поднимаете. Всему свое время, ребятки.

— Хорошо тебе, дубовая душа, а тут час-полтора потерян, — огрызнулся один из парней.

— Ну вот, Андрей, — почесал затылок другой. — Отбили бригадой такой заказ и рогатки с первого дня...

— Взялись, кажется, не за свой гуж, — добавил третий. Андрей быстро повернулся к нему.

— Не за свой, говоришь? А за чей же? Неужели мы настолько маломощны, что честью токаря поступиться можем, лишь бы тихо да мирно все было?

Парень смутился.

— Да нет, я что... Я просто так.

Тут подошел Лазарев. Он весело оглядел ребят, потрянул чубом, и, потирая руки, хохотнул:

— Не было ни разу. Да?

— Ну, ты опять за свою музыку, — нахмурился Павел Иванович. — Рад?

Лазарев сдвинул кепку на лоб, беззаботно повел плечами.

— Не рад, а имею собственное убеждение.

— А ну, выкладывай. Послушаем, — строго посмотрел на него секретарь партбюро.

— Так что, когда не знаешь броду, — не лезь в воду, — он стрельнул глазами в сторону Андрея. Тот побледнел. Сжал кулаки. Но сдержался. Может видел, как я так и подалась вперед.

— По броду и дурак перейдет, — спокойно произнес он.

— Зато ты, видно, мастак плавать. Ну и плавай. А бригаду-то зачем топить? — огрызнулся, зло сплевывая Лазарев.

— Ты за бригаду не болей, — обрезал его парторг. — Раньше надо было думать.

— Будто так уж ничего и не думал, Павел Иванович! — обиделся Лазарев.

— Плохо думал, — сухо бросил парторг.

— Зажимаете, Павел Иванович. Что ж, свет не клином сошелся на этой фабрике.

Они поспорили. А вечером я встретилась в детсадишке с женой Лазарева. Ох, как обидела она меня! Ведь всегда, как подруги бывало, только что не целовались при встречах и вдруг:

— Ну, рады-радешеньки, небось? — накинулась Анна, а у самой губы трясутся, лицо пятнами пошло. Я растерялась и не знаю, что сказать, что ответить ей.

— Не потеряла еще совесть. Краснеешь, — язвительно проговорила Анна. — Ловко обдумали. Патриоты! Это вывело меня из оцепенения.

— Ты слюной не брызгай, Анна... Не петушись. Говори толком! — разозлилась и я. — Говори, в чем мы виноваты?

— Я б сказала тебе, да людей тут много, — прошипела, потеряв окончательно самообладание, Анна. — На чужом несчастье хочете в рай войти? Не удастся! Так не бывает... Но попомни: не видать твоему лупоглазому Степкиной бригады... Разбегутся ребята. Попомните!

Ушла я. Анна вслед мне что-то кричала. Я бежала, бежала, будто по раскаленным углям.

А вечером Андрей за ужином сказал:

— Оставил заявление Лазарев. Сегодня на работу не вышел. Пьяный с утра. Дома, говорят, не ночевал...

Больше Андрей ничего не сказал. Все дни эти он сразу же после ужина падал на кровать и тотчас же засыпал. Так и сегодня. Только, засыпая, успел еще сказать:

— Сегодня сам три нормы дал... Ребята лезут... лезут...

— Куда лезут? — не успел сказать — сморил окончательно сон.

Сказать Андрею или нет про встречу с Анной? Лучше не говорить. Не расстраивать его. Но как же Лазарев действительно? Ах, Анна, Анна... Если б ты знала! Что же делать? Как вернуть Лазарева?»

«10 октября. Лазарев ушел из бригады. Три парня ушли с ним. Прибежала вечером Анна. Плачет. На лице синяки. Андрея спросила. А я и сама не видела его вторые сутки.

— Вот... видишь? Любуйся. Избил ночью. Пьяный, — ткнула себе в лицо Анна.

— Да как же, Аня? — ужаснулась я.

Анна заплакала. Как могла уговаривала ее. Может, зря все это Андрей затеял?.. И там хороши тоже — на фабрике... Отпустили человека в такой тяжелый для него час. Анна вскоре успокоилась...

— Ты не сердись на меня, дуру, за то... Накричала тогда... Наговорила с обиды.

— Я понимаю тебя, Аня... Видишь ли... Не так это все...

— Да знаю, знаю. Не агитируй. А как же теперь-то? Рушится моя жизнь... Идет под откос семья. Запил. Буянить стал. Не было этого раньше. Жили как и все...

— Не прав Степан, Аня... Он поступил, как дезертир...

— Сама понимаю... Да вот вишь как получилось. Гложет сердце его обида. Не видит света...

Обида! В этом весь Степан да и сама она... Мне хотелось говорить ей резко, грубо. Я поняла, как прав Андрей. Он-то сумел бы утопить в себе это личное. Но могла ли я помочь этим Ане?... Да и тот... Человек за бортом. Надо на что-то решиться...»

«11 октября. Андрей снова не пришел домой. Говорят, в цехе они часа три не больше отдыхают и снова к станкам. И в такое время уйти из бригады в угоду своему самолюбию! Выдюжат ли ребята? Не сорвут ли заказ?

Анну видела. Машет рукой.

— Пропал Степка... В автобазу хотел — не приняли. «Погодим», — говорят. — Что им торопиться?... А про твоего весь город говорит... Стоят ребята...

Я подумала: «А что, если поговорить со Степаном?»

— Где твой-то?

— А черт его знает... Небось, в чайхане сидит и жрет пиво с парнями.

Я ничего не сказала. Созрело решение: разыскать Лазарева... Поговорить, пристыдить его.

Решила так, а потом вдруг пришло сомнение: облает при всех — сраму не оберешься.

И все-таки решилась.

Лазарев действительно сидел с друзьями в чайной. На столе — батарея бутылок с пивом. Лица парней помятые, глаза потускневшие. Они сидели молча. Невесело же было за их столом. Видно, обо всем уже было переговорено, да и час неурочный, от людей глаза прячут.

Я уже сделала шаг в их сторону, но вдруг почувствовала, что не могу — противно показалось. Резко повернувшись, я пошла к выходу. Но меня заметили.

— Ольга! — раздался голос сзади. Я узнала его: кричал Лазарев.

На улице ко мне подошла «скорая помощь». Машина закричала тормозами так резко, что в нос ударил запах горевшей резины.

— Садись, — коротко бросил шофер.

У меня упало сердце. Я схватила за грудь. — Полежай, полезай, Ольга, — сурово прикрикнул на меня шо-

фер. А я стою и ничего не понимаю. Не узнала даже шофера — соседа.

— Он?.. С Андреем? — прошептала я.

...До фабрики не помню, как доехали. Когда выходила из машины, вдруг узнала Лазарева. Он поддерживал меня под руку и что-то говорил, говорил. Помню глаза: в них светилась вместе с отчаянием какая-то пронзительная чистота, решимость...»

«15 октября. У Андрея нервный шок... Сказалось переутомление. Все эти дни Лазарев после работы приезжал в больницу с ребятами и последним уходил из нее. Андрей настоял перед парторгом, чтоб подменял его в бригаде Лазарев. Павел Васильевич долго отмалчивался, хмурился, наконец, согласился.

— Всыпать бы ему, сукину сыну, за гонор его...

— Не надо, Павел Иванович... Лежачего не бьют».

«16 октября. Сегодня Андрея выписывают. В больницу приехал Лазарев.

— А где букет? — улыбнулся Андрей.

— Какой? — растерялся Лазарев.

— Так положено же выздоравливающим букеты дарить!

— Вот он, Андрей... Я привез, — он извлек из кармана бумажку. — Подписывай.

— Что это?

— Рапорт о выполнении заказа.

— Так и подписывал бы! — Андрей порозовел. Глаза его вспыхнули.

— Нет уж, извини. Я тут десятая спица в колесе, — сказал Лазарев. Андрей пристально посмотрел на него.

— Тогда давай оба, Лазарев... Как никак, а вместе поработали над бригадой...

...Я пишу вот эти строки, а глаза щиплет, вот-вот, кажется, разревусь. Только что разошлись гости. Была почти вся бригада. И Павел Иванович был и Мурашов... Почему так бывает со мной: когда вот такой подъем, радостная взволнованность у всех — мне хочется плакать? Плохо ли это, хорошо ли — не знаю. А все-таки, наверное, хорошо...»

КОГДА ПРИШЛА ВЕСНА

Ленька вылез из шалаша. Стряхнув с плеч шелуху, поминутно сыпавшуюся из сухого валежника, которым было накрыто легкое жилье трактористов, он повесил на шею полотенце и пошел к ручью в Барсучий лог.

Было еще совсем рано, но степное солнце уже осыпало оранжевые брызги росы с цветов и травы, звеня лужом, оно запятнало заросли ивняка, заискрилось в светлой ряби ручья. И в Ленькины плечи, голые, облупившиеся, оно вlepило горячий поцелуй. Ленька улыбнулся, освобождаясь от сонной вязи в теле, взмахнул руками и побежал. У самой воды, споткнувшись, он охнул и запрыгал на одной ноге. Неприятно царапнуло сердце.

— Проклятый пень... И ведь каждое утро... черт!

В кустах раздался сдержанный девичий смех.

— Так и надо! Так и надо — не ходи босиком! Не ходи!..

Галя! Фу, ты... И ведь каждое утро заглядывает... Что ей, собственно говоря, надо? Кого она выглядывает? Ильку?

Из кустов вышла худенькая, черноглазая девушка. Волосы ее были слегка влажны. Они бугрились волнами, а кончики их, высохшие, лохматились. В глазах девушки прыгали солнечные насмешливые зайчики. Трудно отвести взгляд от ее лица. Смотришь и забываешь обо всем на свете. Ведь и неудобно вот так-то: в майке, с облупленными плечами и босыми ногами стоять перед ней. А она ничего. Стоит и светло, безмятежно смотрит на него. Будто ждет чего-то...

Ленька потоптался на месте, сунул ноги в траву, и, с ехидцей, грубовато бросил:

— Все витаминный укус примечаешь?

— Ага... Примечаю, — не обиделась Галя. — А вот тут поаккуратней с травой-то.

— Сейчас! — буркнул насмешливо Ленька. — В этом логу Европу спрятать можно. Найдешь... И вообще, знаешь, что я тебе скажу?

— Что? — затаилась в ожидании Галя.

— Илька приходит со смены ровно в восемь... Понимаешь? Ну, когда на полчаса позже...

Галя какое-то время смотрит на него большими глазами, потом круто поворачивается и, будто нехотя, поднимается на склон. Ленька провожает ее долгим взглядом. Обиделась. А за что? Все знают, что Илька самый счастливый парень в бригаде... Разве не ради него она торчит тут у ручья? Нечего и дуться. Не стану же я с тобой тут... заигрывать.

Ленька умылся, прихватил в листок медунки обмылок и, наотлет держа руку, легкими прыжками взбежал наверх.

Далеко в степи маячила фигурка девушки. Она топорливо шла к березовому колку, сквозь деревца которого виднелось белое здание телятника.

«Сказать или не сказать Ильке?» — думал Ленька. Вскрыв ножом консервную банку, он задумчиво поглядывал в степь, на черные валки пахоты и машинально, казалось, без всякого аппетита завтракал.

Ленька очень дорожил дружбой Ильки. Даже какую-то нежность испытывал Ленька к другу. Может это от того, что Илька был, конечно, статней и красивей его. Леньки, но мускулов, как у Леньки не имел. И поэтому Леньке всегда хотелось что-то сделать за Ильку. Что ей в туне-то сидеть, силе? А сделать приятное другу, помочь чем-то — это разве плохо?

У Ильки была наредкость счастливая внешность. Продолговатое лицо. Нос с небольшой гордой горбинкой. Открытые, всегда веселые глаза какого-то изменчивого цвета. И волосы... Целая копна волос. Илька внимания на них совсем не обращал, а они в своем безалаберном разлете всегда красиво падали и на лоб, и на глаза.

Тогда, еще в вагоне, когда ехали они вместе в этот целинный совхоз, Леньке, слушавшему, как легко пел и играл на гитаре этот красивый парень, казалось, что трудненько будет ему такими-то пальцами дергать сту-

деную ручку прицепа или шуровать вилами колючую кипень соломы на комбайне. Но Илька оказался и в работе боевым и ненасытным. В нынешнюю весну им доверили новенький «ДТ-54». И такой неизмеримой ярости и жадности в деле еще не видел у других Ленька, какие были у его друга. И мало, мало ему сменных часов! Шатается от усталости, слово во всю силу не может произнести, а все щерит свои белые зубы и просит:

— Ну ты, Ленья... Будь другом, а? Еще гон... а? Один... Последний... а?

Вытащит его Ленька из кабины и осторожно на землю положит. Лежи, не егози. Дай возможность и другим поработать на весь размах.

И в шалаше Илька умел находить заделье. Во все дыры цветов понатычет, подметет, перемоем посуду, платочки стиранные развесит. И что бы ни делал Илька, все у него выходило складно и красиво. Даже в пахоте его, как говорит бригадир, какой-то свой красивый почерк. Девушки заглядывались на Ильку, и не было от этого ни у кого ни обиды, ни зависти, так, казалось, и должно быть. Правда, Галя почему-то в танцах предпочитала его, Леньку, но разве он не видел и не чувствовал, что она тянется к Ильке, только, наверное, не решается идти к нему с открытым сердцем. Будто издали изучает его. Что ж, он это отлично понимает и был рад за друга... И не только Ленька — все радовались их растущей дружбе. А после того, как Илька запросто подал ей руку и они, забыв о танцах, пошли в степь, Ленька победно посмотрел на ребят. Какая девушка у его друга! Илька вернулся с восходом солнца. Ленька посмотрел на него и что-то впервые не понравилось ему в его лице. Что это было, мелькнувшее в глазах друга: — не то гордость, не то самонадеянность — не мог определить Ленька, только помнит хорошо кольнуло его тогда. Он хотел видеть Ильку таким же омытым счастьем любви, как это взошедшее солнце. Чистое, ласковое, жгучее. Любовь такой девушки, как Галя, не может, казалось Леньке, не преобразить человека, не зажечь его, не наполнить жгучим сиянием счастья. Но, может, в то утро просто показалось Леньке? Ведь видел после, как Илька ревниво и осторожно оберегал Галю: от плохих, завистливых глаз и разговоров, от сплетен, от многозначительных намеков.

Когда секретарь комсомольской организации Витя Степанов весьма прозрачно посетовал на то, что ни одной еще не сыграно целинной свадьбы, все невольно посмотрели на Ильку и Галя. Илька нахмурился, а Галя грустно улыбнулась. Что у них? Неужели не ладят? Вот позавчера на стане бригады были танцы под баян. Галя взглянула на Леньку, даже обозвала его, кажется, увальнем, взяла его за руку и, смеясь, покачала головой.

— Что? Шершавая? — хмыкнул Ленька, и посмотрел в толпу парней... Ильки нет на смене, а то бы он сказал ему непременно: — Смотри, какая разборчивая она у тебя... А Галя всерьез ответила:

— Красивая рука... Настоящая... Мужская... Сильная...

— Как положено, — растерялся Ленька и кашлянул. Ему было очень приятно с ней. Конечно, он понимает ее. У них, небось, с Илькой, все прочно и, возможно, навсегда. С кем же ей еще пройти в танце, как не с Илькиным лучшим другом, когда она одна!..

Вел ее Ленька в танце легко, как пушинку нес на плече. А плечо горело от ее руки, и было как-то даже душно от внимательных Галиных глаз.

Ленька думал о том, что вот и для него может найтись такая девушка, которую он полюбит, но тут же испугался этой мысли. Дикой и нелепой показалась она ему вдруг. Разве могут быть девушки такими, как Галя? И красотой взяла, и характером, и делами своими... А подстать ей только Илька. И кто отважится рядом с ними закрутить свою любовь, завязать узелок? Она, думалось Леньке, не будет такой яркой и заметной. А вот у них настоящая любовь — всей бригадой за нее переживают... Путеводной звездой для многих горит их любовь.

...С такими мыслями шагал Ленька по мягкой пахоте навстречу рокочащему трактору. Заметив, что Илька и не думает сбавлять скорость, Ленька погрозил ему кулаком и решительно вошел в борозду. У самых Ленькиных ног сбросил Илька газ и, размалеванный, весь в жирных пятнах от гари и масла, соскочил на землю.

— Сегодня тебе не прошел номер, друг, — улыбнулся скупко Ленька и стал наметанным глазом осматривать агрегат.

— Посмотрим, как тебе пройдет...

— Устал? — спросил Ленька. — Я там консервы на угли приспособил...

Илька благодарно блеснул глазами и весело пообещал разделаться с ними.

— Жрать вот так хочу, — он полоснул ладонью по горлу

— Ты бы отдохнул, Илька... Похудел... Не спишь ведь, — Ленька многозначительно кивнул головой в сторону телятника и добавил: — И она доходит с тобой.

Илька беззаботно рассмеялся.

— Отоспимся в стариках, когда на пенсию пойдем...

Ленька сел в кабину, попробовал рычаги и, будто между прочим, тихо произнес.

— Была... В Барсучьем видел.

Илька встрепенулся.

— Ничего не наказывала?

Ленька покачал головой.

— Радости у меня, Лешка, столько... Столько, что весь мир мог бы наделить ею... — воскликнул Илька.

Ленька улыбнулся про себя и запустил мотор. Илька стоял на пахоте и чему-то безмятежно улыбался.

Ленька махнул ему рукой и озорно крикнул:

— Ни пуха мне, ни пера!

Хорошо, кагда так счастлив друг. Честное слово!

* * *

День выдался ясным, по-весеннему ласковым. В проеме дверцы Ленька видел голубое небо, в котором маленькими, запущенными из праща комочками, кувыркались жаворонки. Останови мотор — и сразу услышишь их перезвон. Откуда-то, видно из Барсучьего лога, тянуло тонким ароматом цветов. Даже сквозь тягостный запах бензина и смазки пробивался дух весны. Хорошо начал смену Ленька. Улавливая одним ухом стук мотора и поглядывая изредка в заднее окошечко на тяжелый агрегат, Ленька думал о том, что сейчас делает Илька. Вот видит он его с ложкой в руке, жадно уплетавшего консервы... Неужели так, не умывшись, и ест, как сказал? Едва ли... Не такой человек Илька. Сейчас, небось, плещется в ручье.

И вдруг мысль метнулась к Гале. Витаминный корм ищет для телят... Иш ты... Ленька усмехнулся. Так и

поверили тебе. Кружат, теснятся в голове привычные думки. А конец гона все ближе и ближе к белым дворикам. Вот что-то рассыпалось пятнистое на лужайке. «Телят выгнала на зеленку, — догадался Ленька. — Ишь выбрыкивают».

Не доходя до телятников, Ленька круто развернулся. Он не заметил, как у трактора с хворостинкой в руке оказалась девчонка с насмешливыми светлыми глазами.

— Эй!

Ленька остановил машину.

— Чего тебе? — неласково спросил он, узнав в ней известную всему отделению просмешницу и хохотушку Лизку Орехову.

— У-у, бугай! — сердито вытянула губы Лизка. — Прокати... а?

И не успел Ленька отмахнуться от нее, как та ловко заскочила в кабину.

— Да ты что? Шутишь?

Лизка откинулась назад и засмеялась.

— Жалко, да?

Ленька включил скорость. Что с ней наговоришь? Вреднючая и настырная девчонка.

— Сиди! Может, очумеешь от гула и запаха-то в кабине.

Лизка, помахивая прутиком, помолчала немного, потом лукаво посмотрела на сердитого тракториста и, сдерживая смех, прокричала ему в ухо:

— Привет тебе одна передавала... Хи-хи... Танцор!

Ленька побагровел. В ушах его зашумело от подступившей к лицу крови.

— Ты что? — прохрипел он, хватая дрожащей рукой фрикцион.

— Привет, говорю... Хи-хи... От нее... От Гали... Уж очень она довольна, как ты ее водишь по кругу.

Ленька рывком сбросил газ. Лизка качнулась вперед и испуганно вскрикнула:

— Вот бешенный!

— Слазь! — приказал Ленька.

— Ну-у, чумной, — вскинула тонкие брови Лизка, выпархивая на жнивье. — Ему... Правду... А он шальной. А наплевать! И чего это я пекусь за него?

Ленька долго не мог успокоиться. Такая зловредная на язык девчончишка. Все настроение испортила.

...Обед принес сам Илька, а не повариха, как обычно.

— Лопай голубцы, друг, — сказал он с грубоватой лаской. — А я дам кружок...

После обеда он попросил:

— Сегодня, Лешка, у меня окончательный будет разговор... Понял?

— Конечно, что же тут не понять. Хватит канителить.

— Так вот, Леша... Может, на часок и задержусь... а? Такое дело... Не часто в жизни бывает...

— Иди. Всю ночь до утра, отработаю. Сейчас на староплахотный клин вырвались. Легче пойдет дело, — твердо сказал Ленька.

— Спасибо, Леша, я на часик. Не больше...

«Вот, пожалуй, и дожили, товарищ секретарь комсомола, до свадьбы-женитьбы», — подумал Ленька уже в борозде, вспоминая обеденный уговор с Илькой.

Вечер, тихий и мирный, исходил в красноватой полоске заката, обещая здоровое, ядреное утро. Густели постепенно тени. Вот окончательно стерлись вечерние зарницы, и на небе, покачиваясь и стыдливо помигивая, словно извиняясь за свое раннее появление, зажглись звезды. В степи, то там, то тут, вспыхивали огни. Они двигались в разных направлениях, то исчезали за бугорками, то вновь появлялись. И от этого казалось, будто в степи высыпало множество светлячков. Они шныряют по дорогам и без дорог в поисках чего-то, сами не зная того, что оживляют эту степь своим светением, делают ее похожей на сказочный город.

Пахать на старой земле без прицеппика было нелегким делом: забивало лемеха. Нередко на полосе попадались валки неубранной с осени соломы. Приходилось часто соскакивать и очищать плуги. Правда, норму Ленька давно уже перекрыл в полтора раза, но он успеет еще гона три-четыре дать. (А это, считай — новая прибавка. Ленька постарается внушить Ильке, чтоб себе ее записал. Не нужна она ему.)

Мощным гулом рвет ночную сумеречь Ленькин трактор. За плугами тянутся черные буруны пластов. Если б не эта солома! Вот опять тормози машину — валок. А под ним того и гляди броневого пласта льда... Но что это? Ленька поспешно нагнулся, всматриваясь, и

резко нажал на педаль сцепления. Трактор, сотрясаясь, остановился. С вала соломы поднялся человек и, качаясь, пошел навстречу.

— Илька! — прокричал Ленька и соскочил на жнивьё. — Ты? Да ведь рано ещё! Ты что такой квелый?

Илька снял с себя пиджачок и молча протянул его Леньке, а сам полез в кабину.

— Стой! Куда же ты в новых брюках? Миллионер! — остановил его Ленька. — Снимай. На, мои. Да что с тобой?

Илька послушно взялся за брюки, отстегнул ремень, криво ухмыльнулся.

— Не спрашивай, — мрачно проговорил Илька. — Нету Гали. Все! — Он решительно махнул рукой и стал торопливо раздеваться. — Нету, Ленька, ее... для меня... Навсегда!

Ленька ошалело смотрел на друга и ничего не понимал.

— Ну, что ты zenки пялишь? Чего? Была и нет говорю. Не любит!

— Как это не любит? — ужаснулся искренне Ленька. — Да она что? — Голос его внезапно окреп, стал угрожающе сердитым.

— Да так. Бывает, брат. Люблю, говорит, другого. Но дружить, говорит, дружить не отказываюсь, — Илька презрительно усмехнулся. — Дружить. Понимаешь? Ну, давай штаны.

Илька медленно полез в кабину. Молча он запустил трактор, включил свет. Ослепительными ракетами вылетели на пахоту лучи и застыли. Илька повел агрегат, даже не посмотрев на друга.

Бережно неся в руках Илькин костюм, Ленька в одних трусах и майке побрел к шалашу. Возмущение и гнев на вероломную девчонку распирали его.

— Ну, — погоди же. Погоди. Встретишься ты еще. Поговорим. Тогда уже не обижайся, — мрачно цедил вполголоса Ленька. Он даже оглянулся в сторону телятников и, хотя ничего не увидел там, погрозил кулаком. — Не обижайся.

Потом мысли его метнулись в другом направлении. Кто же он, тот, которого она любит? Ленька стал перебирать в памяти всех парней отделения и бригады, но ни на одном не остановился. Со всеми она была равна,

и, кажется, ко всем равнодушна. Может, не здешний он? Тогда зачем крутить мозги?

Возле шалаша вдруг вспыхнул небольшой костер. Какое-то белое пятно мельтешило около него. «Кто бы мог это? — удивился Ленька. — Комсорг? Он часто и ночами приходит. Небось, опять со своими намеками к Ильке. Когда, да скоро ли, свадьба-то намечается. За нос водила человека и никто не видел этого... Тоже мне комсомольская бдительность!.. И как это? Ну, да эта самая... этика».

Лешка шел открыто к костру, в голове стучала злобная мысль: «Не обрадуешься, комсорг... Не обрадуешься». И вдруг, в нескольких шагах от костра, остановился, и замер, как столб, потом инстинктивно пошатнулся. Заслоняясь от пламени, в степь прямо в его сторону смотрела девушка. Она была в белом платье, на плечах внакидку висел пиджачок. Зло испарилось у Леньки. Сердце его почему-то сжалось, будто Леньку кто родниковой водой облил. Это была Галя. Что ей надо? Зачем она у шалаша? Может, она пошутила над Илькой, чтобы испытать его, а теперь вот пришла и решила все сказать? Сказать правду. Обрадовать парня...

— Леша, ты? — девушка шагнула от костра. — Ну, что остановился? Странно, да?

Ленька выдавил сквозь зубы:

— Ты бы поменьше такие шутки откалывала... Нашла чем шутить. Он там черт те что, небось, выделяет на тракторе...

Галя потупилась. Ленька осмелел и уже добродушней добавил:

— Иди, иди... *Выправляя линию.* Изведется парень...

— Нет, Леша... Нет... — вздохнула девушка.

— Как? Значит... Значит, ты... — задохнулся Ленька.

— Да, Леша... Да, — Галя подняла голову и посмотрела ему в лицо. — Это правда.

Ленька пристально глянул в ее глаза и, откачнувшись, метнулся к костру, расшвырял его ногами. Искрясь и чадя, полетели в темноту головни. Потом он бросил на шалаш Илькин костюм и побежал к ручью.

— Леша! — услышал он.

Ленька круто остановился и с бешенством бросил:

— Нету здесь тебе сочувствующих... Поняла? Нету!..

— Леша, ты погоди... Не горячись...

— Вот что, девушка, я тебе за Ильку... Я тебе... Я на тебя и смотреть-то не могу... Поняла?

— Ты презираешь меня, Леша? Леша!

Но Ленька уже не слышал ее. Он шагнул в пасть лога и исчез. У шалаша, на кромке ската, еще некоторое время маячила белая фигурка, а потом медленно стала удаляться в степь и, наконец, совсем пропала.

* * *

Все эти дни Илька был угрюм и раздражителен. Он не ходил на бригадный стан, где по-прежнему вечерами собиралась молодежь, свободная от работы. Чаше Ильку можно было встретить у ручья в Барсучьем логу, одиноко сидевшим на валуне или бесцельно бродившем в поле. Казнился Ленька, глядя на друга, но не знал, чем помочь. Что тут поделаешь, если так получилось? И самое страшное было в том, что Ленька уже не мог сердиться на Галю. Леньке почему-то все чаще и чаще вспоминалось последнее ее посещение. Отчаяние и какая-то покорность были во всей ее фигуре. Он грубил, кричал, а она... Она даже и не обижалась. «Ты презираешь меня, Леша?»

Ленька пытался не думать о ней, выбросить навсегда из головы, но не мог. А Галя не приходила больше ни на вечеринки, ни к Барсучьему логу. Возилась день и ночь со своими телятами. Как-то раз, опаживая березовый колок, увидел Ленька ее. Она ходила по траве и рвала цветы. Остановил Ленька трактор, и тотчас же до него донеслась песня. И так Леньке стало не по себе. «Ну за что на нее сердчать? Разве она виновата?» — подумал Ленька, и захотелось сказать ей что-нибудь ласковое, теплое. Но Галя, увидев его, испуганно убежала.

— Подумаешь, — обиделся Ленька. — Не очень-то... Не очень... — Он сердито и с какой-то отчаянной решимостью повел трактор.

Второй раз Ленька увидел ее часом позднее. Она собирала телят, которые разбежались по кустам. Галя остановилась и долго смотрела в его сторону (Ленька видел это в заднее окошко) и как тогда у него сжалось сердце.

Пахота заканчивалась. Оставалось всего одна-разъединственная полоска, которую Ленька решил «добить» к утру.

Все эти дни Ленька не знал покоя. Голова пылала, и неотступно билась мысль — увидеть ее... Увидеть, хоть издали, хоть на одну секунду. Сердился на себя Ленька, но справиться с собой не мог.

— Хоть бы уехала. Хоть бы исчезла, — шептал он в отчаянии. А тут еще эта просмешница Лизка... Вчера изогнула брови и таким бесенком пропела:

— И что это у вас по два учетчика на полосе шляется каждый вечер... а?

— Какой еще учетчик? — сердито кольнул взглядом вредную девчонку Ленька.

— Ах, он и не знает даже! Скажите! Есть такая... Ходит и ходит...

— Хватит трепаться, — оборвал ее Ленька, чувствуя, что весь занимается жаром от ее слов.

— Ах, ах! — покачала головой Лизка.

«Хожу, небось, как телок... Вот и догадывается», — пугался Ленька ее постоянных колючих намеков.

...Занималась утренняя заря, когда Ленька подпахал поле у последних куч соломы. Еще два-три поворота, и можно поднимать плуги. Когда взойдет солнце, Ленька уже будет у шалаша. Он подъедет туда на тракторе. Наверное, придется цеплять сеялку. Время не ждет. Весна. И надо опять этой соломе под конец появиться на полосе. Как-то вот никто не дошел до нее, не поджег вовремя. Сейчас того и гляди начнет забивать плуги. Ленька слева объехал валок и посмотрел назад — забьет или нет? Вдруг что-то метнулось от валка и исчезло в черных отвалах борозд. Леньке будто кто плеснул кипятком в лицо. В испуге зашлось сердце. Механически он выключил сцепление, больно стукнувшись головой о рычаги. В тот же миг он услышал крик. Так мог закричать только человек, почувствовавший вдруг страшную боль.

Дрожь потрясла Леньку. Он клацнул зубами и, не помня себя, вылетел из трактора. Под рамой, подмяв под себя руки и как-то неестественно изогнувшись лежала девушка. Ленька бросился снова к трактору, потом к плугам. Надо агрегат подать назад. Вот так.. Кто же она? Зачем тут в поле оказалась? Ленька не хотел думать, что это... Галя. Но уже чувствовал, что так оно и есть. Учетчик... Ах ты, Галя, Галя. Прилегла тут на этой чертовой соломе... Прилегла и уснула. Небось,

Ильку высматривала... Болит, небось, сердце... Жалет парня.

Ленька осторожно вытащил девушку из-под плуга. Повиснув на его руках, Галя вздрогнула, застонала.

— Галя!.. Галинка! Ну как же... а? Как же все это...а?

Ленька, всхлипывая, носил ее на руках, не знал, что делать. А слезы, которых он не замечал, текли по его щекам. И сам он весь дрожал.

— Галя! — ему показалось, что она уже не дышит и холодеет в его руках. — Галя! — Ленька в ужасе присел на корточки и вытянул, опершись на колени локтями, вздрагивающие руки. Галя приподняла голову и, заплакав, потянулась к нему, обняла его за шею.

— Леша... Дуралей мой... Неужели не догадывался?...—со стоном вырвалось у девушки. — Ой! Ногу... Ногу осторожней!..

* * *

Около больницы каждый вечер собирались девушки и парни. Окошко, возле которого стояла койка Гали, было всегда открыто. На подоконнике заботливо менялись цветы. Здесь хозяйничала остроглазая Лиза. С Ленькой она уже не злословила, не подсмеивалась над ним, будто кто подменил девчонку. Букет Ленькин она всегда торжественно передавала Гале и неумолимым, строгим тоном говорила при этом Леньке:

— А теперь иди! Иди! Иди! Не мозоль ты ей глаза!

Ленька не сердился на строгую няньку, стоял у окна часами и не уходил.

Лизка сурово приказывала:

— Ну загляни, непутевый... Посмотри, бессовестный, что ты натворил!

— Лиза! — осуждающе говорила Галя. — Зачем так? — Сама я виновата. Да и что тут? Срастется нога.

— Не хватало еще, чтоб он тебе до свадьбы обе ноги и все ребра переломал! — возмущенно фыркала Лиза. — И за что ты его любишь-то? Ведь он же бестолковый, как пень. Сколько раз я ему намеки делала?

Ленька, слушая Лизку, думал: — она, ей богу, хорошая! И как он этого раньше не разглядел.

...Однажды, было это в конце мая, вместе с Ленькой попроведовать Галю пришел Илька. В руках у него был

Все эти дни Ленька не знал покоя. Голова пылала, и неотступно билась мысль — увидеть ее... Увидеть, хоть издали, хоть на одну секунду. Сердился на себя Ленька, но справиться с собой не мог.

— Хоть бы уехала. Хоть бы исчезла, — шептал он в отчаянии. А тут еще эта просмешница Лизка... Вчера изогнула брови и таким бесенком пропела:

— И что это у вас по два учетчика на полосе шляется каждый вечер... а?

— Какой еще учетчик? — сердито колынул взглядом вредную девчонку Ленька.

— Ах, он и не знает даже! Скажите! Есть такая... Ходит и ходит...

— Хватит трепаться, — оборвал ее Ленька, чувствуя, что весь занимается жаром от ее слов.

— Ах, ах! — покачала головой Лизка.

«Хожу, небось, как телок... Вот и догадывается», — пугался Ленька ее постоянных колючих намеков.

...Занималась утренняя заря, когда Ленька подпахал поле у последних куч соломы. Еще два-три поворота, и можно поднимать плуги. Когда взойдет солнце, Ленька уже будет у шалаша. Он подъедет туда на тракторе. Наверное, придется цеплять сеялку. Время не ждет. Весна. И надо опять этой соломе под конец появиться на полосе. Как-то вот никто не дошел до нее, не поджег вовремя. Сейчас того и гляди начнет забивать плуги. Ленька слева объехал валок и посмотрел назад — забыт или нет? Вдруг что-то метнулось от валка и исчезло в черных отвалах борозд. Леньке будто кто плеснул киятком в лицо. В испуге зашлось сердце. Механически он выключил сцепление, больно стукнувшись головой о рычаги. В тот же миг он услышал крик. Так мог закричать только человек, почувствовавший вдруг страшную боль.

Дрожь потрясла Леньку. Он клацнул зубами и, не помня себя, вылетел из трактора. Под рамой, подмяв под себя руки и как-то неестественно изогнувшись лежала девушка. Ленька бросился снова к трактору, потом к плугам. Надо агрегат подать назад. Вот так.. Кто же она? Зачем тут в поле оказалась? Ленька не хотел думать, что это... Галя. Но уже чувствовал, что так оно и есть. Учетчик... Ах ты, Галя, Галя. Прилегла тут на этой чертовой соломе... Прилегла и уснула. Небось,

Ильку высматривала... Болит, небось, сердце... Жалее парня.

Ленька осторожно вытащил девушку из-под плуга. Повиснув на его руках, Галя вздрогнула, застонала.

— Галя!.. Галинка! Ну как же... а? Как же все это...а?

Ленька, всхлипывая, носил ее на руках, не знал, что делать. А слезы, которых он не замечал, текли по его щекам. И сам он весь дрожал.

— Галя! — ему показалось, что она уже не дышит и холодеет в его руках. — Галя! — Ленька в ужасе присел на корточки и вытянул, опершись на колени локтями, вздрагивающие руки. Галя приподняла голову и, заплакав, потянулась к нему, обняла его за шею.

— Леша... Дуралей мой... Неужели не догадывался?...—со стоном вырвалось у девушки. — Ой! Ногу... Ногу осторожней!..

* * *

Около больницы каждый вечер собирались девушки и парни. Окошко, возле которого стояла койка Гали, было всегда открыто. На подоконнике заботливо менялись цветы. Здесь хозяйничала остроглазая Лиза. С Ленькой она уже не злословила, не подсмеивалась над ним, будто кто подменил девчонку. Букет Ленькин она всегда торжественно передавала Гале и неумолимым, строгим тоном говорила при этом Леньке:

— А теперь иди! Иди! Иди! Не мозоль ты ей глаза!

Ленька не сердился на строгую няньку, стоял у окна часами и не уходил.

Лизка сурово приказывала:

— Ну загляни, непутевый... Посмотри, бессовестный, что ты натворил!

— Лиза! — осуждающе говорила Галя. — Зачем так? — Сама я виновата. Да и что тут? Срастется нога.

— Не хватало еще, чтоб он тебе до свадьбы обе ноги и все ребра переломал! — возмущенно фыркала Лиза. — И за что ты его любишь-то? Ведь он же бестолковый, как пень. Сколько раз я ему намеки делала?

Ленька, слушая Лизку, думал: — она, ей богу, хорошая! И как он этого раньше не разглядел.

...Однажды, было это в конце мая, вместе с Ленькой попроведовать Галю пришел Илька. В руках у него был

Все эти дни Ленька не знал покоя. Голова пылала, и неотступно билась мысль — увидеть ее... Увидеть, хоть издали, хоть на одну секунду. Сердился на себя Ленька, но справиться с собой не мог.

— Хоть бы уехала. Хоть бы исчезла, — шептал он в отчаянии. А тут еще эта просмешница Лизка... Вчера изогнула брови и таким бесенком пропела:

— И что это у вас по два учетчика на полосе шляется каждый вечер... а?

— Какой еще учетчик? — сердито кольнул взглядом вредную девчонку Ленька.

— Ах, он и не знает даже! Скажите! Есть такая... Ходит и ходит...

— Хватит трепаться, — оборвал ее Ленька, чувствуя, что весь занимается жаром от ее слов.

— Ах, ах! — покачала головой Лизка.

«Хожу, небось, как телок... Вот и догадывается», — пугался Ленька ее постоянных колючих намеков.

...Занималась утренняя заря, когда Ленька подпахал поле у последних куч соломы. Еще два-три поворота, и можно поднимать плуги. Когда взойдет солнце, Ленька уже будет у шалаша. Он подъедет туда на тракторе. Наверное, придется цеплять сеялку. Время не ждет. Весна. И надо опять этой соломе под конец появиться на полосе. Как-то вот никто не дошел до нее, не поджег вовремя. Сейчас того и гляди начнет забивать плуги. Ленька слева объехал валок и посмотрел назад — забьет или нет? Вдруг что-то метнулось от валка и исчезло в черных отвалах борозд. Леньке будто кто плеснул кипятком в лицо. В испуге зашлось сердце. Механически он выключил сцепление, больно стукнувшись головой о рычаги. В тот же миг он услышал крик. Так мог закричать только человек, почувствовавший вдруг страшную боль.

Дрожь потрясла Леньку. Он кляцнул зубами и, не помня себя, вылетел из трактора. Под рамой, подмяв под себя руки и как-то неестественно изогнувшись лежала девушка. Ленька бросился снова к трактору, потом к плугам. Надо агрегат подать назад. Вот так.. Кто же она? Зачем тут в поле оказалась? Ленька не хотел думать, что это... Галя. Но уже чувствовал, что так оно и есть. Учетчик... Ах ты, Галя, Галя. Прилегла тут на этой чертовой соломе... Прилегла и уснула. Небось.

Ильку высматривала... Болит, небось, сердце... Жалет парня.

Ленька осторожно вытащил девушку из-под плуга. Повиснув на его руках, Галя вздрогнула, застонала.

— Галя!.. Галинка! Ну как же... а? Как же все это...а?

Ленька, всхлипывая, носил ее на руках, не знал, что делать. А слезы, которых он не замечал, текли по его щекам. И сам он весь дрожал.

— Галя! — ему показалось, что она уже не дышит и холодеет в его руках. — Галя! — Ленька в ужасе присел на корточки и вытянул, опершись на колени локтями, вздрагивающие руки. Галя приподняла голову и, заплакав, потянулась к нему, обняла его за шею.

— Леша... Дуралей мой... Неужели не догадывался?...—со стоном вырвалось у девушки. — Ой! Ногу... Ногу осторожней!..

* * *

Около больницы каждый вечер собирались девушки и парни. Окошко, возле которого стояла койка Гали, было всегда открыто. На подоконнике заботливо менялись цветы. Здесь хозяйничала остроглазая Лиза. С Ленькой она уже не злословила, не подсмеивалась над ним, будто кто подменил девчонку. Букет Ленькин она всегда торжественно передавала Гале и неумолимым, строгим тоном говорила при этом Леньке:

— А теперь иди! Иди! Иди! Не мозоль ты ей глаза!

Ленька не сердился на строгую няньку, стоял у окна часами и не уходил.

Лизка сурово приказывала:

— Ну загляни, непутевый... Посмотри, бессовестный, что ты натворил!

— Лиза! — осуждающе говорила Галя. — Зачем так? — Сама я виновата. Да и что тут? Срастется нога.

— Не хватало еще, чтоб он тебе до свадьбы обе ноги и все ребра переломал! — возмущенно фыркала Лиза. — И за что ты его любишь-то? Ведь он же бестолковый, как пень. Сколько раз я ему намеки делала?

Ленька, слушая Лизку, думал: — она, ей богу, хорошая! И как он этого раньше не разглядел.

...Однажды, было это в конце мая, вместе с Ленькой попроведовать Галю пришел Илька. В руках у него был

небольшой чемодан. Одет он был в новый костюм. Галя сидела в скверике, выставив вперед ногу.

Увидев Ильку, она вспыхнула, схватила костылек, сделанный руками Ленки, и нерешительно приподнялась со скамейки. Сейчас же около больной оказалась Лиза. Она схватила ее под руку, усадила снова и загордилась собой. Вид ее был настороженный, решительный.

Илька подошел, виновато улыбнулся, копнул носком ботинка землю и тихо произнес:

— Вот... Завернул проститься, — голос его перехватило хрипотцой. Он прокашлялся и также тихо добавил: — Еду...

Галя взволнованно задышала. Глаза ее потеплели.

— Еду на первое отделение, подальше к горам, — продолжал Илька. Голос его окреп. — Ты не бойся за меня, Галя.

Галя подала ему руку, которую он горячо пожал.

— Сердишься? — спросила Галя.

— Нет, — вздохнул Илька. — Что было, то прошло. Выздоровлявай. Осенью, думаю, позовете на свадьбу? — он как-то болезненно улыбнулся Ленке, хлопнул его дружески по плечу и, выпрямившись, пошел к воротам.

Никто не видел, как побледнела Лизка от слов Ильки, как шагнула в кусты, не показывая своего волнения. Успокоившись, она подошла, пряча глаза, к Гале и, глядя вслед удалявшемуся парню, горько произнесла:

— И не простился... Даже руки не подал... — тут внезапно рыдание потрясло ее. Лизка бросилась к зарослям клена.

Ленька переглянулся с Галей и впервые им стало неудобно за свое **большое счастье**.

В ОТПУСКЕ

Рабочий одного из Барнаульских заводов Иван Сельдеков получил отпуск. Давно не был он в родном селе. После того, как демобилизовался из армии и поступил на завод, прошло два года. Перед самым отпуском пришло письмо от матери. «Приезжай, сынок... Старая я стала, — писала мать. — Да и прибаливаю. Не ровен час... Может и случиться что... Приезжай. Видеть тебя хочу.»

Вечером пришли друзья по цеху. Мастер Макар Петрович Лучинин был сдержан и молчалив. Он как-то подозрительно поглядывал на Ивана, кричал и щипал в задумчивости усы.

— Жалко мне тебя отпускать, комсомол, — сказал он под конец. — Хороший из тебя мастеровой вышел.

— Да ведь я же не на вечно, Макар Петрович! — польщенный похвалой, улыбался Иван.

— Знаю... Да мало ли что может случиться. Вот возьмет мать и оженит тебя на какой-нибудь доярке. А та не захочет в город ехать, ну и поминай тогда как звали парня.

— Не оженит, — смеялись ребята. — У Ивана хвати, так, уж подыскана, поди, невеста здесь, в городе... Ну, а если и случится что, разве наш брат, рабочий, лишний будет в селе?

— Оно так-то так, ребятки, — соглашался мастер. — Только я в своих соображениях — одной линии держусь: завод — это моя кровь, моя плоть, моя крепость. А кто

туда и сюда прыгает, как стрекоза, тот, я считаю, всему рабочему классу ножку подставляет...

Тут все зашумели. Насели на старого мастера. А он ни в какую:

— Моя генеральная линия — завод. Станок, цех — и не пытайтесь перевоспитывать меня на новый лад... Я в своих думах закоренелый человек...

...Все это вспомнилось Ивану, когда он сидел уже в автобусе. Машина вышла на Чуйский тракт. За окном мелькали завьюженные деревья, поселки, разбросанные у дороги. Все это было знакомо с детства. И все-таки какие изменения! Вот здесь, раньше, кажется, ничего не было, а сейчас видны новые строения. А в Березовке! Смотри ты, какую школу за это время построили! Хорошеет родной край. Как-то там в Хабаровке?.. Зима нынче трудная, на редкость, снежная и морозная. Нелегко в такую зиму пастухам в горах. На миг пролетели картины из далекого детства. Черемуховые заросли на Урсуле. Бесноватый на порогах Ильгумень. Походы на Чике-Таман за маральником. Вот эти самые ребячьи походы. Чике-Таман — значит «прямой стопой». Где-то прямо через перевал ходили караваны вьючных лошадей и верблюдов. Это было, говорят, давным, давно. В ту пору и тракта еще не видели. На ярмарку в Онгудай верблюжьи караваны шли из Монголии. Где она, эта самая Монголия? С вершины перевала видны одни ущелья и горы. Меж них где-то скрывалась древняя тропа караванщиков... Мальчишки, будто настоящие следопыты, излазили весь перевал, ища эту самую «прямую стопу». В каждой россыпи, в обнаженном камне чудилась им загадочная древняя тропа.

А как раздвигается мир с того перевала! Вон там, у отвесных скал, в туманной дымке скрылся Урсул — он побежал наперерез Катуня, и она, говорят, пошла навстречу, свернув где-то, не доходя Купчегеня, круто вправо. Влево от Чике-Тамана по логу распахивалась широкая долина. Она стояла в глазах разноцветным покрывалом — так много было на ней цветов! Высоко поднимались отроги Сары-Кобы, а чуть в стороне, через небольшую гряду гор видны высокогорные долины Мухроя. Говорили, что там часто видят волчьи выводки. Недалеком хмурится всегда Мухрой темной гребенкой леса, густым кустарником и буреломом...

Мухрой... Не знал в эту минуту отпускник Иван Сельдеков, что с этим местом свяжут его надолго, разыгравшиеся события.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда преодолевая тугую завесу бурана, машина вырвалась на центральную улицу Хабаровки. На столбах покачивались в снежной сумеречи электрические лампочки. Буран атаковывал их со всех сторон, и, казалось, что он хотел сломить именно их упорство, опрокидывая на радужные абажуры света целый рой колючих, злых снежинок... Но они, и облепленные со всех сторон, горели ярко и смело, хотя и трудно было разогнать подальше снежную коловерт.

Не замечая пурги, Иван покинул машину, и, разминая замлевшие от долгого сидения ноги, медленно зашагал по улице. «Со светом живут. Это хорошо... Значит, пустили-таки свою гидростанцию», — думал он, вглядываясь в знакомые дома. «И та деревня и не та, — соображал Иван. — Кажется, как-то уютнее стало.» А почему — долго не мог сообразить. Наконец, догадался: пустыри застроили новыми домами. Усадьбы обгородились. «Теснее стало в долине, зато — краше, приглядней», — решил он. Когда подошел к Ильгуменю — удивился: покорил все-таки мороз, ледяной броней сковал непокорную речку. Непонятной была тишина и безлюдье. Раньше, бывало, до рассвета толпилась на улице неугомонная молодежь. А сейчас. Не слышно ни песен, ни ночных переливов гармоники. У колхозной конторы — целый табунок завьюченных коней. Свет из конторы перепоясывал всю улицу. Когда Иван подходил к конторе — оттуда к воротам вывалил народ. Не слышно было ни шуток, ни смеха. Люди молча останавливались у конюшней, вскакивали в седла и тут же разъезжались. Иван остановился и снял шапку, и хлопнул ею об колено, стряхивая снег.

— Вот и уполномоченный прибыл, — раздался чей-то насмешливо-задорный голос.

— Значит, дело будет! — подхватил другой.

— Ну, хватит вам, — пробасил Иван. — Что тут у вас?... Будто тревога объявлена.

Его окружили. Пригляделись.

— Иван! — воскликнул один. — Вот тебе раз!

— Кто? Чей?

— Да Сельдеков!.. На побывку? Ну давай пять! — поздоровались.

— Сосед. Дмитрий Параев.

— А у нас, брат, как на фронте, — сказал он, невесто улыбаясь и кивая на отъезжавших всадников.

— Что так? — удивился Иван. Они пошли вместе.

— Зима жмет. Со скотом плохо. По Урсулу, помнишь, пастбища. Все занесло. Снегу чуть не в сажень навалило.

— Падеж? — тревожно спросил Иван.

— Есть и это, — хмурясь, произнес Дмитрий. — Остановить надо. А положение видишь какое? Снежные заносы даже от заготовленного сена отрезали скот.

— Ну как? Что решаете?

Дмитрий пожал плечами.

— Тальник режем, хвою запариваем.

— Да-а, — озабоченно протянул Иван. — Положение тяжелое.

— И не говори, брат, — согласился сосед. — Завтра думаем у перевала снег косить.

— Как это косить?

— Да так, — ухмыльнулся Дмитрий. — Снегопахом.

— А-а, понимаю... Сдвигать, значит.

— Как хочешь, брат, понимай. Зимний сенокос для нас...

Дошли до дома Дмитрия.

— Ну, иди, Иван, обрадуй мать... Ждет, небось... Твое дело отпускное, — он подал руку и, как-то странно блеснули его глаза.

— Заходи! — сказал Иван.

— Да как-нибудь... Спасибо! — неопределенно бросил Дмитрий.

...Тропинка идет меж ветел, петляет, огибая валуны-камни, разбросанные в беспорядке по берегу, и, наконец, выходит на единственную улочку Заречья. Вспотел Иван, запарился, то и дело оступался он в глубокий снег с капризной тропы, но его несло словно ветром к дому.

Вот, кажется, и пришел. Остановился Иван у ворот. занесенных по самую верхнюю перекладину, поставил чемодан в снег, снял шапку... Горячую, потную голову сразу же облепили холодные снежинки, а Иван стоял и смотрел на укутанный со всех сторон их домик, на тес-

ную оградку, которую траншеей пересекали тропки в курятник, в теплую загонку для коровы... На передней стене под карнизом, как всегда, висят собранные в пучки, кисти калины, будто не убирали их с детства. В окнах, едва приметным светлячком горела повернутая лампа. (До заречья электричество не дошло, не успели, видно, столбы заготовить).

«Небось, растел ждет, — улыбнулся Иван, тепло поймав о матери. — Всегда телилась корова зимой... А где же Дружок? Вот лентяй. Пригрело, поди под сенцами.»

Тропка подходила к пряслу, нужно было перешагнуть верхнюю жердь и спуститься к крыльцу. Иван подхватил чемодан, насунув торопливо на глаза шапку, и перешагнул через прясло. В это время что-то блеснуло под крыльцом, и черный, лохматый клубок бросился со злобным рычанием на Ивана.

— Дружба! — вскричал тот. — Ах, ты, бессовестный! Свои! Свои!

Дружок остановился на мгновение, и, вдруг, взвизгнув обрадованно, взлетел в воздух. Иван не успел посторониться, как могучие лапы пастушьей овчарки, толкнули его в грудь, что-то горячее обожгло лицо. Прикрываясь рукой, Иван упал в снег.

— Стой, чертяка! Да стой ты, собачья душа! — А пес, поднимая целую бурю снега, прыгал вокруг и все норовил лизнуть в лицо.

— Ну, хватит, Дружба, хватит! — увещевал его Иван, поднимаясь и отряхиваясь. — Давай-ка, по культурному здороваться... Хватит! Ну, давай, давай лапу! Вот так! Здорово! С приездом, значит, нас! А про учебу не забыл? Смотри, брат, будешь на почту ходить снова...

Не заметил Иван, как ярче вспыхнул огонек в окнах и какая-то фигурка, тихо выскользнув за дверь, остановилась на крыльце и, кутаясь зябко в шаль, терпеливо ждала его. У крыльца Иван стал искать веник.

— Ваня! Ты? — услышал он вдруг дрогнувший голос.

— Мама!

А пес вертелся вокруг, прыгал, скакал и громко, отрывисто лаял...

* * *

Первые дни отпуска прошли быстро, а потом стал за-

мечать Иван, что не знает куда себя девать. Как-то днем заскочил из школы племянник Костя.

— Тетя Даша... дай рукавички, — обратился он к матери Ивана.

— А твои где?

— Порвались, а починить некогда. Идем всей школой на ферму, — скороговоркой выпалил Костя.

— Что же вы там будете делать? — поинтересовался Иван.

— Как что? — вылупил глазенки Костя. — Помогать... корма будем резать... Силос таскать... А завтра, говорят, пойдем пологую сопку от снега счищать.

— Зачем?

— Ну как же зачем! Ты, дядя Ваня, совсем городской стал... — улыбнулся он, шмыгнув носом и добавил: — тебеневать овцам негде. Все завалило снегом... И думаешь только у нас? Вот мы читали из газеты в Улаган тридцать отважных комсомольцев поехали. Из Горно-Алтайска... Студенты все... Тоже будут снег чистить со склонов...

Убежал Костя, получив теплые, прямо с печурки, вязанные варежки, а Иван уже не мог найти себе места.

«Твое дело отпускное», — вспомнил он слова Дмитрия, которого после встречи так еще и не видел. Все село бросилось на фермы и в отары спасать от стихии скот.

— Отпускное... нечего сказать, — прошептал Иван, с беспокойством поглядывая в окно.

Однажды возвращался он из магазина. Шел обратно не торопясь, с удовольствием вдыхая сухой, морозный воздух. И вдруг, услышал детский голос сзади:

— Мама, а этот дядя тоже папа?

Мать тихо рассмеялась.

— Не знаю, дочка... *Может и папа...*

— Если он папа, то почему не на ферме, как наш?

Иван поперхнулся табачным дымом, закашлялся. Неприятно кольнуло в сердце. Он прибавил шаг и уже не слышал, что ответила любопытной дочке мать.

— Вот ведь, как оно получается... — растерялся Иван. — Отпускник... Кому какое дело, а разобраться — душа не на месте, как у преступника. Хоть не выходи на улицу... И ведь стыдно, главное... Стыдно по-настоящему за свое безделье.

Решил Иван хоть немного отвлечься от тягостных мыслей, неожиданно сковавших его в эти дни. Взял у соседа лыжи, в горы подался.

... Пришел к вечеру, уставший, заиндеветый, но радостно возбужденный.

— Никак повеселился где-то? — спросила мать.

— Ага, — кивнул он. — Да так, что еле вот отдышался... И он рассказал матери, что с ним произошло, едва он вышел на лыжах за деревню.

... Темные пятна на снегу Иван заметил еще издали. «Что бы это могло быть?» — соображал он, приближаясь. Пятна то сходились, то расходились, однако некоторые оставались неподвижными. Скользя по склону, он вынесся в неширокую урскульскую долину.

— Отара... Отара на снегу!

Отчаянно крича и размахивая хворостиной, около овец бегала молоденькая девушка. Сквозь слезы она выкрикивала:

Тря! Тря! Проклятые! Куда вас занесло! Тря! — Девушка и сама уже выбилась из сил и едва держалась на ногах. Быстро оценив обстановку, Иван сбросил лыжи, связал их вместе — получилось нечто похожее на нарты.

— Погоди... Погоди... Не реви, — уговаривал он пастушку. — Что-нибудь придумаем.

— Вон те — никак не хотят идти, — девушка указала на молоденьких овец, недвижно лежавших в снегу. — Замерзнут... Небось, и так уже свело ноги...

— Как же ты сюда попала? Куда гонишь отару?

— Хотела на косогоры пробиться... Там наносы неглубокие и вот затискала всю отару... Что теперь мне будет! — слезы брызнули из ее глаз.

— Слезами делу не поможешь, — сказал Иван решительно. — Гони вон тех, которые сами еще барахтаются, а я возьму шефство над теми, что выдохлись... Авось и выйдет дело. Назад тебе ходу нет... До косогоров ближе осталось... — Иван снял с себя ремень и привязав к лыжам, тащил к косогору, увязая сам по поясу в рыхлом снегу.

Вскоре отара была в затишьи. Отдохнув под скалой, овцы одна за другой потянулись к засохшим метелкам

прошлогодней травы. Легко разгребая неглубокий снег, они с жадностью набрасывались на скудную пищу.

..Когда уходил Иван в село, девушка-чабан долго стояла на выступе скалы и махала ему рукой.

Устал Иван за день, а уснуть долго не мог. Что-то тревожное подступало к сердцу и разгоняло сон.

«Меня зовут Леной, — нивесть откуда вырвался вдруг голос девушки... — Да я вас немного помню. Вы, правда, семь классов кончили и пошли работать, а я после доучивалась в Онгудае». Иван качал головой. «Трудно вам, Лена. Как только и выстоите в такую зиму». «А я не обижаюсь... Так надо. Я ведь терпелива». Улыбка преображала ее полное, обветренное лицо. Черные брови взлетали кверху и в глазах ее видел Иван искорки упрямства и воли. Такая не отступит, хоть и горько ей до слез, тяжело и, может быть, чуточку страшно за отару.

* * *

Рано утром Иван снова встал на лыжи и направился к Урсулу. Солнца еще не было. В воздухе хрупко ломалась розоватая изморось. На косогоре в белых масках халатах дежурили молодые пихточки и ели.

Вот сейчас, за этой рощицей, он увидит вчерашнюю отару. Интересно, как чувствует себя Лена? Ночь была сегодня такая холодная... А ведь тут и теплого места не найдешь. Овцы, и те могут в затишьи, под скалой побыть, а Лене остается только одно — костер. Возможно ее подменили на ночь. Не может же человек сутками торчать возле отары в такой мороз...

Проскочив лесок, Иван вылетел на открытое место. Ну так и есть: у отары, опершись на палку, стоял какой-то мужчина в полушубке.

Подъехав ближе, он узнал в нем своего соседа. Дмитрия.

— Подменяешь, сосед? — весело крикнул Иван, срежая на повороте снег и круто поворачиваясь к чабану. — И почему ты? Ведь у тебя своя работа? — подивился Иван.

— Сейчас у всех нас одна забота — скот..., — вздохнул Дмитрий. — Отары сделали поменьше, чтоб удобней было тебеневать с ними, а людей нет. Да тут еще, черт возьми — несчастье...

— Что стряслось? С кем? — Иван с тревогой оглядел отару.

— Обморозилась девчонка... И, понимаешь, еле уговорили идти в больницу.

— Лена? — вырвалось у Ивана.

— Ты ее знаешь? Она... Такая упрямая... просто беда! Вот смотрю на дорогу: того и гляди обратно примчится... Ну как отдыхаешь? Как твой отпуск? Скучновато у нас зимой... Небось, уже и покаялся, что приехал в деревню?

Иван промычал что-то в ответ и скатился к Урсулу. Он прошел вверх по реке, потом круто свернул влево, поднялся по ложине и, обойдя деревню, вышел к Чике-Таману. Могучий перевал, закутанный в белый ватник, дремал. Почему-то казалось: распрямит он свои богатырские плечи, потянется и полетят в снежном вихре сугробы, обнажится земля, зашумят травы, вскипят вешние воды.

«Нет, далеко до этого... далеко, — тяжело дыша от быстрой ходьбы, прошептал Иван. — Нынче весна, наверное, припоздает... Ей-то куда спешить, а вот колхозу, ему ее хоть сейчас подай.» Иван посмотрел в сторону Мухроя. Там на широких склонах гор всегда было много травы. И отава успевает подходить до снегов на Мухрое. Ему показалось, что он видит там темные проталины.

«А разве не на Мухрое всегда первыми цветут подснежники и кандыки? — вспомнил вдруг Иван. — Значит, там действительно небольшие заносы.» И еще вспомнил Иван: дуют ветры на Мухрое... Дуют круглые сутки. Где же там удержаться наносам!

Окрыленный этой неожиданной догадкой, он рванул с перевала, а часа через полтора уже сидел в кабинете председателя колхоза и рассказывал о своих наблюдениях.

— Так говорите, ни одна отара может тебеневать на Мухрое? — спросил председатель, устало взглянув на Ивана.

— Только что оттуда... Все облазил. Снегу совсем немного, — отозвался тот и неожиданно для себя вдруг выпалил: — Если доверите могу взять отару... Могу... Ведь у вас так трудно... А я ведь здешний... Вырос тут...

Меня все знают... Вы, правда, человек приезжий... Из тридцатитысячников, наверно?

В глазах председателя мелькнула светлинка. Его заинтересовал этот паренек.

— А отпуск как же?

Иван махнул рукой.

— Не изболелся... Отдохнул неделю и хватит. Не могу я... Понимаете — не могу болтаться, когда тут такое дело творится. — Иван стал торопливо рассказывать о том, как его волнует и трогает борьба земляков со стихией, как он уже перестал спокойно спать, что вот он, рабочий одного из заводов Барнаула, не сможет смотреть в глаза своим заводским друзьям, если останется в стороне от всего того, что происходит на деревне в эти суровые дни, и, наконец, он же совсем и не нуждается в отпуске.

Он горячился. Торопливая речь его была сбивчивой, непонятной. Получалось так, будто оправдывался он в чем-то перед этим уставшим от забот человеком, просил, убеждал его верить ему.

Когда Иван умолк и взглянул в лицо сидевшего перед ним человека, он не узнал его. Так преобразилось оно, просветлело, зарделось каким-то приветливо-отцовским добродушием и лаской.

— Вы настоящий человек, Сельдеков, — сказал он, протягивая руку. — Я верю вам и вашему чувству... Наверное, я тоже поступил бы так... Об отаре решим сегодня же...

Перед уходом Иван, смущаясь почему-то, спросил про Лену.

— Вот фамилию не помню, и она не сказала...

— Так это вы помогли ей?

— Разве она говорила?

— Говорила. Ну так вот, с ней неприятность, — лицо председателя померкло. — Будет лечить ноги.

— Это очень серьезно?

— Поправится, только, кажется, не скоро...

— Вот ее отару я и возьму, — твердо сказал Иван.

— Хорошо. Отара знакомая вам, — председатель слабо улыбнулся. — Можно сказать, повадки ее знаете...

— Повадки, должно быть, у всех отар сейчас схожи: лезут куда попало, лишь бы добыть корм...

— Совершенно верно...

Благополучно переправив отару на Мухрой, Иван расчистил снег, разбил палатку, а вечером того же дня Дмитрий привез ему железную печку.

— Она пригодится тебе ночами... Учти, тут ведь как на сквозняке, — сказал он.

Вместе они отремонтировали загон для овец. Уже поздно ночью, прощаясь, Дмитрий, вдруг о чем-то вспомнив, стал шарить по карманам полушубка.

— Совсем ведь забыл, Иван. Вот, получай, — он подал ему свернутый квадратик бумаги.

— Что это? — удивился Иван.

— Да, понимаешь, был у Лены... Вот она черкнула что-то тебе... Наверное, об отаре беспокоится.

— Пусть не беспокоится. Все будет как надо, — сказал Иван. Проводив Дмитрия, Иван заскочил в палатку и, пошуровав в печке, чтобы светлее было, присел на корточки.

«Дорогой товарищ Сельдеков! Очень, очень благодарна Вам за все — Вы настоящий человек! Да, настоящий... Я никогда не забуду Ваш благородный поступок. Да и все мы, колхозники, не забудем этого.

Верю: отару Вы спасете.

Жму Вашу руку. Спасибо.

Искренне уважающая Вас Л е н а».

Иван еще и еще раз перечитал записку. «Искренне уважающая Вас... Искренне уважающая...»

— Понимаешь, Дружок? — обратился Иван к сторожевому псу. — Понимаешь?

Тот повел ушами, ударил хвостом, подполз ближе и уткнулся в колени Ивана. Отблеск огня вспыхнул в его глазах.

— Вижу, понимаешь... Так-то вот, Дружок... «Искренне уважающая», — Иван легонько щелкнул пса по носу, засмеялся и, поднявшись, энергично бросил: — Пошли, посмотрим на отару...

* * *

Прошло несколько дней. За это время Иван убедился, что не ошибся в Мухрое. Хорошее место.

— Это же настоящий курорт, — говорил он, кутаясь в шубу. — Не так ли, Дружок? А ну-ка, пугни вон тех не-

дисциплинированных, видишь? Зачем они лезут в лошину? Беги, беги! — Дружок срывался с места и, громко лая, заворачивал отбившихся овец. Вообще он был хорошим помощником.

Все ничего, только что-то не откликаются друзья с завода. Еще в тот вечер, когда Иван принял твердое решение взять отару, он написал подробное письмо в местный комитет завода. «Неужели не поняли меня? — думал Иван. — А может, я не прав? — брали сомнения. — Ведь в законах-то нет указаний на такие вот чрезвычайные случаи... Вычеркнули, небось, из списка — и делу конец... И вот ты, Иван, снова чабан. А откровенно говоря, я уже мастеровой, Дружок... Ясно? Тянет на завод... Ведь кому что положено... Ты согласен с этим?»

Дружок, слушая Ивана, крутил хвостом, жмурился от удовольствия, подползал к его ногам, потом вдруг срывался с места и лаял-лаял куда-то в лес, затем снова возвращался к хозяину и заглядывал ему в глаза.

Конечно, Дружок отлично все понимал. Только что тут хмуриться? Пусть попробуют разбежаться эти овечки, он их вмиг соберет. Можно и тех вон ленивиц поднять, что улеглись на косогоре. Это он сейчас же сделает, и Дружок, задрав голову и раздражительно лая, снова устремлялся к отаре.

— Назад! — прикрикнул Иван. — Что ты делаешь? Пусть отдыхают.

«А что они!» — виновато лаял Дружок, хватая снег. Он не спеша возвращался к отаре.

— Это же на руку нам, — говорил Иван. — Овцы лежат — значит сыты, а они давно не были сытыми... Ты вот посмотри на дорогу. Кто-то едет к нам.

Дружок вскочил и через минуту встречал уже всадника на тропе. Может, и не совсем любезно, но осторожностью никогда не следует пренебрегать. Вот посмотрим, как отнесется к гостю хозяин.

Иван, признав в верховом председателя колхоза, окликнул строго пса, и радостно пошел ему навстречу. Дружок успокоился и прилег в сторонке, не спуская, однако, глаз с приезжего. Наверное, хорошую весть привез этот всадник, потому что Иван был очень доволен, он даже смеялся и жал руку ему. Больше того, проводил его до самой дороги. Вообще, люди как-то быстро забывают о бдительности, чего он, Дружок, никогда себе не

позволит... И он, конечно, сопровождая хозяина, по-прежнему не очень-то был учтив с приезжим.

...Накалив печку, поужинав и покормив собаку, Иван прилег на лежанку.

— Ну, что смотришь такими глазищами? — обратился он, добродушно посмеиваясь, к Дружку. — Ничего-то ты не смыслишь. Ребята звонили из Барнаула. Понял? Одобряют, брат, мое решение. Сам мастер Макар Петрович сказал в трубку: — «Приветствуем, говорит, и желаем успеха и ждем с победой». Вот оно дело какое... И вообще тебе надо было вести себя поприличнее с председателем колхоза... Нехорошо, брат, нехорошо... Сначала облаял ни за что ни про что, а потом рычал все время, пока мы разговор вели. Неудобно, брат. Просто неприлично с твоей стороны.

Уснул Иван в эту ночь и не заметил, как подкараулила его беда. Вскочил от удушья и спросонья ничего не понял. Что-то трещало вокруг, дым, а с ним, терпкий запах лез в глаза, нос. Едкий, удушливый, он схватил его за горло. Иван стал задыхаться. Где-то отчаянно лаял пес. Блеяли овцы. Иван рванулся с лежанки, и тут искры обожгли ему лицо. Он упал на землю и пополз.

— Горим ведь мы!.. Горим! — прохрипел он, и, нащупав полог палатки, рванул его на себя.

...Ночь бесновалась. Свирепый ветер, ломая деревья на гребнях гор, обрушился в долину. Спасти палатку не удалось. Успел только выхватить тулуп и мешок с бельем и продуктами... Подгоревшие колья сломались и палатка, искрясь рваными лоскутами, забилась на земле, будто подстреленная птица. Вдруг новый порыв урагана: палатку приподняло над землей, потом рвануло из стороны в сторону, разрывая в клочья, и швырнуло в темную пасть ущелья... Молнией прочертили тьму ночи тлевшие ее концы и скрылись.

... Иван был удручен. Так хорошо началась ночь. Какие вести привез председатель... И вот это страшное несчастье. Как быть? Надо ведь что-то придумывать. Не стоять же здесь на этом пронизывающем до костей ветре.

— Дружок! — позвал он. — Пойдем, брат, на отару посмотрим. Не разметало ли ее по долине...

Овцы сбились в кучу под легонькую крышу, с которой давно сорвал ветер кину лиственницы. «Разве это

защита? — думал с болью в сердце Иван. — А ну как сутки-двое будет дуть?» — он забрался в дальний угол пригона, навалился на столб и, присев, набросил на голую высокую воротник тулупа...

* * *

Днем буран дул с прежней силой. Иван разыскал топор, с трудом добрался до кустарника, нарубил веток и перетаскал их к стоянке. К утру овцы обглодали всю кору, съели прутья. А буран не переставал и ночью.

На третьи сутки Иван вытряхнул остатки хлеба и крупы овцам, нашел в кармане огрызок карандаша и, достав небольшую запусную книжечку, хранившуюся вместе с комсомольским билетом во внутреннем кармане пиджака, крупными буквами вывел: «Председателю колхоза товарищу Ненашеву. Сообщаю: сгорела палатка. Остался без продуктов. Принимайте меры. За отару не беспокойтесь. Иван Сельдеков».

Он позвал к себе собаку, привязал на шею обрывок веревки, а к ней — весь блокнотик. «Так надежнее. Скорее заметят» — думал он, выводя собаку на дорогу.

— Иди, Дружок, иди... Туда, в деревню... Понял?..

Пес не хотел идти. Он терся о его ноги, скулил.

— Ну, хватит! — прикрикнул Иван с сердцем. — Марш в деревню! — и сердито топнул ногой. Пес повиновался. Иван стоял и смотрел ему вслед. Несколько раз останавливался Дружок и оглядывался на хозяина. «Не передумает ли? Куда же в такой ураган? Ну, я дойду, а ты?» — говорил его взгляд.

— Вперед! Вперед! — кричал ему Иван и грозил кулаком.

...Четверо суток продолжался буран, и все это время Иван Сельдеков беспрерывно подтаскивал из лесу ветки кустарников. Там же, укрывшись за огромный каменный выступ, он кипятил себе чай с пожелтевшими листьями бадана.

Пересиливая слабость, он тащил на себе очередную «порцию» веточного корма. Не доходя до стана, споткнулся, упал. С трудом переполз на ветки и забылся.

Очнулся от странной тишины. Открыл глаза. Строгое, холодное, висело над ним небо. Буран стих. «Ну вот и осилили мы тебя, — болезненно улыбнулся Иван. — Теперь не нужна будет и эта вязанка».

Качаясь, он пошел к отаре и вдруг услышал громкий лай. Оглянулся. По дороге, далеко опередив каких-то всадников, бежал его Дружок...

У Ивана защекотало в горле, что-то царапнуло под веками, он отвернулся, подошел к изгороди и выпустил отару в долину.

...В мае колхоз провожал героя в город. Приподнявшись в кузове машины, Иван посмотрел в последний раз на село, на земляков, тепло провожавших его и тихо сказал:

— Ну вот, и кончился мой отпуск...

Потом глянул в сторону Мухроя, где еще вчера передавал отару Лене, и вдруг почувствовал, как тоскливо и холодновато стало на сердце. «Ничего... мы еще встретимся... Не так ли, Лена?»

Он смотрел, смотрел в ту сторону. И ему показалось, будто заметил он на выступе скалы какое-то темное пятно. А, может, это ему просто показалось! Ведь он очень хотел увидеть ее в этот миг.

КАРУ

1

Стоял месяц малой жары — Кичинек изю ай. Из долины Урсула лето перебралось к белкам. В одну ночь вспыхнули альпийские луга разноцветными огнями. Пламя цветов пробиралось все дальше, все выше, и крупнозернистый снег, обжигаемый их огнем, оседал, чернел, отступая к самым гольцам.

Хорош месяц Кичинек изю ай! И не смотри, что он еще робок, что несмело его дыхание! Он, — как талантливый художник: подойдет к горе, коснется кистью, и она зазеленеет, преобразится. Отойдет, словно любуясь своей работой, проверяет. Вот дохнет холодом... Дождь напустит, а то град или крупу — не смывается ли краска? Нет, не смывается. Не блекнет трава, не желтеют деревья. Тогда берет он другую кисть и в одну такую вот теплую ночь подожжет яркими красками цветов склоны и ущелья. Значит, лето. А потом придет месяц Куран ай и облепит ягодами черемушник, малинник... И месяц Сыгын ай хорош. Щедрый, и все же Кичинек изю ай — лучше. Почему лучше, спросите вы Кару Адарова. Кару сдвинет на затылок кепку, тряхнет чубом и, щуря свои черные глаза, блеснет загадочной улыбкой. Он может ничего не сказать. Взыбит коня и, почти не держась в седле, лихо промчится по самой опасной тропе. В горах Большого Яломана немало опасных троп, но за Кару давно летит слава бесстрашного наездника. Он не боится крутых дорог. Только Люба Соенова, это та самая Люба, которой на областном совещании поэт

специально написал свои стихи, она-то догадывалась почему этот месяц так любит Кару. Но Люба не станет об этом распространяться. Не такая она девушка.

Собственно, никакого секрета в этом не видит и Урмат Бургуев, такой же пастух, как и Кару. Правда, Кару может больше имеет прав на любовь этой девушки. Он смел, а Урмат еще ни в чем не показал свою смелость. Кару горяч и, может быть, чуточку резок, но разве это не нравится девушкам? А вот Урмат застенчив и тенелюб. Кару вместе с Любой не раз ездили в областной центр на совещания. В последнюю поездку ему даже грамоту обкома комсомола дали. А в прошлом году и Кару, как пастух, и Люба, как секретарь комсомольской организации колхоза, были на краевой выставке в этот самый месяц малой жары... Как тут не полюбить Кичинек изю ай!..

И, конечно, Урмат о многом догадывается. Только, что это Люба все присматривается к Кару и часто хмурится?..

Вчера она заезжала на стоянку к нему. Ведь она зоотехник. Ее очень волнует вопрос с этими торбоками. Скоро сдавать государству и она беспокоится, очень беспокоится о привесе...

«Ты понимаешь, Урмат, — сказала она вчера. — Если мы не будем иметь привеса в 900—1 000 граммов ежедневно — мало будет мяса, Урмат...» Что ж, он вполне согласен с ней. Все, что можно, он сделает... Сейчас вот, ночью пасти будет. Круглые сутки пусть пасется скот.

«Кару, кажется, не очень волнуется... — Люба с беспокойством посмотрела в долину. — Хотя он на своей стоянке сделал фанерный щит и написал: «Здесь борются за «большое мясо» — за 1 200 граммов привеса на каждого торбока. Но одно дело этот щит...»

Урмат улыбнулся.

— Кару это может, — сказал он. Люба вздохнула и по тому как вдруг потеплели ее глаза, Урмат понял, что это приятно ей.

Правда, Урмат не пояснил, что именно может Кару: или сдержат слово, или пыль в глаза пустить рекламной...

— Урмат, — тихо сказала Люба. — Ты ведь с детства с ним вместе... Ты ценишь его?

И оттого, как дрогнул ее голос, а лицо залила краска,

Урмат еще раз убедился, что не безразличен ей, его несколько неуравновешенный, горячий и порой несдержанный друг. Ценит ли он, Урмат, Кару? Конечно. Как же иначе. Правда, что-то за последнее время стало нехорошее проскальзывать в его характере, а как это назвать, он, Урмат, не знает.

— Я давно замечаю сама, Урмат... Мне кажется, успехи кружат ему голову. Он в конце-концов может совсем не прислушиваться к людям... А потом с этой долиной Берлек... Не совсем же получилось хорошо...

«Да, не совсем красиво. Урмат помнит то заседание правления. Кару сказал: «Я дал слово с областной трибуны... Поэтому мне выпаса нужны лучшие...» Может быть, и верно. Он, Урмат, не совсем хорошо в этом разбирается. Может быть, действительно всем колхозом надо создать условия для его торбоков, чтобы не опозорился парень?..»

— Нет, Урмат, нет, — решительно сказала Люба. — Было такое, когда в отдельных колхозах выращивали героев-одиночек, чтобы не отставать от других... А мы должны бороться за подъем всей экономики. Один герой не поможет. Дело в массовом героизме.

...Уехала Люба, оставив Урмату свежий журнал. Уехала, наверное, к Кару. Долго стоял Урмат на склоне долины и смотрел ей в след. Что ж, Кару может далеко пойти. У него за плечами десятилетка, да и смел он... Только вот чего-то стало не хватать им. Потеряли они прежнюю откровенность. Правда, Урмат только нынче зимой поступит в вечерний выпускной класс, но он явно в чем-то отстал от Кару и в другом. И разрыв этот неумолимо растет. Не Урмат виновен в этом. Что Кару свысока стал посматривать на Урмата. Откуда это приходит к человеку?

Далеко-далеко видна долина со стоянки Урмата. Вот бьет лебедиными крыльями о камни-перекаты — Урсул. Хочет взлететь и не может, будто подраненная птица.

Блестит черным лаком тракт и по нему серыми копытками пробегают автомашины. А на скале, прямо над трактом, стоит молоденькая козочка и смотрит вниз. Стоит, а сама осторожна, как птица. Снизу-то ее не видно, а Урмату она хорошо видна... Вот чем-то Люба на нее похожа... Чем?

До Урмата донесся дробный стук. Он прислушался и узнал походку коня Кару.

А вскоре Кару соскочил у его стоянки. Ткнув кулаком в бок коня, отчего тот шарахнулся в сторону и тут же припал к траве, ничуть не обидясь на хозяина, Кару подал руку товарищу.

— Якшилар... Ну как? — не дожидаясь ответного приветствия, сказал Кару, оглядывая хозяйским глазом торбоков Урмата. Это не понравилось Урмату, и он промолчал.

— Учти, Урмат, — продолжал Кару. — Я вызвал на соревнование всех пастухов колхоза. На областном совещании слово дал открытое. Значит, и тебя вызвал. Как у тебя дела?

Не первый раз говорит об этом Кару, и всегда прибавляет о том, что он давал это слово там на областном совещании.

— Знаю, — сказал Урмат, с любопытством поглядывая на самоуверенного товарища.

— Я решил обогнать всех по привесу.

— И хорошо сделаешь, если обгонишь, — сказал Урмат. Кару внимательно посмотрел на него. Не верит? Смеется? Он заметил в руках Урмата журнал:

— Свежий, видать... Где достал? — с любопытством перелистал несколько страниц Кару. — Председатель был?

— Нет, Люба.

— Давно? — встрепнулся Кару. И, узнав, что недавно, забеспокоился, вернул журнал, обернулся к коню, свистнул. Тот поднял голову и пошел на зов хозяина. Уже с седла он бросил:

— Скоро узнаешь большую новость, Урмат...

— Скажи!

— Потом. Но это почти твердо...

— А ты, что приезжал?

— Я ведь у секретаря партбюро был... Дело очень серьезное.

«Неужели женится Кару? — подумал Урмат. — Ездил к секретарю. И она такая взволнованная была... Счастлив Кару. Так хорошо у него все складывается... Люба... Эх, Люба... Конечно, он ничего-ничего не скажет. И как это хорошо, что ничем не показал ей до сих пор... Что он... В счастье мог не заметить Кару, как обидел

бы... Он не очень-то разборчив в своих поступках даже с близким товарищем...»

Тяжелый сегодня выдался день для Урмата. Почему она с ним так внимательна и ласкова? Советы спрашивает и даже говорит, что ей легко с ним, с Урматом. Легко просто и свободно... А каково ему, если б она только знала...

* * *

Люба была действительно взволнована. Урмат, конечно, догадывался. Но разве он знает, что мучает ее вот уже не первый день?..

«Он думает, что я без ума от любви Кару, — улыбнулась горько Люба. — Да, я, кажется, люблю его... Он сильный. Он многое может... Но если б ты знал, Урмат, как мне больно от его, неизвестно откуда взявшегося, высокомерия и этого яканья... Почему он не выполнил ни одного еще решения комитета? Разве он организовал молодежный лекторий на стоянках, как это решили на комитете? А он мог бы. На одну из стоянок, хотя бы раз в неделю, съезжались молодые пастухи.

Или взять, хотя бы простое дело — сводку. Разве плохо, если бы пастухи знали, как идут дела в других колхозах? Вчера Кару был в райцентре. Приехал и сразу ей похвастался: «В радиогазете пришлось выступить... отбивался и не мог отбиться. В райкоме говорят: «Да у нас если не тебе, Кару, то кому же еще и выступать-то из молодежи». — Ах, Кару, Кару! — вздохнула Люба. — Зачем ты так? Зачем? Что в тебе бродит и кружит голову? Энергия? Хорошо бы... А если эгоизм?.. Тщеславие? Тут недалеко и до беды, Кару... Совсем, совсем рядом... И любишь ли ты по-настоящему меня, Кару?».

Ей пришло на память недавно слышанное. Говорила мать Кару:

«Мой-то хочет в жены специалиста отхватить... На простой, говорит, не буду жениться».

«Он у тебя орел парень... Все может, а мой, как девица» — это мать Урмата

«Орел... Это правда, — согласилась та. — И в газетах про него писали... И по радио выступал».

Люба тяжело вздохнула. «Любишь ли ты как надо, а Кару? Или, может, специалиста надо?..»

Нет, не легко на сердце девушки. Совсем не легко.

...Вечер сбросил свой невод где-то на Урсуре и оттуда потянул его кверху. И вот уже потемнел, слился в сплошную массу прибрежный лес. Густые тени легли с гор в долину. Люба подобрала повод и привстала в седле. Умный конь тотчас перешел на рысь.

2

Кару догнал Любу у самой деревни.

— погоди! Стой! — крикнул он. А в следующую минуту поравнялся с ней и круто осадил тяжело дышавшего коня.

— Ты как джигит, Кару, — засмеялась Люба, оставиваясь.

— Дело есть... Тебя ведь искал, — он соскочил на землю. — Давай посидим.

Люба повиновалась. Коней Кару привязал поводками вместе и отпугнул.

— Попова не встречала?

— Попова?

— Ну, да. Секретаря райкома комсомола.

— Был? — удивленно вскинула брови Люба.

— В том-то и дело. Тебя видеть хотел...

— Разминуться могли... Я весь день на стоянках.

— Знаю. У Урмата была. И вчера у него была. Журнал оставила. — Кару вприщур посмотрел на девушку.

— Была. И журнал оставила. Он любит новинки. Пытливый. А вот ты на что надеешься, не знаю...

Кару беспечно махнул рукой и, смеясь, обнял девушку за плечи. Он горячо прошептал:

— Никакие скоро новинки не нужны будут.

— Это почему же? — искренне удивилась Люба, слегка отстраняясь от парня.

— Попов обрадовал.

— Чем же?

— А вот не угадаешь!

— Конечно!..

— Ну вот слушай и радуйся. Секретарь сказал, что возможно, возьмет меня в райком комсомола. Ты, говоришь, боевой, расторопный парень. Инструктором будешь... — Кару зажмурился и счастливо рассмеялся. — Видишь, как твой Кару в гору пошел... Только, говорит, ты покажи себя. А потом мы подскажем, чтобы Люба на

комитете поставила вопрос... Характеристика нужна. Ты ведь не захочешь дать плохую... Правда? Да и не за что, кажется? Правда?

Люба молчала. А Кару говорил, говорил...

— Я и о тебе удочку закинул.

— Что? Обо мне? — Люба сняла его руку со своего плеча. Кару насупился.

— Разве я не должен думать о тебе?

— Не знаю, должен или нет, — резко сказала она, поднимаясь. — Пока, Кару, мне не нужны адвокаты.

Кару молчал, подавленный, обескураженный. Любе стало жаль парня. Она улыбнулась, запустила пальцы в его лохматый чуб.

— Не обижайся. Я ведь никуда не собираюсь уходить из колхоза, Кару...

— Разве в райсельхозинспекции хуже тебе будет?

— Вот куда ты меня думаешь пристроить! — засмеялась Люба, и, посерьезнев вдруг, холодно добавила: — Хуже, Кару, хуже. Я молодой специалист и мне нужна хорошая практика...

— Подумаешь — практика! Там бы командовала другими, а здесь сама с коня не слезишь...

Люба посмотрела молча на Кару, потом решительно пошла к коню.

— До свидания, Кару, — донеслось до него. — Я не привыкла командовать.

Люба скрылась за поворотом, а Кару все сидел. Невеселые мысли, будто злые осенние мухи, жалили его сердце. Ему пришла в голову мысль, что Люба вовсе не любит его, и что она может так повернуть дело на комитете, что он не получит хорошую характеристику и тогда прощай выдвижение на ответственную работу... Кару стало не по себе. «Нет, не может она... Не может... Кого она лучше найдет? Кого? Урмата? Из него слова не выбьешь... Как торбок. Молчит и молчит.»

Расстроенный возвращался на свою стоянку Кару.

К Урмату приехала не совсем обычная делегация. Три школьницы: Ойрош, Кызмай и Эркелей. Их привела сестренка Кару Ойрош. Тоненькая, как лоза, шустрая Ойрош стремительно объехала стоянку Урмата, посмотрела на торбоков и, собрав девчонок у костра, повели-

тельным жестом пригласила Урмата. (Она могла так. И было это совсем не обидно хотя и забавно). Глядя в ее черные насмешливые глаза, Урмат улыбнулся и подсел к ним.

— Кару все по каким-то делам ездит. А мы вот пасем его стадо... Нам, как будущим зоотехникам, это пригодится... Правда, девочки? — девчонки поспешно закивали головами.

— Я давно догадывался об этом, будущие специалисты, — сказал Урмат, скрыв усмешку.

— Ну вот... Мы решили опыт у вас отобрать...

— Отобрать? — засмеялся Урмат. — А если не отдам? Да и какой у меня опыт? У Кару больше.

— Мы у всех спрашиваем. А не отдадите — все равно подглядим. Уж лучше раскрывайтесь!

Посмеявшись, Урмат развел руками.

— Сдаюсь, спрашивайте.

— Когда пасете ночью скот — не разбредаются торбоки?

— Нет.

— Записывай, Кызмай. Нет, значит. Дальше, а как приучить пасти веером?

— Стоять, как полководец впереди и разгонять своих солдат, чтоб не кучились.

— Та-ак, — Ойрош посмотрела многозначительно на Кызмай. Та, уловив ее строгий взгляд, сразу же склонилась над блокнотом.

— А как заставить хорошо есть ту траву, по которой уже прошли торбоки?

— Гм, — задумался Урмат. — Я, например, жду, пока она не подымется... Не посвежеет... Можно по росе... Рано утром. Поздно вечером.

Ойрош хитро подмигнула подружкам. Настоящий бесенок, эта Ойрош! Что-то они, видно, знают...

— Это правильно, Урмат, — тоном преподавателя сказала Ойрош. — ...Когда поднимается и по росе... А соль мелкую не рассеиваете по тому месту?

Урмат поднял брови. А девчонки, затаясь, глядели на него.

— Нет, — сказал Урмат.

У них заблестели глаза.

— Ну, вот... это уже наш опыт. Запишите себе, Урмат, — торжественно сказала Ойрош.

— Согласен, — кивнул Урмат. — А главное, по-моему, нечего тут много придумывать. Надо заставить торбоков побольше есть, во-время пить... А отдыхать, — когда захотят. Стараться меньше гонять. Меньше ходят — быстрее жиреют...

Делегация поблагодарила Урмата и собралась уходить. Ойрош отвела Урмата в сторону и озабоченно сказала:

— Брат стал какой-то бешеный... Приехал злой-презлой. Не скажете отчего?

Нет, Урмат решительно ничего не знал, что могло бы расстроить Кару.

— А потом, — добавила Ойрош, оглядываясь и понижая голос. — Потом говорил: «Только бы до осени. Пропади хоть все их торбоки.»

Обеспокоенный сообщением Ойрош, Урмат проводил девочек до березовой роши и вернулся к костру. Торбоки разлеглись на косогоре и, сытно отрывивая, жевали жвачку. Урмат знал, что отдых их не долг. Часа через два они снова потянутся к траве. Самому бы часа два вздремнуть. Но встревоженный приходом молодых пастушков, он не мог и думать о сне. Его очень беспокоило поведение Кару. За всей его нарочитой деловитостью Урмат разглядел настоящие помыслы друга. И ему стало не по себе.

— На кого он тень хочет бросить? На кого? — шептал Урмат. — На всех нас? На комсомольцев? Ради чего?

4

Не спала в эту ночь и Люба. Кару раскрылся ей во всей полноте. Стали зримы его самолюбивые планы эгоиста.

— Он никого не любит... Он любит себя. Для себя старается, — шептала девушка, пряча слезы в подушку. — Может, подсказать? Может, еще не поздно? Надо провести контрольный обвес торбоков. Прошел месяц. Если он, кроме болтовни, ничего не сделал для стада — поправить, подсказать на комитете. Он же комсомолец! А комсомолец ли? — кольнула мысль. — Разве настоящий комсомолец думает о жизни так, как думает Кару? Неужели там в райкоме не разглядели его? Надо открыть им глаза... Но как? Что скажет Кару? А может,

я ошибаюсь? Может, все по другому? Ведь он, правда, заметный. Попов высказал свое мнение, а у Кару от радости голова вспухла, кругом пошла. Вот и возомнил...

Тяжелая была эта ночь для Любы, комсомольского секретаря колхоза.

Утром, прихватив с собой весы, она выехала на стоянки.

Весть о том, что Люба проводит контрольное взвешивание, облетела стоянки в тот же день. Многих это взволновало. Урмат с беспокойством подумал о Кару. Он выбрал время и заглянул к нему.

— Ну, вот и молодец, — встретил его Кару. В руках у него был какой-то журнал. — Ты понимаешь, интересную вещь вычитал я. Оказывается, в месяц малой жары трава имеет очень невысокую калорийность. Это вот здесь черным по белому написано. Трава, что вода. Так получается. Какой тут может быть привес?

Урмат посмотрел на стадо Кару. Оно подковой охватило косогор.

— Видишь, как приучил есть? — улыбнулся Кару. — Они у меня послушные... Учись, Урмат, у великих пастухов мудрости!

Он расхохотался. А Урмат подумал: «Вижу, девчонки правильно переняли опыт.» Но вслух спросил:

— Значит, в месяц Кичинек изю ай не жди хорошего привеса?

— Если у меня будет привес мал — докажу теоретически, что так! — твердо и уверенно сказал Кару. — Тут не будут зря писать. Я могу это сказать и товарищу Попову. Он меня хорошо знает, — он похлопал ладошкой по журналу...

Урмат не стал заглядывать в журнал. Он понял другое. И это другое — обидело его.

— Ты струсил, Кару? — усмехнулся он.

Кару возмутился. Стал кричать. Горячиться. Потом успокоился и с отчаянием выдал:

— Люба хочет поперек дороги моей встать. Она хочет чинить мне рогатки. Уже все обговорено с товарищем Поповым... Меня хотят взять в райком комсомола. А она пригрозила.

«Посмотрим, говорит, как решит комитет.» — Жаром обнесло голову Урмата от таких слов.

— Но разве ты... Вы... не женитесь?

Кару горько усмехнулся.

— Она почему-то прислушивается к тебе. Не знаю, может ты ей больше по душе. — Кару насмешливо смерил глазами Урмата.

— Не дури, Кару! — оборвал его Урмат.

— Правда. Правда. Ты друг мне. Скажи, зачем закрывать дорогу? Я согласен жениться на ней... Пусть не подставляет ногу...

Урмат покраснел еще сильнее. Так вот зачем тебе Люба!

— Нет, Кару! — задыхаясь, проговорил Урмат, вскакивая в седло. — Ты не достоин ее! Недостойн! И ни я, ни она, на комитете не будем тебя защищать. Учти!

— Ну, это мы еще посмотрим! — угрожающе крикнул в догонку Кару. — Я еще потягаюсь с вами!

...Как ни обижался Урмат на своего заносчивого друга, а в душе желал, чтобы у того все обошлось хорошо с привесами. Даже первая проверка многое решала для авторитета Кару. Но беспокоился он напрасно.

...Чтобы отвести от себя всякие подозрения, Люба поехала на стоянку Кару вдвоем с ветеринарным фельдшером.

А вечером уже все стоянки знали: Кару имеет самый высокий привес... Он не зря дал слово. Видно, парень старается во всю! От Кару совсем немного отстал Урмат. Но он был рад за своего друга и ничуть не ревновал его к славе передовика. Подошло время сдачи гурта.

Райком комсомола запросил о Кару характеристику. Распространился слух, что он едет на учебу. Люба собрала членов комитета.

— Что ж, я думаю, Кару хорошо поработал, — сказала Люба. Кару благодарно посмотрел на нее. — Характеристики хорошей, как первоклассный пастух, он заслуживает... Не так ли, товарищи? — не замечая горящих глаз Кару, продолжала Люба.

— Так, Люба, так. Мы не против. Пусть учится Кару. Люба улыбнулась и загадочно бросила:

— Для некоторых это может быть и учеба, но для Кару... Не знаю, — она покачала головой. Кару вспыхнул. Ребята переглянулись, недоумевая о чем хотела сказать Люба.

— А какую характеристику дать его общественной работе? — спросила неожиданно Люба.

— А нужно это? — спросила Урмат.

— Нужно. Потому что Кару будут рекомендовать не на учебу, а в райком комсомола.

— Вот здорово! — воскликнули ребята и задумались. Никто не мог сказать о Кару, как об общественнике.

— Он инициатор соревнования, ребята, — подсказала Люба. — Разве это не большое дело?

Кару встал.

— Да, я поднял это движение, — сказал он. — Об этом и в газете писали... Так и говорили — инициатор... Мастер высоких нагулов... Да.

«Значит, ты перестала сердиться на меня? Значит, ты согласна со мной?» — говорили глаза Кару, устремленные на Любу.

— Это верно, — поддержал Любу Урмат, хотя заявление Кару покорило его.

— Договорились, — прихлопнула ладонью какую-то бумажку Люба. — Ну, а свое мнение, как член пленума райкома о том, можно ли Кару рекомендовать на инструкторскую работу, я скажу, там, в райкоме...

Кару вскочил, и, бледнея, шагнул к столу. Пальцы рук его судорожно сжимались и разжимались. В глазах заметались искры бешенства. Но он нашел в себе силы сдерживать полыхавшую в нем обиду. Заикаясь и презрительно кривя губы, он хрипло выкрикнул Любе:

— Я знаю почему ты... Знаю. Не хочешь меня из колхоза отпустить! Да? А мне... А ... Я ведь не очень... Не привяжешь к своей юбке. — Кару фыркнул, многозначительно оглядел ребят и пошел к двери.

Урмат опустил голову. Ему было стыдно. У Любы побелели губы. Сцепив руки и прищурив глаза, она посмотрела вслед Кару.

— А ведь я, Кару, хотела рекомендовать тебя... Думала, что ты, все-таки, не такой... — тихо произнесла она.

Кару вздрогнул... Резко обернулся и растерянно посмотрел на Любу.

— Думала: долго ли ошибиться в человеке? А теперь вижу: не ошиблась — верно было мое первое впечатление.

Последние слова она произнесла твердо.

Ребята поднялись и, не глядя на Кару, стоявшего по-прежнему у двери, стали выходить из конторы.

Люба подошла к окну. В переплете рамы трепетал опавший лист тополя. О чем-то оживленно беседуя, ребята шли по улице. Урмат остановился и посмотрел на окно. Взгляды их встретились. Урмат быстро отвернулся и твердой походкой направился к своему коню. Наблюдая за ним Люба невольно подумала: «Хорошо как-то у него получается все... по-хозяйски — уверенно и твердо... Если б так умели шагать по жизни другие. Без червоточинки в сердце, без занозы.»

В комнате было пусто от гнетущей, настороженной тишины. Ломая спички, у двери по-прежнему стоял Кару.

ЛЮБОВЬ МАРИНКИ

В первый раз за все время, как узнала Маринка Костю, осмелилась она сегодня зайти в кузницу. Подошла к порогу, заглянула в дверь и тихо поздоровалась:

— Здравствуйте, дядя Васенья...

Кузнец Васенья, широкоплечий старик, с длинными руками и лицом, навечно запорошенным несмываемой угольной пылью, сердито вскинул изломленными кверху бровями и ничего не ответил. Он еще пуще зашуровал длинными щипцами в раскаленных углях. Это не смутило Маринку. Суровый нрав Васени знало все село. Девушка прошла в помещение и сказала громче:

— Крючки требуются для дверей... На ферму...

Старик опять промолчал, стал быстро раздувать горн. Маринка улыбнулась, оглядываясь вокруг. Ей, собственно, и не нужны были эти крючки. Просто она решила посмотреть кузницу, в которой работал Костя. «Вот, наверное, наковальня его, — быстро отметила Маринка. — Тут он стоял... Свободный горн ждет хозяина».

В это время дед выхватил щипцами раскаленную железку и, положив ее на наковальню, хмуро осмотрелся по сторонам ища чего-то. Остановив взгляд в углу, он вдруг сурово сказал:

— Ну, чего стоишь? Неси вон молот... Так... Теперь бей!

Маринка взмахнула и ударила по железу. Дед пристукнул указательным молоточком. Искры посыпались к ногам Маринки. Она вскрикнула.

— Не бойся, бей еще! — сказал Васенья, переверты-

вая железку. Девушка ударила еще раз, а старик потопрапливал:

— Давай, давай!

И когда Маринка совсем вспотела, дед скомандовал:

— Теперь будя... Ну, как?

— А... ни-чего, — едва проговорила девушка. — Ни-чего...

— Вижу, — ухмыльнулся в усы старик и, сунув снова в красные угли железко, стал качать мех. Потом обернулся, смерил Маринку все еще неласковым взглядом, спросил:

— Ты по каким делам-то?

— Да я почти что так, дедушка, — растерялась Маринка.

— Как это — «так»? Не на свиданку же ко мне?

Девушка засмеялась.

— Для этого моложе есть...

— Постой, — оживился вдруг Васенья, — ты не Маринка будешь?

Он спросил так серьезно, будто и в самом деле не знал ее, а лишь внезапно догадался.

— Она самая, — в тон старику ответила Маринка.

— Тогда знаю.

— Как знаете-то? По отцу, по матери?

— Не финти... По Косте знаю...

Маринка посмотрела на пол и коснулась ладонью одной щеки, потом другой: горячие какие!

— Чего скраснела-то? Ай не так? Каждое утро вылетал парень из кузни в ту пору, как ты мимо вышагивала.

— Ну уж, была ему нужда...

— А глаза пошто прячешь? Меня не проведешь. Да что же... я вовсе не супротив тому, — старик подобрел. — Мне-то что? Только нету моего помощника. Взяли! Обучай, значит, Васенья, себе нового подручного. А где у меня лишние годы? Это понимают они? Я уж десять лет как из годов вышел. Положу вот молоток, потушу горн и скажу: «До свидания, дорогие товарищи!» И ни-кто не остановит — по закону, семьдесят два года стукнуло...

Маринка знала: зря это он. Жалко ему Костю, а пока руки молот держат — никуда не уйдет он из кузницы. Она засобиралась уходить.

— Обиделась, может? — спросил старик.

— Да ну...

— Горько мне стало. А сказать все некому было... Забегай, проведывай старика. Если по хозяйству что надо будет — заказывай, сделаю. Крючки тебе что ль? К дверям? Дело плевое. Заходи завтра.

— Спасибо, зайду.

Старик постоял молча и вдруг, указав пальцем на вторую наковальню, сказал:

— Егэ. На ней работал. Понятливый был... Способный помощник. Такого уж не выучишь, поди...

Маринка, взволнованная, спустилась к Быстрянке. На том берегу белел телятник. Девушка села на камень и, глядя в воды горной речушки, вспомнила то, что началось этой весной.

* * *

...Иной раз, еще рано, Маринка уже бежит на ферму. И все равно, в какую бы она рань не поднялась, Костя всегда первым замечал ее. Она проходила через колхозный двор. Костя показывался на пороге кузницы и чумазый, улыбающийся, вытирая руки о холщевый черный передник, кричал ей, осторожно вскидывая темным чубом:

— Куда это вы, Марина Петровна, в такую рань бежите? Ведь еще, пожалуй, и черти в кулачки не бились? Между прочим, здравствуйте!

И она, вот всего только на минутку убавляла шаг, собиралась сказать ему что-нибудь резкое за это «между прочим», но почему-то терялась, потом сердилась на себя и выкрикивала неприветливо:

— Ты, не иначе, с ними, с чертями, сам дерешься...

— Почему?

— А поглядишь в зеркало — увидишь...

— Неужели грязный? — озорно и весело кричал Костя, оглядывая спецодежду и разводя руками.

— А то, поди, нет...

— Вот, понимаешь, положеньице... И впрямь не того. Ай-ай-яй! Извините, пожалуйста, Марина Петровна. В следующий раз мы... вот...

Но она уже не слушала его. Завернув за кузницу, она быстро сбегала к Быстрянке.

И так, почти каждый раз. А как-то весенним утром, она только что свернула к реке, сразу заметила: кузни-

ца на замке, убавила шаг, пошла спокойней. На берегу остановилась. У ног ревел неугомонный поток: Быстрянка замерзала только в январе и то на несколько дней. Потом снова, окутываясь густыми туманами, взламывала тонкий лед или просачивалась кверху наледью и мчалась; дробясь студеными брызгами меж каменистых торосов. Камни обрастали изумрудным веером из тонкого льда. Они горели в лучах солнца, как сказочные самоцветы.

Красиво! Никогда раньше не замечала этой красоты. Маринка вздохнула, посмотрела окрест и замерла от восторга: над широкой прибрежной долиной, что раскинулась перед ней до самых гор, переливалась серебряными блестками легкая изморось; рдели в лучах солнца каждой своей почкой молодые саженцы тополей и кленов, уходившие правильными рядами в степь. А еще чуть подальше, за Быстрянкой, разбежался навстречу широкий тракт, а в проводах над ним будто бродил кто-то невидимый: они покачивались и гудели призывно и молодо, вызывая неясную тревогу — мечту.

— Ой, — сказала тихо-тихо, почти прошептала Маринка, — как же хорошо у нас! — Одной рукой она взялась за куст краснотала, засмеялась чему-то, стряхнула его, чтобы сбить иней. Но иней не опадал...

— Да он же в цвету! — удивилась Маринка, дотрагиваясь осторожно до пушистых нежных почек. И было ей очень весело и приятно от этой всепобеждающей силы становления, которую разглядела она, может быть, только тогда в почке краснотала.

Костя поравнялся с ней в тот миг, идя в кузницу. Подошел, остановился, хотел что-то бросить шутливое, как всегда, и вдруг оробел. Стоит, смотрит на нее, на краснотал, а в глазах... Даже и не поймешь — что в его глазах, только что-то такое же весеннее.

— Долго же спите, — усмехнулась Маринка.

— Меня в контору требовали, — серьезно сказал Костя, не сводя с нее больших серых глаз.

— Ну, чего уставился — пойду я...

Она отстранила его с тропы и пошла, не оглядываясь, на ферму. Но взгляд его чувствовала на себе до самого поворота. А кругом было столько солнца!

Через несколько дней, когда у Быстрянки стало грязно, обнаружила Маринка шлаковую дорожку. То ли дед

Васенья насыпал, чтоб на речку ходить руки помыть, то ли еще кто, но не бывало этого раньше...

А вот совсем недавно, вечером, в клубе, когда девушки, закончив спевку, сошли со сцены в зал, Костя неожиданно вырос перед Маринкой. Сразу и не узнала его. Что-то опять промелькнуло и затаилось в глубине серых глаз. Не то настороженность, не то просто любопытство... Так и не разглядела. Заметила другое: Костя был в новом светлосером костюме и в вышитой рубашке.

— Не выгоните, — спросил он, — если приходится буду и слушать?

— Пожалуйста, клуб большой, для всех хватит...

— И даже для меня? — рассмеялся Костя.

— Места не заказаны, — улыбнулась и Маринка, поправляя волосы.

Поговорили о чем-то. Так, о всяком... Ничего особенного не сказал Костя в тот вечер. А потом — по-прежнему с порога кузницы перекидывался шуточками. Каждое утро. А время шло...

И вот вчера узнала Маринка, что уехал он на курсы машинистов самоходных косилок. А сколько курсы протянутся — неизвестно. Девушки сказывали, что видели молодого кузнеца на ферме. Около ее, Маринкиной загонки, постоял. Ни с кем, однако, не поговорил и ушел обратной дорогой. У Быстрянки, сказывают, Стешу Рябцеву встретил. Говорил с ней о чем-то. Может, как с секретарем комсомольской организации разговаривал, может, по личному делу — неизвестно.

И поманило Маринку в кузницу...

* * *

Вот уже прошумели и весенние потоки; на горах и в долинах стлелась медунка.

Колхоз закончил сев и стал готовиться к сенокосу. Самоходную косилку ждали в колхоз. Выходит, конец скоро курсам. Нет-нет и поймает себя Маринка на том, что смотрит подолгу на тракт. Идут машины, идут много машин, а таких чтоб как косилка, — нет.

Приступили к заготовке витаминного сена. И Маринке захотелось сделать все как-то по-иному, как-то по-необычному быстро и хорошо. Можно было бы, конечно, без усталости косою махать — это привычное дело; можно и так, чтобы сено было самым душистым, самым зеле-

ным и вкусным. Умеет это по-своему делать Маринка. Но ведь это ж простые, будничные дела! А хотелось какого-то подвига!

Однажды, когда особенно красиво плескался июньский закат в красноватых волнах Быстриanky и девушки сидели на берегу, опустив загорелые ноги в воду, Маринка так и сказала, что хочется ей сделать что-то такое сильное-сильное, чего еще не делала. «Вот точно пламя какое-то горит во мне, — отчего это, девочки?»

Феня Жданова, полная, белокурая, с ямочками на щеках, поправила на голове полшалок, заглянула в маленькое круглое зеркальце и вздохнула глубоко.

— Я знаю, Маринка, отчего это...

— Отчего?

— От любви это...

Феня сказала так уверенно, что девушки засмеялись и с любопытством посмотрели на Маринку. Та сначала немного смешалась, потом рассмеялась вместе со всеми...

— И скажешь ты, Феня...

Но что-то горячее обожгло ее. Может, правильно сказала Феня? И надо поблагодарить ее за разгадку?

Ой нет! Маринка не скажет этого... И потом... Может, ведь совсем, совсем другое что-нибудь...

* * *

Уложила Маринка телят и стала давать наказ сторожу Лукьянычу, высокому, худому старику с жилистой шеей, седой острой бородашкой, браво закрученными усами и на редкость живыми и веселыми глазами. Старик ходил на пятках, не сгибая коленей, ухватив левой рукой ремень, переброшенного дробовика двенадцатого калибра. Дробовик был, вероятно, ровесник своему хозяину. Мученье Маринке с Лукьянычем. Она всерьез, а он все в шутку.

— Ты, Лукьяныч, смотри.

— Го! — повернулся тот на одной ноге, снимая ружье.

— Опять! — сокрушенно покачала головой она. Старик рассердился.

— Ну, что ты, что, неугомонная головушка?

— Чтобы, значит, если даже собака какая — гони от загородки... А то твякнет, перепугает...

— Ты вот что, девка: который раз ты мне инструк-

таж ладить будешь? Знаю все ваши минимы повдоль и поперек... Будь в покое. Ты думаешь, Лукьяныч так себе, пешка с ружьем? Не-ет. Те времена канули. Я что же, телятам твоим посторонний? Ошибаешься? Тут не только собаке, тут самому комару некуда будет нос протолкнуть — порешу зараз со всего заряда.

Слушала Маринка старика и не понимала: верить или не верить ему?

Тут и подошла Стеша Рябцева. Стройная с черными, обычно строгими глазами. Сейчас в них таилась ласковая хитринка. Она еще утром сказала Маринке при встрече, что зайдет.

— Слыхала я — на подвиг решилась ты, Маринка? — спросила Стеша.

Растерялась Маринка, покраснела. Не привыкла ничего скрывать от комсомольского секретаря, но и сказать-то, действительно, нечего было.

— Это девочки успели наговорить?

— Что тут плохого, Маринка? Когда сердце подвига просит — это очень хорошо. Только в такой момент о работе своей не надо забывать.

— Да ведь я это так, о подвиге-то... Понимаешь? Просто мне... весело. Очень весело работать! — воскликнула Маринка, и вдруг вспомнила разговор, будто виделась Стеша с Костей перед его отъездом. И очень ей захотелось узнать, о чем они тогда беседовали. Но как это сделать? Стеша посмотрела на нее внимательно, прищурилась и потом — или догадалась о чем подумала Маринка, или случайно вышло — спросила:

— А никто тут в твоих чувствах не замешан?

— То есть, как это? — смутилась Маринка.

Стеша засмеялась хорошо, тепло и сказала:

— Что же ты волнуешься? А в конце концов, это не так уж и плохо, Маринка! И пусть будет права Феня... Я могу подтвердить...

— Но честное слово, ничего нет! Ничего! — воскликнула Маринка. — То есть... Ну...

— Вот жалость какая!.. А он мне говорил, что... В общем, тебе же не интересно...

У Маринки перехватило дыхание.

— Говори, — с трудом выдавила она.

— Но ты даже не спрашиваешь, кто это — он-то!

— Знаю, — прошептала Маринка.

Стеша обняла ее, откинула с груди косы и притянула к себе ее лицо.

— Он сказал, что будет, во-первых, хорошо учиться, что к сенокосу курсы, конечно, кончатся... А еще сказал... Еще просил передать товарищу Марине Петровне Озерновой, чтоб не особенно стеснялась, и если разрушится шлаковая дорожка — шлак лежит в кузнице, как зайдешь — налево, в углу... Бери хоть воз, хоть два. Васенья, дескать, не откажет.

— О-ой!! — Маринка счастливо улыбнулась, закрыла глаза и обняла подругу. Так, обнявшись, и пошли они по берегу. Чистым, сильным голосом Маринка затянула песню. Стеша подтянула. И полетела песня над рекой:

...Снова замерло все до рассвета,
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь...

* * *

...Почти всю неделю девушки ждали комиссию. Дружно повторяли «минимум» по уходу за телятами. А Маринка пробовала даже «участвовать» в этой комиссии. Выйдет на поле к самой Быстринке и медленным шагом важно подходит к загонке. Подойдет к беленой изгороди, мазнет пальцем, посмотрит и, обращаясь к воображаемой телятнице, прощупывая сверху телят колючим взглядом, начнет спрашивать:

— Привес? Рацион? Режим? Ну, а если теленок аппетита лишится, что станешь предпринимать, какие меры? То-то... Нет, — вздохнет она, — решительно все, как-жется, у этой телятницы в порядке...

Для телятниц комиссия была и экзаменатором и жюри соревнования — проверять работу их будет очень основательно, а потом доложит о результатах проверки на правлении колхоза. А большинство девчат впервые работало на телятнике. И Маринка тоже. Вот почему, не то что боялись девушки этой комиссии, но, действительно, поджидали с заметным волнением, тем более, что предстояла первая проверка после укрупнения колхоза.

Однажды выпустила Маринка телят на прогулку. Любят они этот час. Ждут с нетерпением. Только открыла калитку, как они вырвались и — во все стороны. А Маринка хлопает в ладоши и кричит:

— А ну, кто вперед? Кто? Светленький. Светлый, не отставай!

Белолобый уже три раза обежал вокруг Маринки. Подскочит, взглянет, радостно мыкнет, хвост дудкой, и вдоль Быстрянки.

— А ну, Сверчок. еще, еще! — И телята ее, здоровые, резвые, долго еще бегают по полю, вызывая восхищение молодой телятницы.

Подружки смотрели на это иначе.

— Зря ты их приучила так выбрыкивать, Маринка, — говорили они. — ты посмотри на наших — гуляют, и не видно их. Шею не свернут. Без заботы.

— Не свернут — это верно. Но и толку от такой прогулки мало, — не сдавалась Маринка. — Не телята, а тихони... Ленивый и ест лениво. А мои как набегаются, — так только подкладывая им после....

— Небось, и наши не сдадут в еде.

Спор вышел также из-за того, нужно ли выпускать телят в ненастные дни? Маринка открывала калитку несмотря ни на какой дождь или ветер...

— Кому же охота в такой ливень бегать, — говорили девушки. — Попростывают — хлебнешь с ними горя...

— Наоборот. Надо закалять их, вы почитайте вон в книжке, — упорствовала Маринка, и если телята жались и не шли на дождь, она с ними бегала, гоняясь за каждым с прутиком.

Хорошо после этого пили телята теплый «чай» — душистый витаминный отвар. А еще лучше отдыхали.

В один из таких дней и заявила комиссия. Маринка была у загончика. Ревниво оглядела она все свое небольшое хозяйство. И вдруг обнаружила: местами на городьбе известь осыпалась, около загончика нужно было свежего песочка добавить... Охнула и — за ведром, а комиссия — вот она. Рядом басок старшего животновода Корнея Степановича... «Вот и приготовилась, — упрекнула себя девушка. — Готовилась, старалась и — на тебе! Может, с другого конца начнут?» Члены комиссии приближались слева. А Маринкин загончик с этого края, второй по счету.

Через пятнадцать минут к ней подошли. Возглавлял комиссию Корней Степанович Перемычка. Был он человек высокий, представительный. Усы холил еще с времен гражданской войны, как вернулся из Первой Конной.

Они выдавали его тайные намерения — походить во всем, даже по внешности, если это будет возможно, на своего легендарного командарма. Животновод по должности и призванию, он же первый заместитель председателя, он же прекрасный организатор, он же самый веселый человек на селе и шутник. Но он же самый из всех правленцев непримиримый в отношении бракоделов и нерадивых.

С Перемычкой — еще двое. Ветфельдшер Сартанов — низкий, широкоплечий, с круглым, ровного коричневого отлива лицом и длинными, узкими глазами алтаец, и Стеша Рябцева. Стеша не только вожак комсомольцев, она учетчик на ферме, подруга всех телятниц. Она знала все их секреты и думы и очень строго спрашивала работу.

Вот и вся комиссия. И люди-то знакомые, разнакомые. А все-таки боязно. Тут страшно оказаться последней или, скажем, так себе, середина на половине...

Не дойдя до Маринкиной загонки метров пять, Корней Степанович как-то подозрительно крикнул. Потом подошел к изгороди, оперся на нее и, чмокнув губами, застыл уливленный.

— Оце так да! Ото, хлопцы, я понимаю. А ну, идить до мэнэ! — махнул он рукой телятницам. — Вот она, где наша порода растэ! А ну, красавица, — обратился он к Маринке, — докладуй, як ты того добилась.

Подошли девушки, а Маринка слова не может сказать. Стоит у загонки, смотрит на телят, и хочется почему-то плакать.

— А ну, прошю. прошю, — поторапливал животновод.

— Мы одинаково все, дядя Корней... Вот честное слово, — начала Маринка, — вот хоть, у девушек спросите — всегда советуемса... Только и спорили что о прогулке...

— А это мы побачим, — сказал Перемычка. — А ну, вот того бутуза подыми, та обрисуй нам его биографию, — указал он на одного из телят, который совсем отказался смотреть на комиссию. Он подвернул голову к животу и мирно посапывал. Розовые ноздри его трепетно вздрагивали.

— Это, дядя Корней, не бутуз, — улыбнулась Маринка. — Это Светлый... Посмотрите, какой он чистенький, а глаза-то прозрачные, прозрачные...

— Ого! Ну, ну! — кивнул, тихо посмеиваясь, Корней Степанович. — Поднимай ихнюю светлость... Поднимай! Маринка нагнулась к теленку.

— Светленький! Светлый! Ну, вставай же! Ну, вставай!

Теленок мотнул головой и перевалился совсем на бок, вытянув ноги. Все засмеялись.

— Посмотри, посмотри, и в самом деле — светлость!

Только когда громко расхохотался сам животновод, а хохотал Корней Степанович во всю мощь своих легких, Светлый приподнял голову, с любопытством посмотрел на усатого человека, попрядал ушами и поднялся на ноги. Поднялись и другие телята. Маринка всплеснула руками и, расширив от ужаса глаза, схватила Корнея Степановича за рукав телогрейки.

— Ой, дядя Корней! Потихе, потихе! Они же ведь спали! Они могут, знаете...

Животновод поднял руку и оглядел торжественным взглядом присутствующих:

— Слыхали? Вот я понимаю — забота. Чи не так говорю, доктор?

— Славные телята, — согласился Сартанакон.

Всех Маринкиных питомцев переписали по кличкам, обмерили, изучили рацион и режим. Уходя, Стеша шепнула:

— Лучшие, вот увидишь... Ты необыкновенного искала...

— Но я взаправду, Стеша... Может, девочки подумают: скрытничала я... Но, честное слово, я даже...

— Приходи завтра в контору, — поговорим, — сказала Стеша.

* * *

В тот же вечер Маринку вызвал к себе председатель правления Иван Семенович Дубравин. В кабинете сидели члены комиссии. Маринка вошла, тревожно оглянулась по сторонам... Ее позвали к столу.

— Смелей, смелей, товарищ Озернова! Садись, — Иван Семенович указал на стул против себя.

Маринка села на краешек, не зная куда деть руки... Иван Семенович, грузный, заметно задыхающийся, облокотился на стол, смеется... Глаза блестят, хорошие, ве-

селье, но шибко, кажись, усталые. Почему иногда от одного такого взгляда становишься будто дома — спокойным и уверенным? Такой взгляд и был у Ивана Семеновича. Сразу просто и легко стало Маринке. И когда он обратился к ней, она даже ничуть не оробела.

— Так, значит, Марина батьковна, — добродушно улыбнулся председатель в небольшую темную бородку.

— Петровна, — тихо сказала Маринка.

— Ну, вот, Марина Петровна... Ты, наверно, и не знаешь, зачем тебя вызвали сюда?

— Насчет, поди, проверки соревнования?

— Отгадала! Ну, а про результаты слышно было вам?

— Нет, — созналась Маринка, испуганно бросив взгляд в сторону Стеши Рябцевой. Та загадочно прикусила губу, а председатель сказал:

— Результаты хорошие. Скажу от всего сердца: обрадовали девчата и особенно ты, Марина Петровна. Думал, откровенно, что это первая наша проверка после укрупнения вскроет значительно больше неполадок. А у вас такие знатные цифры. Посмотрите, такие привесы едва ли и по всему району сыщешь! Как, товарищ Петров?

Маринка обернулась: рядом со Стешей сидел невысокий человек в кожаной куртке. «Поди, зоотехник», — мелькнула тревожная мысль.

— Молодец, товарищ Озернова, — подтвердил Петров, — добилась наивысшего привеса по району! Будем рекомендовать ее опыт.

Маринка опустила голову. Теребя платье, она старалась сосредоточиться и не могла — так была неожиданна эта радость. Какой же у нее опыт?

— Тут ошибка может, — тихо пролепетала она. — У девочек все так же... А я — победитель...

— Чему же ты удивляешься? Победители тоже простые, смертные, но только очень старательные люди...

Все заулыбались. А Маринка сидела пунцовая, громко бьющимся сердцем и не знала, что ответить.

— А теперь, может, вы скажете, — тепло продолжал Иван Семенович, — как вы добились таких прекрасных показателей.

— Не знаю я...

— Вот-те на!... Как же так?

— А не знаю и все!

— Ну, хорошо. Тут, безусловно, надо подумать... Не выступите ли вы перед народом?

— Как же я выступлю?

— А с лекцией?

— Да как это можно — с лекцией? — искренне удивилась телятница. Она привыкла слушать лекции работников района. А из сельских никто даже намного главнее ее не выступал с лекцией. И вдруг она. Телятница... Маринка взглянула на Стешу. Иван Семенович перехватил ее взгляд.

— Вот, вот, товарищ Рябцева тебе и поможет, — сказал председатель, — Значит, договорились, Марина Петровна? — И повернувшись к Стеше, добавил:

— Это ваша святая обязанность.

Стеша охотно согласилась.

Девушки вышли вместе.

— Ну вот, видишь, — сказала Рябцева, сжимая Маринкину руку выше локтя. — Ты уж и знаменита...

— Ой, мне прямо страшно! — воскликнула Маринка. — И кто думал! Просто работала и работала...

— Вот чудная ты, — улыбнулась Стеша покровительственно, — а герои, по-твоему, сидят и сидят?

Маринка засмеялась:

— Так то — герои!

* * *

...Вот уже второй вечер девушки сочиняют лекцию, а дело продвигается очень туго. Вернее сказать, совсем не движется.

— Ой, дура я, дура, — говорит Маринка, заламывая руки. — И зачем я только согласилась!.. Если бы знать — не пошла бы в контору... Прикинулась бы хворой...

— Ну и хороша была бы ты... А опыт? — урезонивает Стеша.

— Да где я его найду? — восклицает Маринка.

— А ты поплачь, — советует Стеша, обложившись книгами и наставлениями по выращиванию телят.

— Если бы полегчало — навзрыд бы ревела... А то, что толку — вздыхает Маринка. — Ну, много я тебе секретов наговорила?

— Пока ни одного...

— И не будет их, не жди... Откуда они у меня? Работала и все.

— Ты погоди... Вспомни: не было ли у тебя такого случая, ну, как тебе сказать... особенного, что ли? Не как у других, например?...

— Да что ты!.. Я ничего не выдумывала. Пожалуй, выдумаешь на свою голову...

— Ну, а читать-то, читала?

— Сама видишь, — сказала Маринка, доставая из-под подушки «Как закалялась сталь».

— Не про художественную...

— Минимум?

— Да не только минимум... зоотехническую литературу.

— Этой мало... Да я тебе скажу, трудно читать ее: цифры, диаграммы, опять цифры.

Стеша досадливо морщила брови.

— А ты вот что-нибудь мне такое, особенное — не расскажешь?

— Ну, например?

— А я почему знаю! Если бы я до тонкости знала, я б нашла у тебя это новое...

— Ты говоришь секреты, — вздохнула Маринка. — Подумай сама: рацион у нас по всей ферме один? Один. Режим один? Один. Правила ухода одни? Одни. Какие же тут могут быть секреты?

— И все-таки телята у тебя лучшие по району. Объясни, почему это?

— И правда: почему? — задумалась Маринка.

И долго бы еще, может, сидели девушки, ломая голову над Маринкиными «секретами», если бы не зашел случайно зоотехник Петров. Выслушал он Маринку, Стешу, подумал, покурил. Задал два-три вопроса и, спокойно протирая платочком очки, твердо сказал:

— Вот вы говорите: рацион — один, режим — один. Это верно. Но дело все в том, как выполняется этот рацион, как организован режим. Дело, стало быть, в чем? В уходе. Вот где ищите «секреты»... Сюда их зарыла Озернова. Ясно?

— В уходе, понимаешь, даже вернее в подходе! — воскликнула Стеша. — Вот теперь сознавайся, — строго сказала Стеша и погрозила ей пальцем.

— Я не зарывала их...

— А вот посмотрим, — сказал Петров. — Конечно, Стеша права: каждый из телят требует к себе особой заботы, нужно уметь разглядеть эту особенность каждого. Не так ли?

— Это точно, — согласилась Маринка живо. — У них даже характеры разные. Вы только не смейтесь!

— А я не смеюсь, — очень серьезно ответил зоотехник.

— Может, пример скажешь, Маринка? — встрепенулась Стеша.

— Пример? — задумалась Маринка на минуту и вдруг вскинула обрадованно локоном. — Примеров, хоть отбавляй. Вот взять Светлого... Если его поднять утром раньше других телят, хоть на пять минут, станет ходить, капризничать, фыркать — не ест и все тут. А когда видит, что сосед ест, у него разгорается аппетит, и тогда — за мое почтение!..

— Ну, вот видишь, — воскликнула обрадованно Стеша. — Это один из твоих секретов и есть... Подумай о другом, пока я пишу этот...

— Вот еще, — продолжала Маринка, — когда раздаешь пищу, всегда помни, кто у тебя и как ел вчера или в последнее кормление... Например, один плохо ел комбикорм, другому отвар не понравился, и наоборот... Это учти тоже...

Стеша торопилась записывать.

— Теперь развязала узелок, только записывай! — улыбнулась светло Маринка. — Вот, например, обращение взять. Некоторые девушки так делают: одной рукой ласкают телка, а другой тут же и отлупят его... Я заметила: очень запоминают это и не прощают телята. Или вот взять характеры-то. Успеешь?

— Давай, давай, — подбодрила Стеша.

— Такой вот случай был у меня. Может, ты помнишь, Стеша, бычка Верного, со звездочкой на лбу?

— Хорошо помню, — кивнула Стеша.

— Ведь я с ним столько мучилась! Другой раз до слез доведет... А каприз его был такой: никак не мог отдыхать в общем загончике с другими телятами. Как ни крепка оградка — разбодает и вылезет. А если не удастся это — не ложится, мешает другим, ходит, бодается. Ну, чистое наказание!

— Куда ж он рвался?

— А никуда. Вылезет и тут же ляжет.
— Иш какой индивидуалист! — улыбнулась Стеша.
— Вот именно, — согласилась Маринка и с увлечением продолжала: — Я сначала все загоняла его, так он потом ел мало. Я уж и про характер родителей его справлялась! Договорилась я со скотником и пригородила ему рядом с загонкой небольшую клетку. И вот как отдых — он уж сам идет в нее и спокойно отдыхает... Или вот закалка... Ну, ты знаешь про это. Девушки не всегда любят купать телят, они у них как-то и отбиваются от этого, а мои так привыкли к купанью, что с удовольствием идут... Или взять прогулку...

...Долго не выходили девушки из-за стола в этот вечер, но лекцию составили. И вот, когда была поставлена точка, Маринка вдруг почувствовала, что ни за что не осмелится выступить перед всем селом, да еще в клубе.

— Ты что ж это? Смеешься? — возмутилась Стеша.

— Не могу... хоть что делай — не могу...

— Ну вот что: не дури, Маринка... Посиди, успокойся.

... На селе было тихо. Огней не видно.

— Смотри, кажется, уж отбеливает? — указала на восток Маринка, ежась под шалью, накинутой на плечи.

— Ну, отдохни. Тебе ведь на ферму скоро, днем перепишешь сама. Подредактируем еще. А вечером — в клуб.

— Ой, как вспомнишь про это, так и падает сердце.

— Ничего. Дело очень нужное, Маринка, общественное.

— И сама знаю, да шибко боязно...

Где-то захлопал крыльями петух и громко поприветствовал подруг. Девушки расстались.

* * *

Васеня, напрягая прищуренные глаза, стоял на одном колене перед косилкой и что-то ковырялся в ней. Как ни остерегался он, но один неверный удар и молоток скользнул и слегка задел большой палец. Старик тряхнул раза два рукой, втянул сквозь зубы воздух, сплюнул всердцах, но с земли не приподнялся, пока не закончил работу. Разогнулся, стер с колена, приставшие кусочки угля, земли и удивился: «Фу ты, да ведь»

смеркается уже!» Он взглянул на косилку, уперся ногой в колено и с силой толкнул вперед. «Вот и мы, в аккумулятор! — думал Васенья, снимая фартук. — Принимай, Семеныч, последнюю. А ты сомневался...»

Он подошел к кузнице, протянул во внутрь руку и, нашарив гвоздь, повесил на него фартук. Заперев за собой дверь, дед спустился к Быстрянке. Он заранее предвкушал удовольствие от того, как сейчас, не торопясь, засучит повыше локтей рукава и окунет в ласковые, прохладные струи быстрой реки натруженные руки. И только он сделал это, как на тракте прошуршала какая-то машина. Она осветила лучами кусты, выхватила из сумерек угол кузницы и самого Васенью, склонившегося над водой.

Машина не походила ни на автомобиль, ни на комбайн. Шла она быстро, фары горели ярко и сильно, а вот корпус какой-то непонятный. По бокам высокие пластины, загнутые кверху и похожие на клюв большой птицы, а колеса, как у автомобиля. Васенья, проследив за ней взглядом, стряхнул с пальцев брызги и, вытирая руки на ходу о штаны, быстро вернулся к кузнице. Когда подходил к косилкам, машина резко остановилась около них и сбросила газ. Мотор заглох. Фары погасли.

— Вот и мы!.. Не опоздали? — услышал Васенья молодой знакомый голос.

— Костя? — подался вперед старик.

— Он самый!.. Здравствуйте, Василий Никанорович!

Шурша спецовкой, Костя соскочил на землю и подошел к кузнице. Васенья крепко сжал его руку.

— Она и есть? — кивнул на самоходку.

— Она.

Дед обошел вокруг. Костя видел, как загорелись любопытством глаза Васени, как зашевелились, забеспокоились пальцы рук, стремившиеся ощупать новую машину. Однако старик осмотрел ее только издали, со стороны. Ни до чего не дотронулся, ни о чем не спросил.

— Как? — не вытерпел Костя.

— Да как... — неопределенно отозвался дед. — Курам осенью счет ведут.

— Не веришь?

— Кто тебе сообщил об этом? Я не рассказывал того. Вижу, вот мотор. Значит, сила огромная.... Да... А самоходку поглядим.

Костя с улыбкой смотрел на старика. «Ведь интересуется, радуется, разузнать все хочет, а...»

— Небось, сажень пять захватывает? — спросил, наконец, Васеня.

— Немного меньше... А в общем, работает за десять косилок.

— Ловко!

— Посмотришь — убедишься. Ну, как вы тут живете... Все. — Костя мельком глянул мимо Васени за Быстрянку на строения фермы.

— Трудимся. Готовились вот к покосу. Хорошо ты — во-время. Прямо как тут и был.

Костя кивнул головой и, подняв чемодан на плечо, нетерпеливо оглянулся. Васеня подтолкнул в плечо тяжелой ладонью:

— Иди, иди — наскучал!

Костя зашагал. Хотел Васеня про Маринку сказать, догадавшись, что парень спросил про нее, но, посмотрев вслед, улыбнулся: «Ишь как отмеривает». Шагнув было к кузнице, но остановился, подождал, когда Костя скроется за поворотом — быстро вернулся назад.

У машины еще раз огляделся. Залез на сиденье, и хотя почти ничего уже не было видно, осмотрел цепи, пластины с зубьями, представил на миг бешеную работу их, потеревил бороду, приятно удовлетворенный. «Техника настоящая пришла... Механика; самая что ни на есть...» Ущемила обидная мысль: «Поремонтировал, Васеня, пожалуй, хватит. Где тебе такие машины?» Настроение внезапно испортилось. По дороге вспомнил, как два года назад, в самый разгар посевной, помог трактористу сварить головку блока... «А если присмотреться получше к этой... да что там нового?.. И сделаем!».. Он пошел веселее.

Выходя на широкую колхозную улицу, встретился с Иваном Семеновичем Дубравиным, который верхом возвращался с лугов.

— Ну как, Иван Семенович, травы?

— Хороши... Пора начинать.

— Так. А у нас — новая работница! Поезжайте-ка на двор!

— Пришла? А я завтра ждал... Интересно посмотреть!

Иван Семенович, отстраняя правой рукой ветви чере-

мухи, пустил коня прямо через Быстрянку. Длинной ветвью ударило Васеню по плечу. Он шагнул в сторону. И слушая, как торопливо цокали копыта о гальку речушки, как, словно стеклянные, звенели брызги у ног доброго коня, старик подумал: «Техника и в такой, значится, момент прибыла. Небось, кому не любо такое видеть!» Улыбнулся, постоял и бодро направился к дому.

* * *

Молодые березки, заглядывавшие в окна клуба, показались Косте посеребренными. Свет падал на траву, на ограду... «Неужели концерт?» — подумал он. Решил свернуть в первый переулок, чтобы не идти мимо. На углу столкнулся с Васькой, соседским мальчишкой, сорвал с плеча чемодан и поставил на землю перед самым носом его.

— Костя, здравствуй! Вернулся?

— Далеко?

— В клуб, — сказал Вася и добавил солидно: — на лекцию...

— Ты? На лекцию?

— За нами специально приходили, — обиделся Вася.

— За кем, «за вами?»

— Да мы — шефы, понимаешь?

— Шефы? Не понимаю.

— Ну, над телятами же. Ясно? Всем отрядом шефствуем.

— Ах, вот оно что! А про что же лекция?

— Про то, как правильно за телятами ухаживать.

— Ага. Понятно. Кто читает лекцию?

— Марина Петровна.

— Марина Петровна? Это что же за лектор?

— Да на ферме-то которая... на телятнике... Не знаешь, что ль?

— Озернова?

— А то какая же еще. Мы опыт ее будем изучать. И все. Ты лучше скажи, где у тебя самоходка? Пригнал, а?

Костя ухватился за чемодан. «Маринка... лектор... она.» Дома толкнул дверь так, что в шкафу посуда зазвенела.

— Воды, мама! Поля! Ведро воды!

Мать, сидевшая за столом, вскочила и, уронив на пол ложку, всплеснула руками.

— Здравствуйте, маманя! — улыбнулся Костя, бросая на вешалку кепку и снимая с плеч куртку.

Поля, девочка-подросток в коричневом платье школьницы, выскочила из-за стола и повисла на шее брата. У матери на глазах заблестела счастливая слезинка.

— Шумоватый приехал. А где самоходка?

— Где положено ей быть... Давай воды!

Мать засуетилась. Костя оглядел комнату. Половинки-дорожки самотканые, белые шторы с мережкой посредине, цветы в беленых известью горшках. Все на своем месте. Уютно и чисто. Он почувствовал себя легко, по-домашнему.

— Костя, а на ней как, а?

— Вот так: р-р-р! — попугал сестру Костя, норовя ткнуть пальцем в бок.

— Ой-ой! Нет, правда! Кабинка как у шофера, а?

— Ишь чего захотела — кабинку! — проговорил Костя, плескаясь и фыркая. Мать стояла у таза и подливала ему из ковшика. Она, ни о чем не спрашивая, ласково и заботливо смотрела на сына.

— Однако похудел? — постучала она по голой лопатке пальцем.

— Ну, мама... ты скажешь!

— И правда похудел... То ли все растешь?

— Хватит, поди.

— Вот и я думаю. Не мальчишка уже...

Он уловил что-то многозначительное, особенное в ее глазах. Насторожился. Ел торопясь.

Мать сидела против и подкладывала творожники в масле. Поля — справа, теребя косички, наливала чай.

— В клуб торопишься?

— Схожу.

— Может, отдохнешь с дороги?

— Некогда было еще устать-то, мама.

— А ты не шеф над телятами? — спросил сестренку.

— В нашем звене — кролики. А что?

— Да просто... Там все шефы собираются в клубе-то.

— Ну и пусть. Подумаешь — телята!

Костя, потупясь, старательно пил из блюдца горячий чай.

— А ее — на курсы, — сказала Поля и посмотрела на Костю почему-то внимательно. Тот обжегся.

— Кого? — не поднимая глаз, спросил он.

— Да ее же... эту самую...

— Куда... учиться-то? — тихо спросил он безразличным тоном.

— На повышение, наверное.

«Это что ж, я с учебы, — она — на учебу.» Костя вышел из-за стола и стал быстро собираться.

...А вот тетя Даша говорит... Это ж правильно! Как мы... не могли догадаться! — услышал Костя радостный голос Маринки, подходя к порогу зала. — Вы подумайте: растим телят... мучаемся с разными болезнями ихними... дежури́м по двенадцать часов, пока телята не привыкнут к грубому корму, а выходит дело зачем? Вот тетя Даша задает вопрос, а сама подсказывает: плетите намордники! Что проще-то? Сколько часов будет свободных у доярки! Только лучше делать, тетя Даша, из краснотала, чем шить из кожи. Зачем — кожу? Можно прутья... Их полно кругом. Но не в том дело... Вообще-то мне стыдно даже: лекцию читаю, а вы сами мне подсказываете. Так что... вам спасибо, а не мне.

В зале засмеялись.

— Не прибежняйся, деваха, — крикнула Дарья Самонина, пожилая колхозница в синем платке, которую Маринка называла тетей Дашей.

Маринка, в голубом шелковом платье, стояла возле небольшой трибуны. Легкая цветастая косынка перетягивала шею, спускаясь концами на грудь. Костя смотрел на нее, слушал и ничего не понимал. Перед собой он видел только ее: тонкую фигуру, милое, дорогое лицо, светлые волосы... Он сел и вдруг расслышал:

— Если, товарищи, — вопросов нет — я на том кончаю...

Она стала свертывать в трубку тетрадь. В зале дружно зааплодировали. Маринку окружили девчата. Она взглянула в зал и оторопела: прямо к ней шел Костя. Он был в том самом светлосером костюме и сером же галстуке.

«Приехал!» — стукнуло сердце девушки. Маринка инстинктивно подалась назад. Но и девушки уже заметили Костю. Они расступились, и Маринка оказалась прямо перед ним.

— Здравствуйте, Марина Петровна, — сказал Костя и почувствовал как сразу высохло во рту.

— С приездом... — тихо сказала Маринка и покраснела.

— А на нас, значит, ноль внимания? — озорно блеснула глазами Феня. Костя неловко потоптался, не в силах сдержать смущенной улыбки.

— Почему? Это вы напрасно... Ну, здравствуйте!

— Опять же — «ну». А почему с ней без «ну»? — не унималась просмешница Феня.

— Но, Феня... Ты, я знаю... начнешь... — Маринка погрозила подруге пальцем.

Костя кашлянул в кулак и с силой выдавил из себя:

— Привел... Вчера утром принял...

— Кого? — не сразу поняла Маринка.

Они сели на конец скамейки.

— Ее, самоходку...

— Ах, ее? — сказала Маринка. — Хорошо, что ты приехал. Перед самым началом. Нынче сена, сена потребуется! Знаешь, сколько голов-то на ферме будет?

— Я не боюсь, — с живостью сказал Костя, — выдюжу. На то и учился.

— Интересно, какая она, самоходка?

— Хочешь, сходим сейчас — я покажу. Или, может... танцы?

— Пойдем.

Они встали

— А вот и Стеша! — сказала Маринка.

— Привет, Костя! — Стеша энергично потрянула его руку. — Мы тебя во как ждали!

— А что?

— Узнаешь скоро.

— Нет, серьезно, чтобы не думать, а? Задание на се-
нокос?

— Нет, задание — дело правления. Ну, уж ладно, скажу. С десятков комсомольцев выучишь водить самоходку?

— Многовато.

— Ничего не многовато. Вечером на твой прокос приходить будем после ужина. Ну, как?

— Учить, конечно, надо.

— Договорились, — заключила Стеша и, обернувшись к Маринке, сказала: — Хороша твоя лекция. Народ доволен. Дай руку! Ты, конечно, танцевать не останешься?

— Я... — смущенно начала Маринка.

— Феня, Феня! — вдруг крикнула Стеша. — Ты мне нужна. Слушай-ка, — и Стеша отошла от Маринки и Кости.

Взошла луна. Занескрилась серебристо-зеленоватыми бликами Быстрянка. Кусты черемухи и краснотала ожили, ветви обросли дрожащей трепетной световой короной... Маринка протянула руку. На миг перед ее глазами встал тот день, когда весной она впервые обнаружила цветущий краснотал...

— Пойдем через переходы, — тихо сказал Костя. Маринка кивнула головой и свернула за ним на тропку. Раздвигая ветви черемухи, Костя обернулся:

— Берегись!

Маринка схватилась за ветку. Коснулась Костиной руки.

— Отпускай! — сказала она.

— Не удержишь, боюсь! Ветка тугая!

Она, не отнимая своей руки от Костиной, счастливо улыбнулась:

— Удержу.

— Нет, нет... Ты нагнись лучше, — настаивал Костя, не выпуская ветки. — Нагнись, — шепотом повторил он. Она кивнула головой, легко приподняла над собой ветку.

— Ну, вот... Одно препятствие взяли. Теперь самое главное, — он указал на две жерди, переброшенные через Быстрянку.

— По кустам лазим... А дорога рядом, — засмеялась Маринка.

— По дорогам-то дурак пройдет, а ты вот попробуй здесь, да еще ночью... — пошутил Костя.

— Нужда заставляет.

— Стоп, Марина Петровна... Я иду вперед. Ты держись за меня. Чур, в воду не глядеть! Ну, смелей!

— Лучше я одна.

— Не могу.

— Нет, кроме шуток, Костя. Жерди прогнутся, и мы накупаемся. Ты иди — потом я.

Он осторожно обнял ее за плечи и легонько подтолкнул вперед.

— Тогда уж иди ты, чтобы я видел.

Маринка смело шагнула на переход и остановилась. Посмотрела вниз. Там бежала Быстрянка. Обычно бур-

ная, она показалась ей сейчас тихой и ласковой. Даже стремительный бег свой умерила она — так думалось. Маринка улыбнулась, шагнула вперед раз-другой, потом бегом-бегом, прыжок в сторону — и на том берегу...

...Поднявшись на берег возле кузницы, они вышли во двор, и Маринка сразу увидела новую машину.

— Это вот пилы, наверное... Правда? — указала она на поднятые железные пластины.

— Полотна.

— Видишь, какая я догадливая...

— Я всегда говорил...

Они засмеялись. Когда Маринка насмотрелась на самоходку, обойдя раза два вокруг, Костя стал рассказывать об ее устройстве и увлекся. Полез было к цепям, блестевшим в лунном свете толстым слоем смазки, но Маринка схватила его за плечи, он обернулся к ней, как будто видя впервые.

— Костюм!.. Новый ведь он, — сказала она, тихо улыбаясь.

— А-а... Костюм... Да... Я забываю... В общем, тебе ясно?

Она молча кивнула ему и по-прежнему доверчиво смотрела в лицо. Она плохо поняла его, но было ясно, что Костя — без ума от своей машины. «Настоящий механизатор! — с гордостью подумала Маринка. — Таковую машину дали сложную, сильную.»

— К осени, пожалуй, свет будет. Иван Семенович говорил, — кивнул в сторону плотины Костя.

— Свет! — восторженно сказала Маринка, подходя к яру. — Это, значит, и радио, и кино свое...

Костя осторожно отвел ее от крутого берега.

— Моторы — вот что главное. Силища какая будет в колхозе, — добавил он.

От пруда потянуло свежим ветерком. Костя снял пиджак и набросил его на плечи Маринки.

— Я не мерзлячка... Простынешь у реки сам...

Он засмеялся и отрицательно покачал головой. Медленно пошли они вдоль берега.

— Расскажи о городе, Костя, — попросила Маринка.

— А что сказать о нем? Можно много рассказывать. Ну вот, любили мы по выходным дням на стадион ходить... А в театре, знаешь... Куда там наш клуб и самодеятельность. Прямо обидно становилось...

— Я не про то... — перебила Маринка, — как там учителя, очень строгие?..

— Да как тебе сказать... смотря к кому...

— Понимаю, — она вздохнула. — Я вот перезабыла все.

— Да ведь тебе ехать скоро...

— Боюсь я, — созналась Маринка. — Вдруг спросят что, а я и не знаю...

— А про такое тебя и не спросят, что не знаешь! — он весело блеснул глазами.

— Кто знает... могут. Я уж снова все наставления по телятам перечитала.

— Может, тебе б не в этот раз ехать, а? — несмело сказал Костя.

Она удивилась.

— Почему? Это ты зря. Чем скорее, тем лучше.

— Все это неплохо, Маринка. Но я хотел бы... Если бы ты... Если бы действительно... По-настоящему...

Остановились у домика Маринки. Он был в кустах акаций и тополей, заботливо выбеленный снаружи. Маринка тихо сказала будто себе:

— Говорят, какой-то новый учебник есть по зоотехнии, а я его и не видела.

Он промолчал. Было немного досадно.

— Я пойду... Сегодня весь день такой. Измучилась, — сказала она.

— Постояла б... или тебе все равно?

— Костя! — она порывисто шагнула в его сторону, обожгла укоризненным взглядом и, решительно повернувшись, пошла к дому. У крыльца спокойно сказала:

— Отдохни как следует. Завтра ведь на покос, Костя. Зря не серчай.

«Зря! А что тут зря? — шептал Костя, идя домой расстроенный. — Разве я не понимаю, что надо учиться? Но так вдруг...»

* * *

На рассвете следующего дня поднялось все село. Промчались на рысях машинисты конных косилок; горбясь и звеня железными прутьями, проехали сгребальщики; шли бригады ручных косарей; тут же на телегах ехали старики с отбоями. Девушки, держа над головами деревянные грабли, затянули песню, и долго она

звенела над лесом, задорная и веселая, уходя в голубую даль полей.

У Костиного первого участка все остановились, ожидая, когда он подведет свою голубую птицу, как ее уже прозвали за голубую окраску. Костя круто свернул с тракта и, снизив полотна, с ходу пустил самоходку в цветущее разнотравие. Три ряда легли за ней.

— Будто шьет! — восхищался, наклонившись к рядку, Дубравин.

А машина шла и шла. За нею в три ряда тянулась низко срезанная трава.

— Эта не даст раздумывать. Поторопиг, — согласились окружающие.

— Хороша-а!

Вслед за самоходкой на отдельных участках, охватывая огромный луг со всех сторон, застрекотали конные сенокосилки. В ложках, на крутых склонах и колках легли первые прокосы ручных косарей.

* * *

...А дни стояли солнечные, ведренные. Колхозники топились до дождей поставить как можно больше зеленого сена. Как-то вечером на полевой стан фермы приехала Стеша Рябцева. Она привезла свежие газеты, мажорские «Боевых листков». С Маринкой прошла по полю к Быстрянке. Сели на берег, прямо на траву. От реки поднимался легкий туман. Вокруг наперебой кричали перепела и кузнечики.

— Хорошо косит колхоз? — спросила Маринка.

— Неплохо. В районе держимся на первом месте. Маринка вздохнула.

— Костя-то что делает! — воскликнула Стеша.

— А что?

— Тридцать пять гектаров в день вместо двадцати запланированных.

Маринка задумчиво посмотрела на реку.

— Что у вас с ним? Если не секрет, конечно.

— Не пойму я его, Стеша...

— Вчера была на его самоходке, — сказала Стеша. — Как угорелый! Еду, говорю ему, в город, правление координирует за литературой. Привет, может, кому передать? У тебя там теперь, наверно, знакомых много! Как взглянет на меня, так и думала, стукнет, честное слово...

С полчаска молчал, а потом остановил на повороте машину и говорит: «Обойди все магазины, все киоски, но учебник новый по зоотехнии привези мне! Вот моя, говорит, просьба.» Не понимаю, зачем ему-то этот учебник понадобился? Чудит парень!

Маринка быстро взглянула на Стешу, схватила ее за плечи и, смеясь, бросилась целовать.

Смех ее был какой-то особенный. Будто из самого сердца выходил, и смеялась не Маринка, а оно, сердце. Встали перед ее глазами краснотал, почки в пуху, долина, широкий тракт над которым в проводах бродил кто-то невидимый и шевелил их, и звенели они. И всюду солнце, солнце.

А Маринке показалось, что с тех пор все эти дни ярко горит оно в ее груди, будит в сердце какую-то неясную, но очень волнующую, очень чистую радость. И песня зовет на подвиг.

...А в этот миг и действительно из березового колка долетела до них веселая песня.

— Кто это? — прислушалась Маринка, вставая.

— Костины студенты, — улынулась Стеша, прибирая волосы, растрепанные Маринкой. — Будущие самоходчики.

СТРОПТИВЫЙ ХАРАКТЕР

Душа в душу жили Варвара Рогозина и Пелагея Крючкова. Ни по пустякам, ни по крупным делам не ссорились они. Казалось, ничто не могло поколебать их хорошей дружбы. В далекое, босоное детство уходила их привязанность. Немало и пережить пришлось подружкам за все эти годы. Война. Гибель мужей. Трудные годы в неокрепшем еще колхозе. И неудачу, и радость делили они пополам. А в характерах дополняли друг друга. Как вспыльчивой, грубовато-прямой и не сдержанной на язык была Степанида, так молчаливо-спокойной и рассудительной осталась Варвара.

В одном были они одинаковы: за ними никогда не ходил бригадир, чтобы звать на работу. Незачем было: по ним соседи часы свои проверяли.

Так, может быть, и жили бы Варвара и Пелагея до самой старости в мире и согласии, если бы не это вот последнее общее колхозное собрание. Началось с того, что у Пелагеи дня за два до этого черт угораздил телку нетель отбиться от стада и угодить в согру. Затискалась она в студеную прорву по самое брюхо и сидела там почти трое суток, пока случайно не увидели ее. Ваги подводили под нее мужики. Вытащили веревками на берег, а она не стоит, обезножила. Привезли домой на телеге. Несколько дней кормила ее Пелагея с рук, подкашивая траву, но та, будто совсем обленилась: ест, а подниматься и не думает.

— В два горла трескает, — сердилась Пелагея. — Пузо наедает. Да разве устоять ей на больных-то ногах с таким живогом? Чует мое сердце — потеряю телку!

Так и случилось. Приехал ветврач, наговорил ей что-то страшное и по-русски и еще на каком-то языке и посоветовал прирезать, пока не поздно.

Только пережила это несчастье Пелагея, как вот оно, второе: забрался ночью колхозный бугай в огород и всю будущую солонину потоптал, расшвырял, проклятый, ногами....

Остервенилась Пелагея. Схватила хворостину и, вместо бугая, давай гонять по коровьей загонке оробевшего скотника Кондрата, старика ледащего, но с виду бравого и щеголеватого. Загнал Кондрат бугая и, ничего не подозревая, сел у загонки раскурить вечернюю трубочку. Вдруг бурей налетела разъяренная Пелагея и приступила к старику, да так решительно и напористо, что струсил Кондрат, вскочил и стал пятиться к воротам, с опаской поглядывая на свистевшую в руках расходившейся бабы хворостину. Пробовал уговорить, да куда там — пуще прежнего закричала, а хворостина все стремительнее замелькала около него, рассекая воздух. Еле ноги унес Кондрат. Нашупал щеколду, открыл ворота, а повернуться спиной опасается. Так и вывалился задом на улицу.

— Ну и тигра! — отбежав на приличное расстояние от загонки, пробормотал старик. Дрожащими руками он развернул кисет и сунул в него трубку, помогая большим пальцем левой руки снаружи наполнить ее рублевым самосадом. Сердце его учащенно билось. Оглянувшись по сторонам и видя, что никто не наблюдает за ним, хрипловато крикнул:

— Эй, там, на пригоне!.. Чего шарись? Запрещаю категорически!

Пелагея погрозила ему хворостиной и двинулась к воротам:

— Я тебе покажу. Я тебе покажу, стрикулист ты подержанный, как надо работать. Ишь выфрантился, старый черт...

Кондрат крикнул. Сунул торопливо кисет в карман вместе с трубкой и, одернув вельветовую гимнастерку, поспешил ретироваться в безопасное место...

Расстроенная и злая пришла Пелагея на колхозное собрание. Заметив ее, Кондрат отвернулся к соседу и, скрывая смущение, веско заметил:

— И чего это в такую жаркую пору собрание затея-

ли... а? Люди на сенокосе, а тут. И куда партячейка смотрит?

Проследив одним глазом за Пелагеей, он откачнулся на спинку стула и принял важный, независимый вид. Но внезапно пришедшая мысль повергла его в страшное смятение: «А что, как начнет его срамить при всем обществе?» Он покосился на дверь. Только что прошли прямо на сцену председатель колхоза и секретарь партийной организации. «Сейчас и начнут», — подумал он, посмотрев вслед решительно прошагавшему колхозному начальству.

— Пойти подымить что ли? — проговорил Кондрат с притворным равнодушием и стал усиленно шарить по карманам. — Протянут еще со сборами-то... Время-то, — какое портим на разговоры. Золотое время! Эх! — он осуждающе глянул на сцену, потом поднялся со стула, — положил на свое место войлочную шляпу, вышел в коридор, здраво рассудив: «Хоть и займут стул, шляпа известная в колхозе... Не затеряется.»

Едва он перешагнул порог и, отойдя в сторону, стал степенно, не торопясь набивать трубку, раздался басок председателя:

— Время, товарищи, жаркое, но и дело у нас неотложное, — начал он. — Думаю, что не задержимся долго. Прошу членов правления занять свои места.

Задвигались стулья. Правленцы потянулись на сцену. Тут же председатель открыл собрание, сообщив, что обсуждается один-единственный вопрос о постройке колхозных, постояннодействующих детских яслей:

— Знаете сами, — сказал он, — позарез нужны нам ясли, а вот денег в обрез. За машины поистратились, да и другие стройки есть... Можно бы, правда, ссуду выхлопотать у государства, но ведь у него разве такие стройки в этой семилетке развертываются? Тоже, небось, каждая копейка на учете.

Кондрат настороженно слушал, вытянув в двери шею, но трубку не погасил.

— Можем мы, товарищи, и не будем утруждать своей просьбой государство. Обойтись сумеем своими средствами, — продолжал председатель, — обойдемся, говорю, своими средствами, но с вашей помощью.

Он помолчал, выдерживая паузу. Потом взял со стола бумагу и, поглядывая мельком в нее, закончил:

— А помощь требуется такая: отчислить с каждого

трудодня взаимобразно по полтине... Такой расчет. Вот и план есть постройки. Всего по полтиннику обойдется — не больше. А трудодень планируется богатый: по 10 рублей... Вот и все. Неясности есть какие — спрашивайте. Отвечу...

«Полтинник с трудодня, — прикинул в уме Кондрат. — А не многонько будет?» Он стал подсчитывать. Получалось, что с его твердого оклада уплывает около двухсот пятидесяти рублей в год. Кондрата бросило в жар. «Двести пятьдесят! — охнул он и второпях сунул раскаленную трубку в карман. — Двести пятьдесят рубликов... Шутка в деле!» Его глаза обеспокоенно забегали по лицам, стоявших здесь же колхозников. Но те были спокойны и серьезны — никакой растерянности. Это его еще больше обеспокоило. «Небось, им-то что. Кот, поди наплакал в их книжки, а тут, как месяц — сорок пять трудодней запиши, а то потеряешь. Двести пятьдесят! А зачем мне, спрашивается, ясли? Какой резон такие деньги отдавать?» Он не заметил, как выдвинулся вперед, и стал настороженно оглядывать притихший на минуту зал.

— Кондрат Спиридоныч? — спросил его председатель, приглашая выступить. Все оглянулись в его сторону.

— Да нет... Что я? Как масса, — пробормотал растерянно Кондрат, пятясь, и наступая кому-то на ноги. — Я всегда поддерживаю передовое мнение.

— Он в душе не против! — ехидно заметил кто-то из зала. — И в принципе тоже...

В зале прошел веселый шумок. Легким прибоем качнулось, заходило всеобщее оживление.

— Ну как, товарищи, будем решать? — улыбаясь, спросил председатель. — Я, думаю, в принципе ни у кого нет возражений... Как смотрите?

— Да что смотреть-то?

— Голосуй, Иван Кириллыч!

— Не пообедем. Дело-то какое — как без рук ведь, без яслей-то.

— Голосуй Чего тут жевать? — слышались возгласы.

Вдруг с места поднялась Пелагея.

— Тише, товарищи! — вскинул тяжелые квадратные брови Иван Кириллович, обращаясь к собранию. — Пелагея Макаровна, ваше слово!

Варвара сидела в задних рядах. Она тревожно вглядывалась в нахорлившуюся фигуру подруги. Что-то не понравилось ей в этих неестественно приподнятых плечах Пелагеи, в упрямо вздернутой голове. Хорошо знала Варвара эту позу подруги детства. «Сейчас что-нибудь ляпнет со зла... Ох, эта Пелагея!» — подумала она, приподнимаясь с сиденья, чтобы лучше слышать.

— Я не согласная! — донеслось до Варвары. «Ну, вот так и знала, — прошептала она. — Сейчас наговорит, накричит сдуру... Беда в ней кричит: телка, огород...»

— Так, значит, не согласная? — прищурил глаза Иван Кириллович. — Почему же?

— А потому. Не согласная и все тут! — упрямо тряхнула головой Пелагея.

— А, может, все же объясните собранию, почему? — допытывался терпеливо председатель, весело поглядывая в зал. Он был уверен, что Пелагею никто не поддержит. Кондрат снова выдвинулся из-за двери и уставился в спину выступавшей. Взгляд его, выжидательный, затаившийся, воровато перебегал от Пелагеи на сцену и обратно. Он как бы говорил: «Смотри, так и режет ударница-то... Соображай. Ну, а нам как быть?»

— Детенков у меня нету, — сказала со вздохом Пелагея, но также упрямо и твердо. — И не предвидится в дальнейшем... Зачем они мне ясли-то? У кого есть — пусть и раскошеливаются...

Раздался смех. Загалдели в зале, зашумели.

— А ведь, что ты скажешь — резонно, — крикнул Кондрат. — У меня вот тоже нету их... А двести пятьдесят рубликов — сумма...

— Не ожидал от вас такого, Пелагея Макаровна, — сказал укоризненно Иван Кириллович, — ведь деньги-то займы берем...

— А все равно. Мои трудодни. Вот этими заработала! — Пелагея подняла натруженные руки.

— А другие, чем же — боком? — закричали женщины.

— Ну и пусть кубышку открывает!

— И открою! — огрызнулась Пелагея и решительно села. «Не то, не то болтает она. Не то! — взволнованно шептала Варвара, поднимаясь и снова опускаясь на свое место. — Бесится со слепу... Разве она такая? Да все ведь знают... Все!»

— Ну, что ж, товарищи, — успокоил собрание взмахом руки председатель. — Вот Пелагея Макаровна пожалела на общее дело своих денег... Может, мы без них обойдемся, а? Не будем делать отчисление с ее трудодней. Как вы смотрите на это?

«Ага, — злорадно подумал Кондрат, уничтожающим взглядом, сверля спину строптивой женщины. — Допрыгалась! Так тебе и надо!» И неожиданно для себя крикнул на весь зал:

— Пусть эту самую — кубышку... наполняет... Ей больше всех надо! И вообще. Конкретно: вредный она субъект. Старорежимная!

Пелагея резко обернулась. Кондрат невольно попятился назад. Вид у Пелагеи был решительный и строгий.

— Правильно! — закричали женщины.

Старый скотник осмелел.

— Позор! — крикнул он. — Позор отсталому алименту! — и потряс кулаками.

— Голосу-уй!

— Как только язык поворачивается сказать такое!

— Товарищи! — сорвалась с места Варвара, проталкиваясь на середину зала. — Товарищи! — Не в себе она... Не верю... Ожесточилась... Не знает сама, что говорит... Ведь такое дело... Тут телка... А потом...

— Варвара! — вскочила Пелагея. — Не верьте ей! Сказала — и конец. Нужны мне средства. — Вот. — Она повернулась к Варваре: — А ты сиди, Варька. Сама за себя отвечу...

Обескураженная, обиженная, поперхнулась Варвара и умолкла.

Решение собрания было не в пользу Пелагеи: ясли строить. С заработка Пелагеи Крючковой отчислений на строительство не производить. Так было записано в постановлении. Сгоряча Пелагея не почувствовала ни укоров совести, ни раскаяния. С гордо поднятой головой она покинула клуб и, не замечая многозначительных взглядов, которыми провожали ее женщины, направилась домой.

Все началось значительно позднее. Жизнь шла размеренным, привычным шагом. На зорьке колхоз поднимался и, пыля грузовиками с полными кузовами людей, покидал село — была горячая пора сеноуборки. Пелагея вместе с другими ворошила молодое пахучее сено, коп-

нила. В березовых колках бралась за косу и, как всегда, не дожидаясь бригадира, по-хозяйски их обкашивала. Никто не мог упрекнуть Пелагею в плохой работе. Умела и любила она поработать всласть, от всей души. Все было, как всегда. Люди ценили ее горячность и сноровку в деле. Никто не отворачивался от нее, но... Это можно подметить только сердцем. В разговоре с нею, во взглядах соседок, таких же простых тружениц, как и сама она, скорее почувствовала, чем увидела Степанида какую-то снисходительность и сочувствие к себе. Будто с больной дело имели. И другое заметила: не стало той обычной откровенности с ней, что была раньше. Но что же, собственно, произошло? Да, она воспротивилась дать взаймы деньги со своих трудодней. Но ведь они ей позарез нужны самой! Вот новую корову надо теперь заводить. Сколько на солонину уйдет денег. Зима-то, она, как известно, не припасает, а поедает.

Варвара ничем себя не выдавала. О случае на собрании ни разу не напомнила подруге и, наоборот, как только кто-нибудь заводил речь о новом строительстве в колхозе (здание под ясли росло не по дням — по часам), Варвара тут же переводила разговор на другое, будто оберегала Пелагею от неприятного воспоминания. Поняла все это Пелагея, и глухая, неведомая ранее боль уже не уходила из сердца.

Беспокойство ее росло. Она стала внимательно прислушиваться к разговорам, приглядываться к людям. Тревога в сердце росла, усиливалась неизвестно почему: никто не осуждал ее открыто, не избегал, не чуждался ее присутствия. Пелагея старалась заглушить эту тревогу работой. Все уступали ей в сноровке. Открыто восхищались ее выносливостью и силой, а боль не утихала, не глхла.

... День с утра стоял жаркий. Бригада торопилась застоговать сено.

— Земля задышала, — сказал с беспокойством бригадир. — Чувствуете, как парит? Будет дождь...

С обеда потянуло теплым ветерком. Запенились облака. Они с каждой минутой грузнели, наливались каким-то синеватым накалом, будто с натуги... И вдруг заискрились дальними зарницами. Сначала где-то за соседней горой будто кто-то натянул синеватую сетку дождя, потом заволокло и все небо.

Первые крупные капли упали на луг, когда в последний стог было уложено все сено. Довольные, веселые люди бросились на стан. Пелагея замешкалась, подбивая стог черенком деревянных трехрожек, а когда уже достаточно вымокшая, торопливо подошла к стану и хотела отдернуть брезентовый полог с двери, вдруг услышала насмешливое, едкое:

— Пелагея-то для своей кубышки как старается, — сказал кто-то.

Раздался смех. Жаром опалило Пелагею. Опустились руки. Зашлось в тяжелой обиде сердце. «Для своей кубышки!» — горько усмехнулась она и, не спасаясь от дождя, будто его совсем и не было, пошатываясь, пошла к стogu.

Вскоре тучи рассеялись. Дождь перестал. На прокосах заискрились голубые бусинки невысохших капель. Помолодела, выпрямилась трава. Самая косовица.

Выбрала Пелагея дальний участок — ушла туда одна. Ни слова никому, ни полслова. В сыром колке, окруженном тальником и черемухой, было около гектара. Работы хорошему косцу на целый день, почитай. Не помнит Пелагея, как дошла до последних кустов. Почувствовала усталость, когда коса, взбивая пыль, со всего размаху ударилась о муравьиную кочку. Качнулась Пелагея, будто кто навалился ей на плечи. Опустилась на валок. Сыростью дохнуло на нее. Впервые оглядела она внимательно участок и не узнала его: ровные прокосы из конца в конец разлиновали его.

— Вот как, — усмехнулась она. — Будто во сне работала... Экую прорву наваляла и не заметила. На свою кубышку постаралась баба. — Пелагея усмехнулась и вдруг, решительно поднявшись, зло бросила: — И ты откачнулась, Варвара Семеновна. Даже не заглянула. Хороша, ничего не скажешь. — Пелагея подняла косу на плечо и через кустарник, напрямик вышла к броду. Несмотря на усталость, шла она домой быстро и легко. Неведомая сила, будто на крыльях, несла ее, но как не торопилась Пелагея, а на машине, хоть и далеко в объезд, но все-таки приехали люди быстрее.

У дома Варвары Пелагея остановилась, поставила косу и зашла в ограду. Навстречу ей вышла хозяйка.

— Поля! — воскликнула та, обрадовавшись. — А мы и кричали тебя, и по кустам шарили.

— Ишь ты, — недоверчиво усмехнулась Пелагея. — Так уж и шарили. С ног сбились, поди...

— Правда. Не веришь?

— А я для кубышки подрабатывала, — насмешливо произнесла Пелагея. — Эх, ты, подружка моя!.. — Она вздохнула. — Подружка, а в яму.. И потом эти улыбочки, намеки... Все вижу!

— Поля! Да ведь я же...

— Замолчи. Слушать не хочу, — оборвала ее Пелагея запальчиво, зло. — Ну, сгоряча ляпнула, заупрямилась, что же ты-то смотрела?

— Но ведь я же требовала... Я же хотела выступить... А ты... ты даже и слушать меня не захотела...

— Да чего ты там пролепетала, а? «Товарищи! Не в себе она... Не то она говорит!» Да разве так надо было? Подойти и усадить силком на место, чтобы не разводила... Вот как надо было. — Пелагея, расходясь, замахала руками. — Не подруга ты мне после этого... Ноги моей у тебя не будет больше! Подруга! Тьфу! Вот и все.

Не ушла, а выскочила из ограды Пелагея. Пробовала остановить ее Варвара, — и слушать не хочет. Кричит что-то, ругает Варвару на чем свет стоит. И странно, ничуть не обиделась на это Варвара. Она весело посмотрела ей вслед, улыбнулась и, с непонятной радостью сказала:

— Вот и хорошо. Поля... Хорошо... Молодчина ты, честное слово.

На другой день о размолвке двух подруг говорило все село. Вечером Варвара разыскала секретаря партийной организации и рассказала ему обо всем.

— Хорошая ты подруга, Варвара, и — это правильно, — похвалил секретарь. — Только напрасно ты беспокоишься.

Он сходил в кабинет председателя и принес оттуда какую-то бумажку.

— Читай, — протянул он ее Варваре.

«Протокол, — вслух прочитала Варвара. — Протокол заседания правления колхоза «Путь к коммунизму» от 25 июня.

Слушали: об оказании помощи колхознице Пелагее Крючковой в приобретении коровы.

Постановили: за отличную работу премировать Крючкову телкой-нетелью.»

Варвара облегченно вздохнула и с благодарностью посмотрела на секретаря.

— Если бы Пелагея могла это оценить. Характер... Такой строптивый характер! Прямо ест бабу, — взволнованно проговорила Варвара.

Петр Степанович пожал плечами и спокойно возразил:

— Человек, Варвара, человек... Этим все и объясняется. Мы об этом помнить должны.

Вышла Варвара из конторы и первой думкой было: пойти к Пелагее и все рассказать ей, обрадовать бабу.

На село ложились сумерки. Вечерняя заря строгая, бледная, скупо обозначалась за лесом, предвещая яркий безоблачный день.

«Зайду к ней, пожурю сначала, а потом и выложу все,» — думала Варвара, сворачивая с главной улицы в проулок, и вдруг столкнулась с Пелагеей.

— Куда это ты вырядилась так? — досадую и радуясь этой неожиданной встрече, спросила Варвара.

— Знаем куда. Не первый раз. Ну, чего уставилась? — сердито буркнула Пелагея и тут же насмешливо добавила: — В картину собралась. Говорят про любовь показывают... — она тихо засмеялась и решительно двинулась вперед. Не поверила ей Варвара. Но дорогу уступила. Внезапная догадка остановила ее. Она постояла несколько времени за углом дома, потом вернулась и посмотрела в улицу. В конторе уже светились огни. Пелагея прошла мимо клуба, даже и не взглянув в его сторону. У крыльца конторы замедлила шаги. Остановилась, огляделась вокруг, будто, боясь постороннего глаза, и решительно вошла на крыльцо. Варвара облегченно вздохнула. Большой человеческой радостью затопило ее сердце.

«Человек, — пришли ей в голову слова секретаря. — Человек... Этим все и объясняется. Об этом должны мы помнить.»

Да, как это здорово, сложно и, все-таки, — хорошо. Человек...

ЛЮДИ МОЕЙ МЕЧТЫ

Мы устроились на ночевку на самой вершине Кырлыка. Огромная клювообразная гора нависла над Шаргайтинской долиной. Будто хищник, выросший до сказочных размеров, просматривала она все ущелье, подкарауливая кого-то. Внизу, искрясь на камнях, катила свои бурные воды шумная беспокойная Шаргайта. Речку эту, с виду неширокую, мы с трудом перешли вброд. Вся долина вверх по реке была покрыта зеленым кустарником, а скалы были открыты для трав, которые и росли буйно, взбираясь все выше и выше.

Пока Маныкы Туткушев, высокий и сухой старик с желтым, как воск, лицом, собирал хворост и раздувал костер, мой спутник по охоте, Павел Петрович Никитин, освободившись от ягдташа и тяжелого пояса с патронами, успел обстрогать палку и воткнуть ее у костра, перегнув слегка через толстую колодину, сучком к огню. Вскоре на этом сучке заклокотал медный котелок с чаем.

Мы пили горячий душистый чай и восхищенно поглядывали в долину.

— Посмотри, что это движется там белоснежное? — спросил Никитин, указывая на вершину ущелья.

— Кажется, овцы, — сказал я и посмотрел на Маныкы, который, прищурясь, цедил вкусный чай из красной деревянной чашки.

— Овцы, — кивнул он лысой головой.

— А вот и еще! — вскричал мой товарищ.

— Смотри, как красиво, будто снежный обвал сорвался сверху.

И на самом деле: овцы вдруг развернулись в широкую живую лавину, затопив весь косогор.

— Куда ж они?

— Там есть дом и кошара, — сказал Маныкы, продолжая пить чай.

— Верно! — воскликнул Павел Петрович. — Смотрите! Вон, вон крыша!

За густыми зарослями кустарника красноватым блеском лоснилась новая крыша.

— Кто ж тут живет? — спросил я у старика.

— Тут две семьи... Это их отары. Новая порода, Шаргайтинская... Премии получили большую, Ленинскую.

— Лауреаты Ленинской премии в Шаргайтинской долине? — Мы посмотрели друг на друга.

— Я расскажу, — пообещал нам старый охотник. — Хорошие люди. Настоящие...

Вот о чем рассказал нам Маныкы Туткушев.

1

Десятки лет в этой долине кочевали вместе две семьи: Ялатовы и Ачубаевы. Бывало так: если Ялатов вел свою отару со стороны тракта, Барлай Ачубаев спешил ему навстречу. И, наоборот, если Барлай сворачивал от большой дороги и шел вглубь долины, Санаш мечтал о той минуте, когда они у одного костра выкурят свои трубки. Иной раз даже словом не обмолвятся старики. Посидят часок, другой, подымят, и снова на коней...

Отрадно видеть отару друга здоровой, сытой и резвой, а самого его спокойным и довольным.

Незадолго до войны вызвали их как-то под осень в облисполком. Там проходило большое совещание животноводов. Во время перерыва зоотехник Майя подошла к отцу и взяла его под руку. Санаш заметил необычные блески в черных глазах дочери.

— Отец, вы, лучшие чабаны области, должны поддержать мое выступление... Сейчас я с докладом выступаю.

— Ты — доклад? — удивился старик. — О чем же ты говорить будешь, дочь?

Санаш знал, что такие блески в ее глазах горят в минуты, когда Майя чем-то взволнована, когда она о чем-то серьезно думает...

— Я приведу убийственные цифры, отец. — Майя нервно теребила в руках тяжелую косу.

— У нас, кажется, нет убийственных цифр... Слышала, опять похвалил председатель?

— Да, но цифры такие есть, отец...

Санаш в упор посмотрел на дочь.

— Есть, есть, отец... И у тебя... и у Барлая...

Перед Санашем пронеслось тяжелое воспоминание. Как-то у него в отаре окотилось ночью пять старых овец. Ягнята были растоптаны, а самих маток едва отходил Санаш. Не доглядел суягных, не отбил их во-время от отары. Об этом знала только Майя. Впервые за многие годы работы случилось это с Санашем. План был все равно перевыполнен за счет двойняшек, сам Санаш из дополнительной оплаты оставил в отаре пять ярок... Убыток не понес колхоз. Конечно, для старого чабана этот случай очень неприятен... Неужели о нем хочет сказать Майя?

— Ты хочешь позора на мою голову? — оглядываясь, прошептал Санаш.

— Тут позора нет.. А виноваты мы все.

— Как язык у тебя повернется? — Не на шутку испугался старик... Майя засмеялась.

Когда она пошла к трибуне, Санаш остался у буфета, чтобы не идти в президиум: ему было страшно слышать убийственные цифры на виду у всех. Никогда еще область не видела его в списке плохих чабанов.

— Вот тут, с этой трибуны, ежегодно называют лучших чабанов, — сказала Майя, отыскивая глазами отца. — Ялатова, Ачубаева, Байрамова, Туткушева... Это правильно: они хорошие чабаны. Но посмотрите, что за овечка в их отаре? Много ли дает она шерсти и мяса? Очень, очень мало. Вот, к примеру, отец... Самая лучшая овца в его отаре дает не более одного килограмма шерсти, а весит — один пуд, с головой и рогами. Это убийственные цифры, товарищи!..

Санаш не верил, что с овцы можно настричь больше шерсти, не верил в новую породу. Завозили на Алтай чистопородных овец. А что проку? Не выживали. Может, не умели ухаживать за ними? И все-таки не следует охаивать известную сотни лет, крепкую и выносливую сибирскую овечку...

В перерыв к Майе нельзя было протиснуться — ее ок-

ружила молодежь, засыпала вопросами, советами. Невысокая, стройная, с худенькими плечиками и лицом коричневого отлива на щеках, с красиво вздыбленными черными бровями, стояла Майя в самой кипении и, смеясь, что-то сразу всем отвечала. Увидев отца с Барлаем, она пошла к ним.

— Слыхал, как прокатила старых? — мигнул Санаш другу.

— Она права, — сказал Мурат, сын Барлая, — такая новая порода будет на Алтае. И мягкую дорогую шерсть давать будет, я знаю...

Мурат стоял перед стариками, как молодой горячий кобчик — решительный, с гордо приподнятым крутым коротким носом и сверкающими карими глазами.

— Ой-ой!.. — отмахнулся Санаш. — Не горячись вперед старых... Посмотрим...

— Спасибо, Мурат, хоть ты меня поддержал перед ними! — сказала Майя, обмахиваясь платком.

— Теперь, поди, и премии не дадут? — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Барлай, теребя черную бородку и хитро шурясь.

— Теперь будут введены новые показатели, — ответила Майя.

— Какие же, дочь? — не скрывая тревоги, спросил Санаш.

— Не только воспроизводство стада, но и продуктивность.

«Да, могут и не дать», — подумал Санаш.

...Но премии дали, лучшие премии в этом году: путевку на курорт в Кисловодск и молодого жеребчика донской породы. Обе премии им, Санашу и Барлаю.

— Вот только кому какую — решайте сами, — сказал председатель. — Оба вы с одинаковыми показателями, будто сговорились.

— Сговаривались мы не раз, — сказал Санаш.

— Думаю сговоритесь и теперь, — улыбаясь сказал председатель.

— Не подеремся, — ответил Барлай.

Майя посоветовала отцу взять путевку:

— Кисловодск — лучший курорт в мире, лет пять старости сбросишь.

— Даже год вернуть и то косяка дончаков стоит, — мудро решил Санаш.

Он взял путевку, а Барлай — дончака. Оба остались довольны. Барлай за хорошего коня жизни не пожалеет. Знал это Санаш, поэтому и предложил так поделить премии.

Принимая путевку, Санаш спросил:

— Может, еще одну можно за наличные?

— Зачем тебе две? — удивился председатель.

— Дочку хочу сам премировать... Училась ладно, забот не давала...

— Купить, пожалуйста... Купить можно. — улыбнулся председатель, вполне понимая старика (у него самого пять сыновей учились).

— Вот, спасибо... Теперь можно ехать, дочь...

Майя счастливая вышла вместе с отцом.

Но что это Мурат повесил голову? Чем недоволен он? Когда выехали за город, он то отстанет, то вырвется вперед птицей. Поровнявшись с Майей, спросил, хмуря тонкие брови:

— Кавказ, Майя? Горы как у нас. И что тебя тянет туда?

Майя перебросила за спину косу, улыбнулась.

— Вот и хорошо — горы... Буду как дома...

Мурат натянул повод так, что жеребец присел на задние ноги...

— А... а занятия по зоотехнии? Что мне ребята на это скажут? — И поехал вперед, вконец расстроенный ее спокойствием.

Майя откинула голову назад и счастливо рассмеялась.

...И вот она в Кисловодске. Смотрит на горы, и видятся ей сердитые глаза Мурата и голос его, ломающийся от обиды, долетает издалека.

Жить на курорте, конечно, хорошо. Но ведь курорт — не дом, а здешние горы — не Алтайские! И Майя писала длинные письма подругам.

А Санаш познакомился на курорте со стариком-садоводом Макаром Калининвичем. Интересные вещи рассказывал садовод. Упорный старик. Весь век живет на севере. Бьется над выведением местных пород яблонь и других плодовых деревьев, а сейчас думает вырастить виноград. И все допытывается про земляка Санаша — Михаила Лисавенко... А Санаш, хотя и под боком у Лисавенко жил, но рассказать про него ничего не мог.

— Неужели вы своими овцами только и живете? Да и овцы, поди, такие, что ни шерсти, ни шкуры доброй. Так ведь?

— А ты как знаешь? — обиделся Санаш.

— Не умеете вы еще на себя заставить работать природу-то, — сказал садовод. Он резко махнул сухим кулачком и вытащил из кармана никелированную баночку с нюхательным табаком. Был Калининкович маленького роста, худой, в чем душа держится, только глаза и выделяли его: сердитые, острые. Короткие лохматые брови висели над переносицей, как взъерошенные осенним ветром метелки пырея.

— Мы, Санаш, — говорил он, надтреснутым от простуды голосом, грозясь длинным крючковатым пальцем, — мы должны открыть сами секрет природы. Это нелегкое дело. Сколько огорчений будет на пути! Сколько неудач! Другой раз, кажется, ну все: улыбнулось счастье. Только ты руку протянешь, чтобы взять его, а оно хлоп по руке, назад! Не горячись, не дури в такие минуты. Начни сначала. В каждом деле упрямство нужно. Я вот тебе такой случай расскажу. Садись.

Они садились под тень дерева.

— Вот ведь смотри, какая благодать здесь! А воздух. Тут, что ни брось в землю — все будет расти, цвести, давать плод... А вот у вас там! Да и у вас не болонто щедрое лето. Знаю. Ну, слушай. Бился я над одним сортом, «Северянкой» назвал. И, представь себе, после скрещивания из всех саженцев очень заметно пошел один. Остальные тоже росли хорошо, ну, а этот прямо не по дням, а по часам прет. Слежу за ним. Вымахал больше метра, и вдруг, смотрю, что за диво? Завязь... Мать моя! Зацвела моя яблоня в первый год! Чудо из чудес! Никогда такого в практике не было! Смотрю, отцвела, плод завязался хорошо... Растет яблоко. С горошину. Больше, больше. Вот он, думаю, этот скороспелый сорт, который пойдет здесь. Зреет яблоко. Краснеет. Трясусь над ним, как клуша над цыплятами. Так ведь посуди: одно разьединственное яблоко из нескольких сотен саженцев! В эти дни стали мы пахать под новую посадку. Пахали рядом на тракторе. Отлучился я зачем-то в деревню, кажется, в контору колхоза... Прихожу. Парни отпахались, уехали. Прошел я по саду. Подхожу к заветной яблоньке и вдруг застываю, как

истукан: нет яблочка! Исчезло. Я рыскаю кругом — нет! Пропало. Следы вывели к пахоте: мужские кирзовые сапоги на резиновой подошве. Значит, съели парни. Веришь, — плакал. А они признались, да еще обижаются: «Что это, говорят, за садовник, готов из-за одного яблочка удавиться! Мы еще не видели такого скопидома». Ну что ты им скажешь?

— Наелись, — не выдержал Санаш, и осуждающе покачал головой.

— Вот именно! Но садоводы не должны падать духом, не имеют права. И вот уже пятый год скороспелые яблоки растут у нас почти в каждом колхозе.

Он взял баночку, повертел ее в руках, открыл и взял щепоточку табака.

Поразил Санаша старик. Может, он и в животноводстве толк знает? Не откроет ли он Санашу, как сделать овечку богатой — и с шерстью хорошей и с мясом?

— Нет, — сказал Макар Калининкович. — Секретов не знаю. Но одно знаю, что нет такого дела, которое нельзя усовершенствовать. Надо попробовать вам скрестить овец с улучшенной породой, совсем из другой полосы России, например, с южной какой. Мы, мичуришцы, например, делаем так. Хорошо прививается.

Слушая садовода, Майя чувствовала стыд за свою работу. Ничего она еще не сделала. Ровным счетом ничего... Ей даже странным казалось свое безделье на курорте. Вот пойдет тот садовод и расскажет всем, что получили Ялатовы премию такую дорогую, а ведь они не изобретатели, не новаторы, обыкновенные рядовые скотоводы.

Последние дни Санаша все пуще тянуло домой. Даже слабость ощущать стал во всем теле. Когда взвесился и узнал о солидной прибавке — не поверил.

— Какой легкий курортный жир, — сказал он, недоверчиво косясь своими маленькими глазами на врача. — Жир есть, а голова кругом идет...

2

...Приехал Санаш домой и замкнулся. Будто подменили старика. Первым делом осторожно снял со стены все свои почетные грамоты, завернул в бумагу и спрятал в

сундук. Приехавший как-то Барлай, просто перепугался за друга.

— За что на колхоз осерчал, Санаш? — кивнул он лысой головой на стену.

— Не на колхоз, а на себя, — ответил Санаш угрюмо, покусывая кончики опущенных редких усов.

Станным, очень странным стал Санаш.

— Скажи, не болезнь сушит? — допытывался Барлай. Улыбался Санаш, качал головой, и то ли шутил, то ли говорил правду:

— Мечтать научил меня один знакомый садовод. Макаром зовут...

— Эй, смотри, разве ты девка? — качал неодобрительно головой Барлай. — О чем же?

— Приезжай радио слушать, Майя привезла, — отвечал Санаш и голос его теплел. — Про большие урожан слышал? Триста пудов есть... Про пшеницу, на которой... по десять колосьев, знаешь? А виноград, который будет ползти по снегу? Будут все это делать такие же люди, как и мы с тобой. А что у нас нового? Те же овечки, что и сто лет назад, та же тебеневка.

— И правда, мечтать научился, — смеялся Барлай. Но слова друга тревожили его. За ними видел он нового Санаша. Это пугало Барлая. Не тем пугало, что не по душе ему мечта его была. Нет. А тем, что не верил уже в свои силы Барлай. Что еще надо Санашу? Их ценят, ими гордятся... Откуда же быть недовольству своей работой? Да и много ль уже надо теперь им, старикам! Много ль жить-то осталось? А Санаш шурился на него и насмешливо говорил:

— Разве человек родится трусом?

3

Майя за эти дни побывала на зональной станции. Переговорила с учеными зоотехниками. Съездила в опытную отару (станция занималась выведением новой породы овец). На станцию ждали прибытия партии баранов-южан.

Домой Майя прибыла чем-то окрыленная.

— Нам нужно во что бы то ни стало добиться, чтоб правление не возражало против покупки баранов. Хотя

истукан: нет яблочка! Исчезло. Я рыскаю кругом — нет! Пропало. Следы вывели к пахоте: мужские кирзовые сапоги на резиновой подошве. Значит, съели парни. Верись, — плакал. А они признались, да еще обижаются: «Что это, говорят, за садовник, готов из-за одного яблока удавиться! Мы еще не видели такого сконидома». Ну что ты им скажешь?

— Наелись, — не выдержал Санаш, и осуждающе покачал головой.

— Вот именно! Но садоводы не должны падать духом, не имеют права. И вот уже пятый год скороспелые яблоки растут у нас почти в каждом колхозе.

Он взял баночку, повертел ее в руках, открыл и взял щепоточку табака.

Поразил Санаша старик. Может, он и в животноводстве толк знает? Не откроет ли он Санашу, как сделать овечку богатой — и с шерстью хорошей и с мясом?

— Нет, — сказал Макар Калининкович. — Секретов не знаю. Но одно знаю, что нет такого дела, которое нельзя усовершенствовать. Надо попробовать вам скрестить овечек с улучшенной породой, совсем из другой полосы России, например, с южной какой. Мы, мичуринцы, например, делаем так. Хорошо прививается.

Слушая садовода, Майя чувствовала стыд за свою работу. Ничего она еще не сделала. Ровным счетом ничего... Ей даже странным казалось свое безделье на курорте. Вот пойдет тот садовод и расскажет всем, что получили Ялатовы премию такую дорогую, а ведь они не изобретатели, не новаторы, обыкновенные рядовые скотоводы.

Последние дни Санаша все пуще тянуло домой. Даже слабость ощущать стал во всем теле. Когда взвесился и узнал о солидной прибавке — не поверил.

— Какой легкий курортный жир, — сказал он, недоверчиво косясь своими маленькими глазами на врача. — Жир есть, а голова кругом идет...

2

...Приехал Санаш домой и замкнулся. Будто подменили старика. Первым делом осторожно снял со стены все свои почетные грамоты, завернул в бумагу и спрятал в

сундук. Приехавший как-то Барлай, просто перепугался за друга.

— За что на колхоз осерчал, Санаш? — кивнул он лысой головой на стену.

— Не на колхоз, а на себя, — ответил Санаш угрюмо, покусывая кончики опущенных редких усов.

Станным, очень странным стал Санаш.

— Скажи, не болезнь сушит? — допытывался Барлай. Улыбался Санаш, качал головой, и то ли шутил, то ли говорил правду:

— Мечтать научил меня один знакомый садовод. Ма-кар-ом зовут...

— Эй, смотри, разве ты девка? — качал неодобри-тельно головой Барлай. — О чем же?

— Приезжай радио слушать, Майя привезла, — отве-чал Санаш и голос его теплел. — Про большие урожан слышал? Триста пудов есть... Про пшеницу, на которой... по десять колосьев, знаешь? А виноград, который будет ползти по снегу? Будут все это делать такие же люди, как и мы с тобой. А что у нас нового? Те же овечки, что и сто лет назад, та же тебеневка.

— И правда, мечтать научился, — смеялся Барлай. Но слова друга тревожили его. За ними видел он ново-го Санаша. Это пугало Барлая. Не тем пугало, что не по душе ему мечта его была. Нет. А тем, что не верил уже в свои силы Барлай. Что еще надо Санашу? Их це-нят, ими гордятся... Откуда же быть недовольству своей работой? Да и много ль уже надо теперь им, старикам! Много ль жить-то осталось? А Санаш шурился на него и насмешливо говорил:

— Разве человек родится трусом?

3

Майя за эти дни побывала на зональной станции. Переговорила с учеными зоотехниками. Съездила в опытную отару (станция занималась выведением новой породы овец). На станцию ждали прибытия партии ба-ранов-южан.

Домой Майя прибыла чем-то окрыленная.

— Нам нужно во что бы то ни стало добиться, чтоб правление не возражало против покупки баранов. Хотя

одного племенного барана из этой группы. — сказала она.

— Смотри, Майя, — говорил осторожный Санаш. — Как бы на шею нам не повесили его.

— А повесят — рассчитаемся. Буду настаивать.

Майя тщательно посмотрела всю отборную отару овец. Смотрела очень придирчиво, особенно на качество шерсти.

— Замечай, отец, самых крепких маток, самых лучших по шерсти и мясу...

Старик отобрал из всей отары несколько десятков маток.

После осенней стрижки Санаш надсделал шуму на весь колхоз, он согласился работать только с этой горсткой овец. Верно, это были лучшие овцы в колхозе. Но что он с таким количеством их будет делать? Ведь он и трудодень не заработает в сутки, не говоря уже о прибавке!

Главным виновником этой затеи была Майя, конечно. Она все возилась с отарой, ездила в область, на зональную станцию, советовалась о чем-то, потом отца подучила. Старики неодобрительно качали головами. «Крутит все девчонка! Где оставил мужское достоинство Санаш?»

— Не горюй, отец, — говорила Майя. — Поживем пока без больших прибавок, лишь бы толк был из нашей затеи, а там... Там вся область ахнет!

На правлении колхоза она заявила:

— Можете мне не доверять, я молодая. Пусть так. Но нам будут помогать шефы...

— Кто? — насторожился Ешев, председатель колхоза, очень осторожный, неторопливый человек, лет пятидесяти, с полными голыми щеками и глазами навывкате.

Был Ешев как руководитель не на последнем месте в районе, но и никогда не думал о первом. Всякие эксперименты его пугали, вносили анархию в спокойный бег его мыслей и заведенный им порядок.

— Кто шефы-то? — переспросил он.

— Зоотехники опытной зональной станции, — сказала Майя.

Очень не хотелось Ешеву отпускать и Санаша. Но он, как председатель, не мог не поддержать нового начинания, хотя очень сомневался в его результатах.

— Слушайте, как это вы беретесь за такое дело безо всякого директивного указания свыше? — сказал он.

— А зачем нам директивы? Мы и без них... Сама жизнь есть директива, — отрезала Майя.

— Но как же это? Позвольте... Вышестоящий орган... Я не могу пойти на это... Нет, нет... Это не частное дело.

— В том и дело, товарищ Ешев... Не думала, что вы такой... такой... малодушный человек!

— Как хотите называйте... Согласно съезжу...

И он ездил согласовывать. Вопрос об улучшении продуктивности ему был давно знаком. Десяток раз писались резолюции об этом. Но одно дело резолюция, другое — живое дело. Конечно, будет очень лестно, если о колхозе заговорят... А если провал? Кто ответ будет держать?

Все же отару передали другому чабану. Санаш отобрал пастбищный участок, определил, когда какой загон будет стравливать.

— Смотри, Санаш, не растеряй овечек, — ухмылялся Барлай, намекая на малочисленность Санашевой отары.

4

Однажды Барлай, вернувшись с пастбища домой, услышал шумный разговор. Он сразу узнал Майю. Она говорила, как всегда, горячо:

— Нужно доказать, что вещь эта необходима, как воздух. Не можем мы топтаться на одном месте, как стреноженные кони. Вы только подумайте: если увеличить настриг шерсти на сто граммов по каждой овце — колхоз получит 50 тысяч рублей дополнительной прибыли... А мясо?

— Конечно, мы поддержим тебя, Майя, но учти: вся ответственность на тебе. Вынесешь?

— Да, — решительно сказала девушка, — я ручаюсь.

— Я шучу, Майя, — улыбнулся Мурат. — Мы все будем в ответе... Вся наша организация.

Стоит Барлай в сенях и боится зайти в дом. Вспомнил он, как вчера застал своего друга за необычайным для него делом. Сидел тот на колодине, спиной к тропе. Отара разбрелась по долине. Путаясь в поводу, ходил конь. Никогда не был таким неряшливым Санаш, чтоб

не закрепить на седле повод. Санаш сидит, склоняясь над чем-то. Подъехал Барлай ближе, хрустнул веткой его Каурый. Тогда вскочил Санаш, что-то белое под колыдину сунул.

— А-а, это ты? — узнал он Барлая, а сам ногой шарит под колодиной. Видит Барлай — книжка с другой стороны высунулась. «Зачем она Санашу? Уж не ученым ли собрался стать, неграмотный всю жизнь Санаш?» Но удивление свое не показал Барлай.

— Что нового? Что говорят по радио? — спросил Барлай и, соскочив с коня, присел рядом с Санашем.

— Разное. Но больше про то, как найти короче пути к богатой жизни.

— Может, путь в этой книжке записан? — не выдержал Барлай и поднял книжку. Санаш спокойно взял ее из рук друга и, глядя ему в лицо, твердо ответил:

— Ты отгадал, Барлай.. Здесь указан этот путь для нашего колхоза.

— Может, прочитаешь ты мне? Я плохо вижу такие мелкие буквы, — съехидничал Барлай.

— Хорошо, — невозмутимо сказал Санаш и раскрыл книжку. — Вот. — Он ткнул пальцем в лохматого барана (картинка занимала всю страницу). — Вот этот путь, Барлай!

— Эгот? — покосился на короткие ноги барана Барлай. — Ты, наверное, заболел, Санаш? Какая муха, как говорят русские, тебя укусила, мой друг?

— Вот от каких мух ты станешь чесаться, Барлай, посмотрим, — без всякой обиды и злобы возразил Санаш. — Это мы посмотрим, Барлай.

— Ты хочешь заставить весь колхоз сено косить для твоих баранов? — вскипел Барлай, сердито шевеля лохматыми черными бровями. Когда Барлай сердился, он еще больше чернел, а Санаш, наоборот, краснел, только кончик острого носа и уши белели.

— Зачем весь колхоз? Для трех баранов я сам голой рукой надергаю травы...

— А их приплод? Приплод кто кормить будет?

— Он сам себя будет кормить, потому что ноги и выносливость он отберет в наследство у матери...

Плюнул Барлай, вскочил на Каурку и уехал...

А вот сейчас все припомнилось это, весь разговор с Санашем. И понял он, что в его доме сейчас идет про-

должение разговора Санаша, его мыслей и дум. И стало ему почему-то не по душе все. Трудно Барлаю разобраться в чувствах, только одно, очень похожее на зависть, вдруг вспыхнуло в нем. Он понял, что виновником его тревог, нахлынувших внезапно под старость, были Санаш и вот эта девчонка — Майя...

Не помня себя, Барлай заскочил в дом и накричал, на шумел на Майю.

— Зачем людей смущаешь и жизнь перевертываешь? Ищи лучшего, а мы и так всем довольны!.. Ты и отца с ума свела... Не пожалела его седин!..

— У меня отец не стал бы от этого кричать до натуги в горле, — ответила Майя и, накинув теплый полушавок, быстро вышла на улицу.

Впервые за всю жизнь Мурат бросил на отца презрительный взгляд.

— Как это ты на нее с кулаками еще не полез... Удивляюсь! — Схватив шапку, он выбежал вслед за Майей.

Барлай, дико вращая глазами, поддел ногой табурет и долго еще бушевал один. Наконец, успокоился, свернув ноги калачиком, опустился около железной печурки, пригрелся и задремал с трубкой во рту.

В эту ночь он до смерти перепугал старую Мерей. Он кричал и метался на постели, звал кого-то, стонал, а проснуться не мог.

— Злой дух душит старика! — переполошилась старуха. Крикнула сына, но тут же вспомнила: уехал с вечера на свою ферму и не возвращался еще. Сама растолкала Барлая.

— Кончилось? А где Санаш? — пробормотал он, оглядываясь.

— У-у-у! Господи, и вправду злой дух, — пробормотала испуганно Мерей. — Кончилось... Кончилось... — сказала она. — Никого нет!

Барлай очнулся и вышел во двор. Стояла тихая ночь. К Барлаю подошел дончак Каурый. Жеребчик вырос в резвого и умного коня. Часто поверял Барлай ему свои думы. Тот слушал, поводил ушами и, казалось, понимал.

— Это не сон, Каурый, — сказал Барлай. — Сидит Санаш за столом в президиуме один, без Барлая... Так будет... Я чувствую...

Прибыла партия баранов на зональную станцию. Узнав об этом, Майя тотчас доложила Ешеву. Осторожный председатель собрал правление: побаивался все-таки брать на себя полную ответственность. Вспомнили правленцы, как завозили колхозы области раньше породистых баранов, горячо заспорили.

— Чужие у нас сдыхают... Завозили ж другие!

— Приплод никудышный...

— Нельзя деньги на ветер кидать. Общественные деньги.

— Зачем вы берете первые годы коллективизации? — говорила Майя, сверкая глазами. — Тогда на всю область два зоотехника было. А посмотрите сейчас? Сейчас в каждом колхозе... Не справлюсь — помогут другие.

— Сельхозуправление, — вспомнил Ешев, — рекомендует...

— Товарищ Ешев! — воскликнула укоризненно Майя. Ешев пожал плечами.

— За долгие годы председательства, — сказал он, — я научился быть дипломатом...

— Похоже, — улыбнулась насмешливо Майя. — Вы должны видеть подальше.

— Я и вижу. Случись что, — меня обвинят. Кто, скажут, вам предложил? Нет, пусть на демократию.

И ешевская «демократия» победила: правленцы не решились взять породистых баранов.

Тогда вечером пригнали Ялатовы к конторе двух своих дойных коров и двадцать овец.

— Берите в залог, — сказала Майя. — Я приведу еще свой велосипед...

И привела.

Прискакал следом Мурат и положил на стол председателя решение комсомольской организации.

— Поеду в обком, — сказал он.

— Ну что за шум, товарищи? — воскликнул Ешев. — Разве я не понимаю? Разве нужно меня уговаривать?

— Приходится, — мрачно сказала Майя.

— Напрасно такого мнения, товарищи. Надо уметь работать с массой. Да. Сначала раскатать ее, потом заставить заболеть этой новой мыслью — тогда уж, как говорится, ставить вопрос на попа!

— Ставьте.

Ешев собрал снова правление и решение состоялось. Вскоре бараны были доставлены в небольшую кошару на зимовку Ялатовых. Были они красивы: по самые уши покрывала их серебристая шерсть, в тройные кольца были закручены рога окаменевшими рубцами. Один недостаток бросался всем в глаза — были они коротконоги.

— Им не в горах ходить, — сказал Барлай, — им по деревянному полу ходить — Однако, прощупав животных опытным взглядом, тут же решил: «Если бы этим баранам ноги и выносливость сибирской овечки — принесли бы колхозу огромное богатство».

Вечером того же дня собрала Майя всех чабанов и прочитала лекцию о том, какая задача ставится сейчас перед колхозами по улучшению стада.

— Вот эти бараны произведут большую революцию в нашем колхозе. Они улучшат нашу овечку.

Барлай переглянулся со стариками. Правду сказал Санаш: люди ищут коротких путей к счастью.

6

Барлай отлично понимал, что не все ли равно, кто из членов коллектива прославится своей работой, если она, эта работа, умножает богатство твоего родного колхоза. Все это было ясно Барлаю, но получилось так, что он с первых дней не поддержал Санаша, боялся на старости лет остаться побежденным в соревновании. Конечно, это было ложное чувство, и сейчас Барлай не мог себе простить этого. Он стал раздражаться успехами Санаша и открыто защищать недоброжелателей его дела. Хотя так и хотелось другой раз откусить свой язык...

А Санаш, казалось, ничего не видел, не замечал. На зимовке его строили новую кошару. Торопились до снегов закончить. За все это время он никуда не выезжал. Иногда, выпустив баранов, изучал их повадки. О друге своем даже ни разу не вспомнил. Это еще больше обидело Барлая.

Однажды Санаш, объезжая зимние пастбища, завернул к Барлаю. Тот не ждал, растерялся. Сначала вроде и обрадовался, но тут же съязвил:

— Планируешь? А не подсчитал, сколько на одном месте былинки растёт?

— Мне жалко тебя, Барлай. Видно, за эти годы ты шибко потяжелел... Смотри, можно вылететь в раскаты... Знаешь, небось, какие у нас зимой дороги в горах, — так загадочно проговорил Санаш, поклонился и вышел.

Вечером Барлай остановил сына.

— Куда? — хмурясь, сказал он.

Мурат удивился.

— Дело есть. Договорились своими силами строить родильное помещение...

— Где?

— У Ялатовых.

— Не пойдешь к ним. Забудь туда дорогу... Расседлай коня! — потребовал старик.

Мурат улыбнулся снисходительно и спокойно сказал:

— Ты, отец, неправ. Как ты можешь плохо думать о них?

— Не учи! — задыхаясь, проговорил Барлай.

— Послушай, что я тебе скажу, отец. Думая плохо о них, ты плохо думаешь о колхозе. Вот так получается, отец.

Барлай дрогнул и выпустил из рук недоуздок.

— Желторотый воробей! Ты старших вздумал учить? — закричал он в бешенстве.

Мурат поднял коня на дыбы, перемахнул ограду и в два прыжка достиг тропы. Оттуда крикнул:

— Не жди меня, пока не одумаешься! — круто повернув вправо, он помчался к стоянке Ялатовых.

Старик долго смотрел ему в след.

7

Комсомолцы сдержали свое слово: к вечеру более двух десятков подвод на волокушах подтащили лес к зимовке Ялатовых. Приехала из правления Майя. Надо было выбрать подходящее место для постройки.

— Рекомендовали у ручья, — сказала она. — Я думаю тоже, не плохо будет. Давайте поровнее место.

Остановились на ровной площадке от кошары, на солнечной стороне.

В тот же день закипела работа. Майя сама взялась

за топор, и скоро около нее был целый маленький штабель затесанных, как карандаш, осиновых кольев.

Ребята с помощью клиньев распарывали листовые кряжи. Санаш с Муратом, освободив от коры ровные пятиметровые бревна и, вырезав на одном конце их четырехугольные шипы, закапывали бревна в землю... Это были первые столбы.

Работали весело. Любуясь движениями Мурата, Санаш думал: «Откуда такая сила и сноровка?» Словно угадывая его мысли, Мурат сказал:

— В прошлом году на лесозаготовках очень полюбилась мне работа... На резке и трелевке нужна большая ловкость и уменье...

«Хозяин. Настоящий хозяин — смелый, решительный», — думал Санаш, глядя на Мурата. Спросил:

— Что отец?

— Как туча.

— Не скажешь ли мне почему? Никак не пойму.

— Я сам не понимаю его. Ведь не желает он плохого колхозу. Это я знаю. Что ж тогда с ним?

— Вот, когда хорошо направится дело, — сказал Санаш, — пойду к нему и скажу: «Принимай отару, Барлай! Отару улучшенных овечек!» Он мастер... Он сумеет сохранить отару... А без дружбы нам нельзя...

— Да, товарищи, — вдохновенно сказала Майя, — это будут такие дни для колхоза.

Мурат шагнул к ней.

— Ты станешь известной, — в глазах его мелькнула искра. — О тебе в газетах станут писать. И тогда, — он махнул рукой, — тогда прощай, Майя!

— Ой, тут будет очень много работы, Мурат, — улыбнулась Майя. — Я никуда не поеду. Новая овца прославит наш колхоз. Она будет гордостью Алтая...

Санаш слушал и качал головой. Зачем говорить такие слова, когда еще неизвестно, какой приплод получится.

... Через неделю, у ручья, чуть пониже Санашевой усадьбы белела новая постройка. Это было родильное помещение.

* * *

Зима прошла в заботах об отаре. Наступила весна. Близилось уже время окота. Маток отбили и подкармливали сеном и концентратами.

Окота ждал весь колхоз. С дальних стоянок приезжали к Санашу чабаны. Гости ходили по кошарам, удивлялись их чистоте, подолгу простаивали у баранов. Родоначальники будущей породы чувствовали себя хорошо. Они были веселы, имели хороший аппетит. Своим великолепным видом они внушали уверенность в благополучном исходе большого дела.

В первых числах апреля ручей пробился сквозь лед и подмочил на всем своем протяжении в низине весь снег. Он осел. Местами образовались темные свинцовые пятна. Огромные сугробы снега сползали с солнцепеков. Из-под них выбивались змейками ручейки. Они, бойко прокладывая себе дорогу, устремлялись к ручью. Ручей полнел, напирал на снег, лежавший еще по всей долине. И вдруг в один из теплых солнечных дней, прорвав все преграды, бурно и смело помчался вниз.

Вечером обьягнилась самая крупная матка. Ягненок походил на отца.

— Вылитый! — принял на руки мокрого еще ягненок Санаш. — А ноги... Ноги длинные!

Санаш задрожал от радости и бросился со своей ношей в изолятор. А матка через несколько минут порадовала его еще одним ягненком.

Ягнята, родившиеся в первые дни окота, быстро окрепли и резво бегали по широкой ограде изолятора.

И вдруг...

Произошло это в один из самых любимых Санашем часов, когда он, напоив в ручье маток и задав им душистого сена, смотрел, как играют ягнята. Он вспомнил про своего кисловодского друга, грозившего ему издалеки длинным худым пальцем.

«Хм, — улыбнулся Санаш. — Вот теперь бы нам с тобой поговорить, Макар Калининлович.» Санаш пожалел, что не имеет его адреса. Он стоял и с восхищением смотрел на резвых ягнят. Ему показалось, будто один как-то невесело отдалился от матери и все норовит лечь. «Что с ним? Не обкормила ль?» — вспыхнула у Санаша тревожная мысль.

Санаш быстро нагнулся, пролез между жердей и пошел к ягненку. Тот вскочил и бросился к матке, но через минуту уже снова подгибал ножки.

...К ночи пало два ягненка, а к утру следующего дня заболели почти все матки, находящиеся в изоляторе.

Весь новорожденный молодняк погиб в три дня. Это был удар, которого не мог перенести старый чабан. Он слег.

Весть о гибели ягнят облетела все стоянки, все близлежащие колхозы.

Майя сбилась с ног. Мурат был потрясен случившимся, но бодрость духа не потерял.

— Надо выяснить причину падежа, — сказал он, с подозрением осматривая отару. — Я немедленно еду в аймак.

Майя с благодарностью посмотрела на него.

— Я напишу записку, Мурат... Укажу хоть примерно, как протекает болезнь, чтобы ориентировать их лучше.

— Хорошо, пиши.

— А ты кормил коня, Мурат? — спросила Майя.

— Выдюжит сорок километров.

— Нет, ты можешь испортить его. Я сейчас принесу овса...

Она ласково взглянула на Мурата и побежала в дом. Мурат обнял голову коня, трепля его гриву, горячо шептал:

— Ты слышал? Слышал, что она сказала? Разве другая сказала бы так? Ты ничего, ничего не знаешь.

8

Два дня работала врачебная комиссия, вскрывая трупы, исследуя место падежа.

Помог случай. Мурат поехал в райцентр. Он вез с собой пробу для анализа в лабораторию. На обратном пути, перебрывая ручей километром выше стоянки Ялатовых, конь Мурата неожиданно провалился и выскочил на берег, дергая как-то странно ногой. На копыте его оказался череп какого-то животного. Мурат помог коню освободиться от него. О случившемся рассказал врачу. Тот осмотрел ногу, перевязал ее и попросил подробнее рассказать, где произошел этот случай.

— Вот вам из лаборатории! — Мурат достал запечатанный конверт, а сам повел коня к коновязи.

Быстро вскрыв конверт и пробежав глазами написанное, врач беспокойно посмотрел на своего помощника, студента-практиканта.

— Что-нибудь серьезное?

— Очень... Майя! Майя, подите сюда! — махнул врач рукой девушке, только что вышедшей из дому.

— Помогите побыстрее изолировать остальную отару из загонки, где происходил падеж.

Быстро управившись с овцами, облив все вокруг хлорной известью, врач взял Майю под руку.

— Овцы были заражены очень страшной болезнью... Я удивляюсь, как еще не погибли все, — сказал он тихо. — Пойдемте с нами, Мурат! — кричал он. — Покажите то место, где жеребец вытащил череп...

Верховье ручья тщательно обследовали. Срыли лопатами небольшой бугор, который размывал в эту весну ручей. Нашли кости животных.

— Здесь когда-то было скотское кладбище. Его размыв ручей, — сказал врач. — А кто может поручиться, что тут не закопали животных, павших от эпидемических болезней?

— Надо немедленно отвести ручей в сторону! — сказал Мурат и тут же приступил к работе.

Воду от опасного холма отвели в тот же день.

Узнав о причине падежа, Санаш долго лежал молча, закрыв глаза и стиснув зубы.

— Не верьте стариковской мудрости, — сказал он, приподнявшись на локте и тряся бородой. Лицо его стало желтым, шея длинной, худой. — Ненадежная у них память. Могут себе вреда наделать...

— Успокойтесь, отец, — сказала Майя. — Меры приняты.

— Знал ведь я про кладбище-то... Верно, давно это было. Жили мы тогда в урочище Каяча. Год такой выпал — почти весь скот подох... Поветрие. Хоронил каждый по себе... Вот тут на речке было кладбище, да мне и в ум не пало, что от него вред может приключиться.

— Ручей навредил... Теперь надо быть бдительными, — сказал Мурат, глядя на Майю. Она кивнула ему головой.

... Вечером приехал секретарь райкома товарищ Багиров. Майя провела его к отцу. Санаш долго смотрел на секретаря, потом отвел глаза и на щеку его, морщинистую, дряблую, скатилась слеза. Багиров нагнулся над ним и тепло, с чувством пожал ему руку.

— Не волнуйся, Санаш Ялатович... Дело поправимое.

Старик покачал головой.

— Я виноват, товарищ Багиров... Но вы должны знать, товарищ Багиров... Майя! Достань... Вы должны знать! Вот моя дорога! — он прижал к груди бумаги, которые подала ему Майя. — На, товарищ Багиров, смотри... Мог ли я желать плохое своему колхозу?

Это были его почетные грамоты.

— Выздоровливай. Поднимайся, — успокоил его Багиров. — Мы не дадим потухнуть такому прекрасному начинанию.

За все дни своей болезни Санаш впервые посмотрел прямо в глаза собеседнику. Он почувствовал себя облегченным. Свалилась тяжелая гора с сердца.

— Спасибо, товарищ Багиров!

9

Никогда раньше не гонял Барлай в эту сторону овец. Склон был высок и крут, местами выходил наружу лед.

Опасность велика, зато на южной стороне много прошлогодней травы. И ветра здесь не было. Но не то привлекло сюда Барлая. Со склона хорошо были видны соседние зимовки. Вон, кажется, в седле Толуш Соенов. Левее его в ущелье ходит отара Карыпова. А еще немного левее, за одиноко торчащим над Шаргайтой кедром, видны... Что это блестит на солнце? Крыша новая что ли?

Нечего обманывать себя, Барлай! Здесь тебя никто не видит, кроме твоих овец. Ты отлично знаешь, что там поблескивает. Это — зимовка Санаша..

Вот уже неделю не выезжает Санаш из дому. Около его кошары с утра — верховые. Вот даже в кошеве на паре приехал кто-то. Наверное, из райцентра кто-нибудь из аймачного начальства.

Вчера Мурат, сердито взглянув на отца, буркнул матери:

— Слег Санаш... Пропадают ягнята..

Нет, говорить о личной беде Санаш не следовало бы таким тоном Мурату. Он ожидал увидеть злорадство в глазах отца? Как ты еще молод, Мурат! Откуда у тебя столько соли на языке?

... Барлай целый день не выпускал из виду зимовку Санаша. Он провожал и встречал приезжающих. Вчера

Барлай поскользнулся на льду и зашиб себе ногу. Если б не эта больная нога, можно было бы и съездить. Кто знает, не окажутся ли его слова приветя сильнее всяких лекарств?

Но Барлай откладывал поездку. А дни шли. Наступил май. пышная, сочная зелень стала заполнять долину. Однажды ясным погожим утром он увидел со своего склона Санаша. С небольшой отарой медленно приближался он к одинокому кедру над Шарпайтой.

Барлай рванул своего Каурого и тот вынес его на большой камень. Он готов был броситься прямо со склона навстречу старому товарищу, но тут же сдержал свое горячее желание. Он тихо сказал коню:

— С каким словом мы пойдем ему навстречу? Он и без нас поднялся на ноги.

Барлай перегнал отару на противоположный склон. А вечером, когда спустился в долину, Санаша уже не было.

10

В конце мая Мурат как-то приехал домой с ярким венком на голове. Он соскочил с коня и бросил на ходу матери:

— Еду в гости. У Ялатовых радость. Весь колхоз едет к ним!

— Расскажи — знать будем, — спокойно сказала Мерей. — Что это у них за радость?

— Начался окот остальных маток. Проходит хорошо.

— Эка новость... Разве отец твой не заканчивал его каждую весну благополучно? — сказала Мерей.

— Молчи! — оборвал жену Барлай. Он все слышал. И радость Мурата передалась ему.

— Тебе, отец, велели сказать, чтоб ехал тоже.

— Кто велел? — не скрывая волнения, спросил старик.

— Сам. Он сказал: «Передай отцу, хочу, чтоб эта радость была и его радостью. Знаю, никогда не был он мне врагом, чтобы дать плохому чувству совсем обратиться себя.»

— Он так сказал? — воскликнул Барлай, но тут же, сдержав порыв радости, заметил с укором: — Мог бы, кажется, не переказывать с другими...

— Он же слаб еще... Еле в седле держится.
Барлай посмотрел на сына, поверил.

11

Барлай, как и другие гости, был поражен красотой новой отары. Ягнята, сверкая на солнце чуть курчавившейся серебристой шерстью, легко и свободно прыгали с камня на камень, взбирались на склоны. Они были сильны и резвы.

Сам Барлай почувствовал, как сжалось его сердце от радости. Он молча протянул руку другу.

Именно о таких овцах думал он прошлый год, когда смотрел на привезенных баранов. Овца передала потомству сильные ноги, порода барана передалась в богатой шерсти.

Санаша поздравляли, хотя все знали, что многое было бы ему недоступно без Майи... Но разве удобно поздравлять девчонку прежде отца? Старики трясли руку Санаша, хлопали по плечу. Вскружилась от похвал голова у старика.

— Вот здесь, в этой кошаре, — сказал он, — родился завтрашний день колхоза.

Все согласились с ним.

— Как назвать таких овец? Слов не подберешь! — говорили гости, восхищаясь приплодом.

— По месту назовем, — сказала Майя, счастливо и весело улыбаясь.

— Шаргайтинские?

— Да, Шаргайтинские. Я уж и записала так, — кивнула Майя. Гости согласились с ней. Потом Санаш и Майя попросили гостей в дом. Майя прошла в садик и, бросившись на скамью, расплакалась.

— Майя! — слышалось из кустов черемухи. Молодой парень с взволнованным смуглым лицом вышел к ней.

Не отрывая рук от лица, Майя отстранилась.

— Это я так, Мурат... Не подумай! Я просто очень-очень счастлива, Мурат!

— Ты молодец, Майя... Разреши мне... Я хотел...

— Говори.

— Я давно хотел сказать тебе, Майя... — Он несмело положил свою руку на ее плечо.

— Говори, Мурат. Я сегодня не буду сердиться, даже... Даже, если скажешь опять, что по моей вине занятия срываются... по зоотехнии... Там, на твоей ферме...

Она засмеялась, вскочила, сорвала большой цветок «марьины коренья» и вдела в петлицу его пиджака.

— После, Мурат... Ладно? Не сердись. Там гости. Пошли.

12

За столом было непринужденно, весело. Но вот захмелевший Санаш, пуская в новый круг пиалу с вином, сказал, что его шаргайтинки покорят сердца всех чабанов Алтая. Это было не совсем скромно для старого чабана, но кто же против этого? Вместе с шаргайтинками пошла бы добрая слава и о колхозе, где они были получены. Это ничего. Это хорошо. Но Санаш пошел дальше. Он гордо добавил:

— Если бы все так постарались... Ого!

Он стоял и помахивал пиалой... Мурат взглянул на Майю и улыбнулся, подмигнув на старика.

— Отец! — шепнула Майя. — Ведь у нас гости, отец...

— Вот я и говорю гостям, дочка... Пусть каждый постарается! — он топнул ногой.

Захмелевшие гости кивали головой, не обращая особого внимания на Санаша. Но Майя видела, как потупил голову, нахмурясь, Барлай, как дрогнул его черный ус.

Санаш увидел тоже это. «Эх, зря я так, — упрекнул он себя. — Обижу Барлая, сам не прощу себе после». Но он не мог уже сдержаться.

— Покажите мне такого человека, — продолжал он, — покажите, и я пойду и подам ему руку. И скажу: «Ты мне друг».

— Отец, одумайся, что ты говоришь, отец! — прошептала, оглядывая гостей, Майя.

Барлай встал и быстро стал собираться.

— Ты куда? — остановил его Санаш, виновато моргая отяжелевшими веками. — Куда, Барлай!

— Спасибо за... угощение! — сказал тот тихо и вышел вон. Санаш посмотрел на гостей и понял, какую оплошность допустил он. Жгучий стыд за свое бахвальство охватил его. Он что-то пробормотал и бросился вслед за Барлаем.

— Ничего особенного, товарищи, — сказал, поднявшись, Мурат. — Санаш никогда не пьет... А отец у меня, сами знаете, какой самолюбивый. Помирятся!

Со двора долетел голос Санаша.

— Барлай! Эй, Барлай! Обидишь на всю жизнь!

Но ответом на его слова был дробный топот копыт. Барлай уже скакал по тропе. Он даже не оглянулся на зов. Сердце его горело от обиды. Разве он научился работать после того, как вывел Санаш новых овец? Разве он бросил на произвол судьбы свою отару? Ведь совсем недавно говорили о нем на правлении. Говорили и Ешев, и Майя... Почему сейчас все промолчали?

Он вспомнил лица гостей. Вот Кудурлай с белесыми, как у Санаша, бровями. Он зажмурил глаза и тянет из пиалы чай. Хитрый Кудурлай. Попробуй, разгадай его! Конечно, он делает вид, что не замечает хвастовства Санаша...

* * *

Недели две дымились горы, окутывая землю пухлым снегом. Потом ударил мороз. Снег осел и покрылся кристальной корочкой. Огромные сугробы свисали над тропами. Трещали по утрам мелкие деревца, придавленные его тяжестью. Морозными ночами оглушительно ломались вековые кедры и лиственницы — это замерзшая вода в щелях разрывала стволы, сваливая с веток белые папахи снега.

Как-то вечером на зимовку Барлая забрели охотники. Они шли издалека.

— Столько снегу в десять лет раз бывает, — сказали они, согреваясь душистым чаем.

— Из-за него волки в степь подались... Идут стаями по ущельям... На малые урочища и зимовки нападают...

— Почему на степь? — не понял Барлай, обеспокоенный разговором. — Небось не дойдут до нас... Минуют, — сказал Барлай, поглядывая на старый дробовик, висевший над большой деревянной кроватью, «Перезарядить бы не мешало, — подумал он. — Года два, небось, со старым зарядом висит».

— Дойдут, — уверенно сказал невысокий мужик, напившись чаю и выбивая трубку. — Сюда идут, поближе к тракту.

— Тогда гостите! — воскликнул старик. — Разве к чести охотника уходить от зверя?

Гости переглянулись, и каждый из них открыл свой патронташ.

— Видишь, пустой. Всего по одному патрону, а идти еще далеко.

Рано утром покинули зимовку.

Весь день находился Барлай в тревоге. Покрутился немного с отарой у горы Кырлык и вернулся задолго до захода солнца.

— Давай сена, — коротко бросил он жене и смутился, увидев сына. — Обледенела гора... Гложут лед с травой. Простынут.

Мурат понял и, не вытерпев, заметил:

— Да, чего доброго, кашлять станут.

— Несчастья не хочу на свою голову.

— Вот и я говорю, — спокойно сказал Мурат. Барлай исподлобья взглянул на сына.

— А ты уж за своим... преподавателем собрался? — На дворе звучно заржал конь.

— Зовет, — улыбнулся Мурат и неторопливо снял с гвоздя кирзовую сумку. — Срочно вызывают в контору о ферме отчитываться. Если будет время, конечно, прихвачу и преподавателя. По пути. Вернусь, наверное, ночью.

— Смотри, — встревожился старик, — может, утром?

— Ничего. Ты смотри, в нашу дверь как сквозит. Не мешало б волчью шкуру прибить еще...

— А может... Слышишь? Ведь были случаи... Одни сапоги с ногами находили...

— Вижу. отец: старость не только сединой пробивается в человеке... а и...

— Не храбрись, — рассердился Барлай. — Не попадал еще...

Мурат уехал. Барлай вышел, обошел всю зимовку. Левее кошары увидел глубокий размашистый след. Он наискось пересекал косогор, чуть-чуть отворачивая в сторону от пастбища. В месте крутого поворота была неглубокая вмятина. Откачнулся волк от пьянящей вкусной теплоты, сделал прыжок в сторону, но тут же задохнулся и уселся на снегу, посидел, выминая сумет, и бросился в соседние кусты.

— Старый, — хрипло проговорил Барлай, тревожно

осматривая клочья серой скатавшейся шерсти, оставленной на снегу. — Худой, поздно линяет...

Синие тени прятались в провалах следа. «Разведчик!» — мелькнула догадка. Барлай остановился. Он почувствовал, как сразу взмокла спина и лоб. Он бросился во двор и стал торопливо запрягать Каурого в волокушу.

Через час вокруг зимовки высились кучи сушняка. Барлай обтянул вокруг кошары веревку, закрепил на ней несколько разноцветных лоскутьев. Они тряслись, как осиновые листья.

Наступила ночь. На зимовке Барлая вспыхнуло разом четыре костра. Огромными языками пламя высоко поднималось к небу.

Вокруг стояла тишина. Изредка трещали деревья. Висела над долиной круглая луна, окруженная розовой опояской.

В полночь со стороны Санашевой зимовки раздались крики, прозвучал одинокий выстрел, слышались удары железа о железо. «В заслонку бьют», — понял Барлай, вслушиваясь. Потом подошел к самому большому костру, ткнул палкой в золотые соты углей и рой красноватых пчел взвился в небо. В ту же минуту вспыхнул костер и у Санаша.

Барлай увидел около стойбища друга какие-то точки. Они то сходились, то расходились. Это были, конечно, волки. Барлай насчитал традицию точек и спутался. В моменты, когда тени покрывали Санашев костер, точки продвигались к кошарам. Тогда снова раздавался звон железа. Сверкая искрами, летели головни. Изредка раздавался глухой выстрел. Видно, берег заряды Санаш на крайний, на последний случай.

«А что, если зверь подберется к тем... к породистым?» — подумал Барлай. На один миг встало перед ним лицо Санаша. Оно было растерянным. Барлай почувствовал от этого какую-то липкую теплоту на сердце. Оно, это чувство, коснулось сердца Барлая, но не согревало его. Впервые за все время размолвки с Санашем понял Барлай: нет сейчас для колхоза ничего дороже этих овец. «Золотой фонд», — вспомнил он, как прозвал шаргайтинок народ.

От волнения или от страха зашуровал Барлай длинным шестом в кострах, вызывая огромный рой искр. Потом отошел от них и посмотрел вниз к Шаргайте. Там

над речкой стоял одинокий могучий кедр. Он распростер свои сильные руки-сучья над рекой, будто собирался перескочить ее.

Барлаю пришла в голову смелая мысль. Она была настолько смелой, что даже дух от нее захватило. Подбежав к лестнице, что стояла, прислоненная к стене дома, Барлай быстро взобрался на нее и еще раз посмотрел на одиноко стоящий внизу кедр.

— Так, — прошептал он. — Так...

Он подбежал к огню. Каурый, вытянув между жердей голову и раздувая трепетные ноздри, тревожно поводил ушами. Дончак чувствовал опасность. В его глазах сверкали, искрясь, костры.

Увидев своего любимца, Барлай охнул и опустился на изгородь.

— Нет, не смогу, — прошептал он. — Как хочешь, Санаш...

Он поднялся и, тяжело ступая, пошел было к костру. Но мысль эта сковала его. Какой маленькой казалась теперь ему собственная опасность. Барлай прошел несколько шагов и остановился.

«Поторопись, Барлай, — подгоняла мысль, — не мешкай... Смотри — у него уже и костер тухнет, а эти черные точки ближе к его кошарам... Однако, не очень ты крепок оказался на поверку, Барлай... Не очень!».

Старик снял шапку и рукавом шубы обтер лоб. Он огляделся. Что может оправдать его?

«Как же ты свою отару? Бросишь на старую Мерей, которая не слазит с кровати? Нет, ты не имеешь права бросить на произвол судьбы четыреста овец», — прорезалась еще одна мысль. Но она была, словно ночная птица, которая неожиданно откуда-то мелькнет у глаз крылом и пропадет тут же, растаяв в темноте. Не мог удержать ее Барлай. Другая мысль отодвинула ее.

«Неправда, — думалось. — Разве не в безопасности твоя зимовка? У него, у Санаша, уже потух костер и нет времени, чтобы разжечь новый... А может и поджигать-то нечего... С дочерью своей встал Санаш в эту минуту у кошары, у тех, у серебристых... Они защищают колхозное богатство. Богатство Санаша, Майи, Мурата, твое богатство, Барлай! И не уйдут они, пока руки будут в состоянии держать топор!»

И вдруг он вскрикнул от неожиданности: чуть левее

Санашевой кошары, на косогоре, где еще минуту назад стоял их новенький пятистенный дом — радость и гордость Санаша — пылал огромный костер.

— Дом! — вскричал Барлай и не узнал своего голоса, таким он стал хриплым. И показалось Барлаю, что стоит он на виду у всех, и горы смотрят на него, и люди из ближних урочищ показывают на него пальцами. «Вот он... Барлай Ачубаев, с которым Санаш всю жизнь провел в одной долине... Этот Барлай мог бы... мог...»

А за домом-костром стоит Санаш с топором в руках и ждет, когда бросятся на него звери...

Выпрямился вдруг Барлай и крикнул что было мочи: — Эге-ге-ге! Сана-аш! Эге-ге-ей! Держись!

Вышла старуха Мерей из дому, смотрит — бегают Барлай у костра и орет в долину. Испугалась: «Неужели снова злой дух?..»

А Барлай мимо нее — к коню.

13

Увидели на Санашевой зимовке: мчится всадник прямо на волчью цепь.

— Это Мурат! — вскрикнула Майя. — Он решил прорваться в село! Мурат! Мурат!

— Нет, это сам... Барлай! — тихо сказал Санаш. — Он сам.

— Смотри, смотри! Он свернул в долину! — закричала девушка. — Его разорвут на первом же километре!

Барлай тем временем подскакал к стае волков. Он хлопнул бичом, точно из ружья выстрелил. Ближние звери, щелкая зубами, неохотно отползли в сторону и забили хвостами по снегу, вытянувшись и пригнув головы к лапам.

Каурый взвился на дыбы, опустился и ударил одного волка копытом. Зверь замертво отлетел в сторону. На убитого тотчас налетела стая и, свирепо рыча, огрызаясь, в одно мгновение разорвала его.

Санаш выхватил огромную головню и с криком бросился на стаю.

— Назад! — закричал на него всадник, носившийся в отсветах костра. — Назад! Не бросайте ягнят!

— Барлай! — радостно воскликнул Санаш. — Барлай! Друг!

Но тот махнул рукой и круто повернул коня к Шаргайте.

Поднялась, запылила снежная пороша из-под ног Каурого. Распластался на ветру хвост его, дразня волков. Один за другим срывались с места звери, устремившись сначала настороженно, потом смелее и смелее вслед завидной добыче. Вот уж и вся стая мчалась за ним. Санашу прижгло руки. Он выронил головню и только тогда почувствовал слезы на своем лице.

— Отец, отец! — дергала за рукав Майя, держа в поводу своего коня. — Он может погибнуть, отец!.. Зачем он решился на такое?

— Барлай, — шептал Санаш. — Друг... Это может только друг, Майя... Настоящий... Я знаю, он сейчас отдаст своего любимого коня... Гляди! Гляди!

Барлай подскочил к одинокому кедру, у подножья которого бежала незамерзающая Шаргайта. Он поднял свечкой коня, вскочил на седло и ухватился за ближний сук... На него упал огромный ком снега.

— Ой! — воскликнула Майя, застыв на месте.

Изогнувшись молнией, грянул с берега Каурий.

Санаш закрыл глаза ладонью.

— Отец! Я прорвусь в село!.. Отец! — дергала его за рукав Майя.

— Езжай, езжай, дочь, — сказал Санаш и снова закрыл глаза. А когда открыл их — никого не было видно. Точно крыло какой-то стремительной птицы, мелькнула на повороте длинная шаль Майи и тоже скрылась.

В долине, у догорающего дома остался один Санаш. Он тихо пошел к кошарам, откуда доносились крики ягнят. Перепуганные овцы сгруппировались в кучу.

* * *

... Часа через два к старому кедру примчался отряд верховых. Около взмыленной лошади Майи рвал удила горячий конь Мурата.

— Он здесь, Мурат, — сказала Майя, подбегая к кедру. За ней бросились остальные.

Барлая сняли двое верховых. Он только немного ознобил руки.

За Шаргайтой нашли седло и наборную уздечку.

К Барлаю подошел Багиров.

— От имени всего народа, — сказал секретарь и при

всех низко поклонился. — От имени животноводов всего аймака, Барлай Ачубаевич..

... Утром мы спустились с горы Кырлык. Перед нами открылась Шаргайтинская долина. Удивила трава: местами она была так густа, что трудно было идти.

— Хорошая трава, — наклонился Никитин и сорвал в горсть пучок ее. — Да это же клевер! — воскликнул вдруг он пораженный.

— Да. Подсевают вот уже третий год, — сказал Маныкы. — Новая порода, новая забота.

Мы шли по долине. Спустились к кедру и остановились. Внизу бурлила Шаргайта. Вдали блеснул крышей большой дом.

— Неужели Санаши успел новый выстроить?

— Он не один строился. Ведь теперь там две семьи живут: Ялатовы и Ачубаевы... Отстроились быстро. Колхоз помог.

СОДЕРЖАНИЕ

Проня Лукашов	3
Рука друга	13
По велению сердца	22
Глава первая	—
Глава вторая	39
Когда пришла весна	38
В отпуске	51
Ка ру	65
Любовь Маринки	79
Строптивый характер	105
Люди моей мечты	110

Демченко Александр Михайлович

ЛЮДИ МОЕЙ МЕЧТЫ

(рассказы)

Редактор *Л. В. Кокышев*

Оформитель *А. М. Кузнецов*

Технический редактор *М. И. Тихтиев*

Корректоры *Е. Н. Плеханова* и *А. И. Тодосhev*

Сдано в набор 22/XII 1960 г. Подписано к печати 1/IV 1961 г.
 Формат 84 x 108¹/₃₂. Физ. п. л. 4,56, Усл. п. л. 7,48. Уч.-изд. л. 7,75.
 Цена 23 коп. АН 09130. Заказ № 2202. Тираж 5000 экз.

Горно-Алтайское книжное издательство.
 Типография № 15. г. Горно-Алтайск,
 проспект им. Сталина, 29.

Опечатки

Стр.	Напечатано	Следует читать
15 стр. 3 строка сверху	веечер	вечер
50 ст. 12 строка снизу	болезнено	болезненно
68 стр. 8 строка снизу	подрапеная	подрапелная
107 стр. 9 строка сверху	коровей	коровьей
Стр. 55 19 строка сверху	многовенне	мгновение

СОДЕРЖАНИЕ

Проня Лукашов

Рука друга

По велен.

Глава

Глава

Когда при

В отпуске

Ка ру

Любовь N

Строптивый

Люди мои

Демченко Александр Михайлович

ЛЮДИ МОЕИ МЕЧТЫ

(рассказы)

Редактор *Л. В. Кокышев*

Оформитель *А. М. Кузнецов*

Технический редактор *М. И. Тихомиров*

Корректоры *Е. Н. Плеханова* и *А. И. Тодосев*

Сдано в набор 22/XII 1960 г. Подписано к печати 1/IV 1961 г.
Формат 84 x 108¹/₃₂. Физ. п. л. 4,56. Усл. п. л. 7,48. Уч.-изд. л. 7,75.
Цена 23 коп. АН 09130. Заказ № 2202. Тираж 5000 экз.

Горно-Алтайское книжное издательство.
Типография № 15. г. Горно-Алтайск,
проспект им. Сталина, 29.

Цена 38 коп.

